

СТАНИСЛАВ

ЛЕМ

Рассказы о пилоте Пирксе
Непобедимый

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Станислав Лем

**Рассказы о пилоте
Пирксе. Непобедимый**

«Издательство АСТ»

1964, 1966

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

Лем С. Г.

Рассказы о пилоте Пирксе. Непобедимый / С. Г. Лем —
«Издательство АСТ», 1964, 1966 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-116063-0

Сборник «Рассказы о пилоте Пирксе» – одна из жемчужин творческого наследия Станислава Лема. История приключений героя, поначалу – курсанта, а потом – уже опытного космического пилота, восхищает читателей не только сюжетным многообразием и увлекательностью, но и фирменным «лемовским» юмором и тонким, неожиданным философским подтекстом... В романе «Непобедимый» Станислав Лем, вошедший в историю фантастики благодаря удивительно правдоподобным изображениям контактов человечества с иными цивилизациями, в очередной раз предлагает нам сюжет, в котором психологически точные наблюдения соседствуют с философскими проблемами. Имеет ли право командир рисковать своими подчиненными? Сопоставима ли цена победы с ценой человеческой жизни?

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-116063-0

© Лем С. Г., 1964, 1966

© Издательство АСТ, 1964, 1966

Содержание

Рассказы о пилоте Пирксе	6
Испытание[1]	6
Условный рефлекс[2]	23
Патруль[3]	60
Альбатрос[4]	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Станислав Лем
Рассказы о пилоте Пирксе. Непобедимый
Сборник

Stanisław Lem

Opowieści o pilocie Pirxie. Niezwyciężony

© S. Lem, 1964, 1966

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Рассказы о пилоте Пирксе

Испытание¹

1

– Курсант Пиркс!

Голос Ослиного Лужка заставил его очнуться. Он как раз представил себе, что в часовой кармашке старых гражданских брюк, спрятанных на дне шкафа, завалялась двухкрановая монетка. Серебряная, звенящая, забытая. Еще минуту назад он точно знал, что там ничего нет – разве что старая почтовая квитанция, – но постепенно уверил себя, что монета там могла быть, и, когда Ослиный Лужок назвал его имя, он уже в этом не сомневался. Он прямо-таки осязал ее округлость и видел, как она распирает кармашек. Можно сходить в кино, и полкраны еще останется. А если только на хроник, останется полторы; крану он отложил бы, а на остальное сыграл бы на автоматах. А вдруг автомат заест, и он начнет без конца сыпать монеты прямо в протянутую ладонь – только успевай рассовывать по карманам и опять подставлять руку... случилось же такое со Смигой! Он уже сгибался под тяжестью неожиданно привалившего к нему богатства, когда его вызвал Ослиный Лужок.

Преподаватель, заложив, как обычно, руки за спину и опираясь на здоровую ногу, спросил:

– Курсант Пиркс, что бы вы сделали, если бы в патрульном полете встретили инопланетный корабль?

– Я бы приблизился, – проговорил он глухим, почему-то огрубевшим голосом.

Аудитория замерла. Это обещало быть поинтереснее лекции.

– Очень хорошо, – отечески подбодрил его Ослиный Лужок. – И что же дальше?

– Я бы затормозил, – выпалил курсант Пиркс, чувствуя, что вышел далеко за переднюю линию своих познаний. Он лихорадочно искал в опустевшей вдруг голове какие-то параграфы «Поведения в Пространстве». Ему казалось, что он в жизни туда не заглядывал. Он скромно потупил глаза и увидел, что Смига что-то шепчет одними губами. Он угадал подсказку и повторил ее вслух, прежде чем смысл сказанного дошел до него:

– Я бы им представился.

Весь курс застонал от смеха. Даже Ослиный Лужок не смог удержаться. Однако серьезность очень скоро вернулась к нему.

– Курсант Пиркс, завтра зайдите ко мне с бортовым журналом. Курсант Бёрст!

Пиркс сел так осторожно, точно стул был из стекла, еще не совсем остывшего. Он даже не очень-то обижался на Смигу – такой уж он был, Смига, не мог пропустить удачной okazji. Он не слышал ни слова из того, что говорил Бёрст, – тот чертил на доске кривые, а Ослиный Лужок, как обычно, приглушал ответы электронного Вычислителя, так что отвечавший в конце концов запутывался в расчетах. Устав разрешал прибегать к помощи Вычислителя, но у Ослиного Лужка была собственная теория на этот счет: «Вычислитель – тот же человек, – говорил он, – и может оплошать». Пиркс и на Ослиного Лужка не обижался. Он вообще ни на кого не обижался. Почти никогда. Пять минут спустя он уже стоял перед магазином на улице Дьерхоф и разглядывал выставленные в витрине газовые пистолеты. Из них можно было стрелять

¹ Test, 1959. © Перевод. К. Душенко, 1993

холостыми зарядами – пулевыми и газовыми, полный комплект шесть крон, вместе с сотней патронов. Понятно, на Дьерхоф он тоже был только в мечтах.

После звонка курсанты двинулись к выходу – но без крика и топота, как первый или второй курс; в конце концов они уже не дети! Чуть ли не половина курса пошла в столовую – есть там пока было нечего, зато можно было встретить новую официантку. Говорят, хорошенькая. Пиркс медленно спускался по лестнице, минуя остекленные стеллажи, заставленные звездными глобусами, и надежда на то, что в кармашке действительно есть монета, таяла с каждым шагом. На последней ступеньке он уже точно знал, что ее там никогда не было.

У арки ворот стояли Бёрст, Смига и Паярц, с которым они полгода сидели за одним столом на космодезии. Он тогда замазал тушью все звезды в атласе Пиркса.

– У тебя завтра пробный полет, – сказал Бёрст, когда Пиркс поравнялся с ними.

– Порядок, – отозвался он флегматично. Его так просто не разыграешь.

– Не веришь – прочти! – Бёрст ткнул пальцем в стекло доски приказов.

Пиркс хотел пройти дальше, но голова повернулась сама. В списке было только три имени. «Курсант Пиркс» – значилось там черным по белому, в самом верху.

Несколько мгновений он ничего не видел.

Потом откуда-то издалека услышал собственный голос:

– Ну так что? Я же сказал – порядок.

Дорожка вела между клумбами. В этом году тут было множество незабудок, искусно высаженных в виде приземляющейся ракеты. Лютики изображали выхлопной огонь, но они уже отцвели. Пиркс не видел ни клумб, ни дорожки, ни незабудок, ни Ослиного Лужка, поспешным шагом вышедшего из бокового флигеля Института, чуть было не налетел на него в воротах и отдал честь перед самым его носом.

– А, Пиркс! – сказал Ослиный Лужок. – Вы ведь завтра летите? Хорошей тяги! Может, вам посчастливится встретить тех – инопланетян.

Здание общежития находилось напротив, в парке, за большими плакучими ивами. Оно стояло у пруда, и каменные колонны бокового крыла высились над самой водой. Кто-то пустил слух, будто эти колонны привезены прямо с Луны, – вздор, разумеется, – но первокурсники со священным трепетом вырезали на них инициалы и даты. Где-то там было и имя Пиркса – он усердно выдолбил его четыре года назад.

В своей комнате – такой маленькой, что он жил в ней один, – он долго не мог решить, стоит ли открывать шкаф. Он точно помнил, где лежат старые брюки. Их запрещалось оставлять у себя, потому-то он их и оставил. Ну, какой еще от них прок? Он зажмурился, присел на корточки, через приоткрытую дверцу сунул руку вовнутрь – и ощупал кармашек. Ну конечно, он так и знал. Там ничего не было.

2

Он стоял в ненадутом комбинезоне на стальном помосте, под самой крышей ангара, цепляясь локтем за трос, протянутый вместо поручней: обе руки у него были заняты. В одной он держал бортовой журнал, в другой – шпаргалку. Шпаргалку одолжил ему Смига – говорили, что с ней летал весь курс. Неясно, правда, как она возвращалась обратно, ведь после первого пробного полета курсантов сразу же отправляли на север, на Базу, и зубрежка к выпускным экзаменам шла уже там. Но, видно, как-то она возвращалась – может, ее сбрасывали на парашюте? Конечно, это была только шутка.

Он стоял на пружинящей стальной доске, над сорокаметровой бездной, и коротал время, пробуя угадать, будут ли его обыскивать, – это, увы, случалось. В пробные полеты курсанты брали самые неожиданные и строжайше запрещенные вещи: от плоских фляжек с водкой и жевательного табака до фотографий знакомых девушек. Не говоря уж, само собой, о шпаргал-

ках. Пиркс долго искал на себе место, где бы ее спрятать. Он перепрятывал ее раз пятнадцать – в ботинок под пятку, между двумя носками, за край ботинка, во внутренний карман комбинезона, в маленький звездный атлас – карманные брать разрешалось; подошел бы футляр для очков, но, во-первых, футляр понадобился бы громадный, во-вторых, он не носил очков. Чуть позже он сообразил, что в очках его бы не приняли в Институт.

Итак, он стоял на стальном помосте в ожидании обоих инструкторов и Шефа, а те почему-то опаздывали, хотя старт был назначен на девятнадцать сорок, а часы уже показывали девятнадцать двадцать семь. Будь у него кусочек пластыря, он, пожалуй, прилепил бы шпиргалку под мышкой. Говорят, коротышка Джеркес так и сделал, а когда инструктор дотронулся до него, запищал, что, дескать, боится щекотки, – и проскочил. Но Пиркс не был похож на человека, который боится щекотки. Он это знал и не обманывался на свой счет. Поэтому он просто держал шпиргалку в правой руке; потом, вспомнив, что придется здороваться за руку со всей троицей, переложил шпиргалку в левую, а бортжурнал – из левой в правую. Манипулируя таким образом, он незаметно привел в движение стальной помост – тот уже раскачивался, как трамплин. И тут он услышал шаги. Идущих он увидел не сразу – под крышей ангара было темно.

Явились все трое, как обычно ради такой оказии – в мундирах, стройные и подтянутые, особенно Шеф. А на нем, на курсанте Пирксе, был комбинезон, который даже без воздуха выглядел как двадцать сложенных вместе доспехов регбийного игрока, к тому же по обе стороны высокого ворота свисали разъемы кабелей ближней и дальней радиосвязи, на шее болтался шланг кислородного аппарата с вентилем на конце, в спину врезался резервный баллон, в двойном противопотном белье было дьявольски жарко, но пуще всего его донимало устройство, благодаря которому в полете не надо отлучаться по нужде (впрочем, в ракете первой ступени, служившей для пробных полетов, отлучиться было бы некуда).

Помост вдруг начал подпрыгивать. Кто-то шел сзади – это был Бёрст, в таком же комбинезоне; он четко отдал честь рукой в огромной перчатке и остановился так близко от Пиркса, словно всерьез решил спихнуть его вниз.

Когда начальство двинулось наконец вперед, Пиркс удивленно спросил:

– Ты тоже летишь? Тебя же не было в списке.

– Брендан заболел. Я за него, – ответил Бёрст.

Пирксу стало как-то не по себе. В конце концов это была редкая, прямо-таки единственная возможность хотя бы на миллиметр подняться к недостижимым высотам, на которых пребывал Бёрст, словно бы вовсе о том не заботясь. У них на курсе он был не только самым способным – с этим Пиркс еще примирился бы, он даже питал уважение к математическим талантам Бёрста, с тех пор как имел случай наблюдать его мужественный поединок с электронным Вычислителем: Бёрст стал отставать лишь при извлечении корней четвертой степени, мало того что он был из состоятельной семьи и не имел нужды предаваться мечтам о монетах, заваливавшихся в старых штанах, – но он к тому же показывал превосходные результаты в легкой атлетике, прыгал как черт, отлично танцевал и, что тут скрывать, был очень хорош собой, чего нельзя было сказать о Пирксе.

Они шли по длинному помосту между решетчатыми консолями перекрытия, мимо выстроенных в ряд ракет, пока полумрак не сменился солнечным светом: здесь перекрытие было уже раздвинуто на протяжении двухсот метров. Над огромными бетонированными воронками, которые вбирали в себя и отводили пламя выхлопа, высились рядом две конусообразные громадины – во всяком случае, Пирксу они показались громадинами: сорок восемь метров в высоту и одиннадцать в диаметре в самом низу, у ускорителей.

К люкам, уже открытым, были переброшены мостики, но проход загораживали маленькие красные флажки на гибких флагштоках и свинцовых подставках. Пиркс знал, что сам отодвинет флажок, когда на вопрос, готов ли он выполнить задание, ответит «готов», – и сделает

это впервые в жизни. И тут же им овладело предчувствие, что, отодвигая флажок, он споткнется о трос и непременно растянется на помосте – такое случалось. А если с кем-то случилось, то с ним случится *наверняка*: временами ему казалось, что он невезучий. Преподаватели смотрели на это иначе – дескать, он ротозей, растяпа и вечно думает о чем угодно, только не о том, о чем полагалось бы думать. И правда, мало что давалось ему с таким трудом, как слова. Между его поступками и мыслями, облеченными в слова, зияла... не то чтобы пропасть, но, во всяком случае, какой-то зазор, который осложнял ему жизнь. Преподаватели не догадывались о том, что Пиркс мечтатель. Об этом не догадывался никто. Считалось, что он вообще ни о чем не думает. А это было не так.

Краешком глаза он увидел, что Бёрст уже стоит, как положено, в одном шаге от переброшенного к люку ракеты мостика, вытянувшись по стойке «смирно» и прижав руки к ненадутым резиновым сочленениям комбинезона.

Он подумал, что Бёрсту к лицу даже этот чудной наряд, словно сшитый из сотни футбольных мячей, и что комбинезон Бёрста действительно не надут, тогда как его собственный надут как-то неравномерно, и поэтому в нем так неудобно ходить, приходится так широко расставлять ноги. Он сдвинул их как можно теснее, но каблуки все равно не сходились. Почему же они сходились у Бёрста? Непонятно. Впрочем, если бы не Бёрст, он начисто забыл бы о том, что надо встать по стойке «смирно» спиной к ракете, лицом к трем людям в мундирах. Сперва они подошли к Бёрсту – допустим, лишь потому, что тот начинался на «Б», но и это не было чистой случайностью, вернее, было случайностью не в пользу Пиркса: ему всегда приходилось подолгу маяться в ожидании вызова, и он всякий раз нервничал – уж если должно случиться что-то плохое, то лучше бы сразу.

Он с пятого на десятое слышал, что говорили Бёрсту, а тот, вытянувшись в струнку, отвечал так быстро, что Пиркс ничего не понял. Потом они подошли к нему, и, когда Шеф начал говорить, Пиркс вдруг вспомнил, что лететь должны были трое, а не двое, куда же девался третий? К счастью, он все же услышал слова Шефа и в последнюю минуту успел выпалить:

– Курсант Пиркс к полету готов!

– Мда-а... – протянул Шеф. – И курсант Пиркс заявляет, что здоров телом и духом... гм... в пределах своих возможностей?

Шеф любил украшать стереотипные вопросы подобными завитушками и мог себе это позволить – на то он был и Шеф.

Пиркс подтвердил, что здоров.

– На время полета произвожу вас, курсант Пиркс, в пилоты, – произнес Шеф сакраментальную фразу. – Задание: вертикальный старт на половинной мощности ускорителей. Выйти на эллипс Б-68. Затем ввести поправку для выхода на постоянную орбиту с периодом обращения 4 часа 26 минут. На орбите ждать два корабля прямой связи типа ИО-2. Вероятная зона радарного контакта – сектор III, спутник ПАЛ, допустимое отклонение шесть угловых секунд. Установить радиотелефонную связь с целью согласования маневра. Маневр: сойти с постоянной орбиты курсом 60 градусов 24 минуты северной широты, 115 градусов 3 минуты 11 секунд восточной долготы. Начальное ускорение 2,2 g. Конечное ускорение по истечении 83 минут – ноль. Поддерживая радиотелефонную связь, пилотировать оба ИО-2 в строю треугольником до Луны, выйти на временную орбиту в ее экваториальной зоне согласно указаниям Луны-ПЕЛЕНГ, убедиться, что ведомые корабли находятся на орбите, сойти с нее и, выбирая ускорение и курс самостоятельно, вернуться на постоянную орбиту в зоне спутника ПАЛ. Там ожидать дальнейших приказаний.

Курсанты говорили, что скоро взамен нынешних шпаргалок появятся электронные – электромозги размером с вишневую косточку; дескать, сунешь их в ухо или под язык, и они всегда и везде подскажут что хочешь. Но Пиркс в это не верил, полагая – вполне основательно, – что если что-нибудь такое появится, то курсанты будут уже не нужны. Пока что ему пришлось

самому повторить задание – и ошибся он только раз, зато основательно, спутав минуты и секунды времени с минутами и секундами долготы. После чего, потный как мышь в своем противопотном белье под толстой оболочкой комбинезона, стал ждать дальнейшего развития событий. Повторить-то он повторил, но смысл задания еще не начал доходить до него. Единственной застрявшей в голове мыслью было: «Ну и досталось же мне сегодня!»

В левой руке он сжимал шпаргалку, правой протянул Шефу бортовой журнал. Устный пересказ был просто педантством: все равно задание вручалось в письменном виде, с вычерченным начальным отрезком курса. Шеф вложил конверт с заданием в кармашек, приклеенный к обложке журнала, вернул журнал Пирксу и спросил:

– Пилот Пиркс, к старту готовы?

– Готов! – ответил пилот Пиркс. В эту минуту ему хотелось лишь одного: очутиться в рулевой рубке. Только бы расстегнуть комбинезон, хотя бы у шеи!

Шеф отступил на шаг.

– По раке-е-там! – крикнул он великолепным, стальным голосом, который, как колокол, перекрыл глухой, неустанный гул огромного ангара.

Пиркс развернулся кругом, схватил красный флажок, споткнулся о трос ограждения, в последний момент удержал равновесие и тяжело, словно Голем, вступил на узенький мостик. Он был еще только на середине, когда Бёрст (сзади он все же смахивал на футбольный мяч) уже входил в свою ракету.

Пиркс спустил ноги внутрь, ухватился за толстую обшивку люка, съехал по эластичному желобу вниз, не притрагиваясь к перекладинам («перекладки – только для умирающих пилотов», – говаривал Ослиный Лужок), и начал задраивать люк. Они отработывали это на тренажерах, а потом на настоящем люке, снятом с ракеты и установленном посреди учебного зала. Сотни, тысячи раз, до осточертения – левая рукоятка, правая рукоятка, пол-оборота, проверить герметичность, обе рукоятки до конца, дожать, проверить герметичность под давлением, задраить внутреннюю крышку люка, выдвинуть противометеоритный экран, покинуть входной туннель, запереть дверцу кабины, дожать, рукоятка, вторая рукоятка, стопор, все.

Пиркс подумал, что Бёрст, должно быть, давно уже сидит в своем стеклянном колпаке, тогда как он сам еще доворачивает маховик затвора, – и тут же вспомнил, что они ведь стартуют не одновременно, а с шестиминутным интервалом, так что спешить некуда. И все-таки лучше заранее сидеть на своем месте с включенным радиофоном – по крайней мере услышишь команды, которые отдают Бёрсту. Интересно, у него-то какое задание?

Свет в кабине включился автоматически, как только он задраил наружную крышку люка. Заперев свою лавочку на все засовы, он по маленькому ступенчатому скату, высланному шершавым и в то же время мягким пластиком, перешел на место пилота.

Бог знает, почему в этих маленьких одноместных ракетах пилот сидел в большой – три метра в диаметре – стеклянной банке. Банка эта, хотя и совершенно прозрачная, была, конечно, не из стекла и к тому же пружинила наподобие толстой, очень твердой резины. Этот пузырь, с раскладывающимся креслом пилота посередине, помещался внутри самой рулевой рубки, слегка конусообразной, так что пилот в своем «зубоврачебном кресле» (так его именовали курсанты) мог свободно вращаться по вертикальной оси и сквозь прозрачные стенки пузыря, в котором он был заключен, видел все циферблаты, индикаторы, передние, задние, боковые экраны, табло обоих вычислителей и астрографа и, наконец, святая святых – траектометр, на матовом, выпуклом стекле которого яркой, толстой чертой обозначался путь ракеты относительно неподвижных звезд в проекции Гаррельсбергера. Элементы этой проекции надо было знать наизусть и уметь читать ее по приборам в любом положении, даже вися вверх ногами. Слева и справа от сидящего в кресле пилота располагались четыре главные рукоятки реактора и рулевых отклоняющих дюз, три аварийные рукоятки, шесть рычагов малого пилотажа, рычаги пуска и холостого хода, регуляторы мощности тяги и прудувки дюз; над самым полом – боль-

шое спицевое колесо климатизаторной и кислородной регулировки, рукоятки противопожарного устройства и катапульты реактора (на случай возникновения неконтролируемой ядерной реакции), тросик с петлей, закрепленной на верхней части шкафчика с термосами и едой, а под ногами – тормозные педали с мягким покрытием и петлями в виде стремян и еще педаль аварийной эвакуации: если на нее нажать (для этого надо было ногой разбить ее колпачок), пузырь катапультировался вместе с креслом, пилотом и ленточно-кольцевым парашютом.

Кроме этой главной цели – спасения пилота в случае неустранимой аварии, – насчитывалось еще не меньше восьми крайне важных причин, из-за которых понадобился стеклянный пузырь, и в более благоприятных условиях Пиркс даже сумел бы одним духом перечислить их все, но ни одна из них не казалась ему (да и другим курсантам) достаточно веской.

Расположившись как следует, он, с немалым трудом сгибаясь в поясе, принялся ввинчивать все свисавшие и торчавшие из него трубки, кабели и провода в разъемы, которыми оштенилось кресло (причем всякий раз, когда он наклонялся вперед, комбинезон мягкой булкой упирался ему в живот), и, конечно, перепутал кабель радифона с обогревательным; хорошо еще, что у них была разная резьба, но ошибку он заметил только тогда, когда пот потек с него в три ручья; наконец сжатый воздух, шипя, мгновенно наполнил комбинезон, и Пиркс со вздохом облегчения откинулся назад, прилаживая руками оба набедренно-наплечных ремня.

Правый защелкнулся сразу, но левый почему-то не поддавался. Ворот, надутый, как автомобильная шина, не позволял оглянуться, он безуспешно тыкал вслепую широкой застежкой ремня, – а в наушниках уже заговорили приглушенные голоса:

– ...Пилот Бёрст на АМУ-18! Старт по радифону по счету *ноль*. Внимание – готов?

– Пилот Бёрст на АМУ-18 готов к старту по радифону по счету *ноль!* – мгновенно отчеканил Бёрст.

Пиркс выругался – и карабин защелкнулся. Он откинулся в мягкое кресло, такой обесиленный, словно только что вернулся из долгого-долгого межзвездного рейса.

– До старта – двадцать три... До старта – двадцать два... Два... – бубнило в наушниках.

Говорят, однажды, услышав громовое «Ноль!», стартовали оба курсанта сразу – тот, кому полагалось, и другой, ожидавший рядом своей очереди, – и вертикальными свечами шли в каких-то двухстах метрах друг от друга, рискуя в любое мгновение столкнуться. Так, во всяком случае, рассказывали на курсе. И будто бы с тех пор запальный кабель подключают в последний момент, дистанционно, это делал сам комендант космодрома из своей остекленной кабины управления, – так что весь этот отсчет был просто блефом. Но как там на самом деле, никто не знал.

– *Ноль!* – загремело в наушниках, и одновременно до Пиркса донесся приглушенный, протяжный грохот, кресло слегка задрожало, чуть сдвинулись с места искорки света в прозрачной оболочке, под которой он лежал распростертый, уставившись в потолок – то есть в астрограф, в индикаторы циркуляции охлаждения, тяги главных дюз, вспомогательных дюз, плотности потока нейтронов, изотопных загрязнений и еще восемнадцать других, из которых половина следила исключительно за самочувствием ускорителя; дрожь ослабла, стена глухого грохота прошла где-то рядом и таяла там, вверху, будто в небе поднимали невидимый занавес; гром уходил все дальше, как обычно, становясь все больше похожим на отголоски далекой грозы; наконец наступила тишина.

Что-то зашипело, зажужжало – он даже не успел испугаться. Это автоматическое реле включило заблокированные прежде телеэкраны: если рядом кто-нибудь стартовал, объективы закрывались снаружи, чтобы их не повредило слепящее пламя атомного выхлопа.

Пиркс подумал, что такие автоматические устройства очень полезны, – так он размышлял о том и о сем, пока вдруг не почувствовал, что волосы встают у него дыбом под выпуклым шлемом.

«Господи, я же лечу! Я, я сейчас полечу!!!» – мелькнуло у него в голове.

Он судорожно начал готовить рукоятки к старту – то есть дотрагиваться до них в нужном порядке, считая про себя: раз, два, третья... а где четвертая? – потом эта... так, вот этот индикатор... и педаль... нет, не педаль... ага, вот она... красная рукоятка, зеленая, потом на автомат... так... или красная после зеленой?!

– Пилот Пиркс на АМУ-27! – прервал его размышления голос, ударяющий в самое ухо. – Старт по радиэфону по счету *ноль!* Внимание – готов?

«Еще нет!» – порывалось что-то крикнуть устами пилота Пиркса, но он ответил:

– Пилот Бё... пилот Пиркс на АМУ-27 готов... э-э... к старту по радиэфону по счету *ноль!*

Он чуть было не сказал «пилот Бёрст», потому что хорошо запомнил, как тот отвечал. «Дубина!» – выругал он себя самого в наступившей тишине. Автомат (и почему это у всех автоматов голос унтер-офицера?) отрывисто лял:

– До старта шестнадцать... пятнадцать... четырнадцать...

Пилот Пиркс обливался потом. Он силился вспомнить что-то ужасно важное – он знал, что это вопрос жизни и смерти, – и никак не мог.

– ...до старта шесть... пять... четыре...

Мокрыми пальцами он стиснул стартовую рукоятку. Хорошо хоть шероховатая. Неужели все так потеют? Наверное, все... – тут наушники рывкнули:

– *Ноль!!!*

Его рука сама – совершенно сама – потянула за рукоятку и, доведя ее до середины, застыла. Пророкотало. Словно эластичный пресс упал ему на грудь и на голову. «Ускоритель», – успел он подумать, и в глазах потемнело. Однако не очень сильно и лишь на мгновение. Когда зрение вернулось к нему – хотя разлившаяся по всему телу тяжесть не отпускала уже ни на миг, – экраны, во всяком случае, те три, что были прямо перед ним, бурлили, как убегающее из миллиона кастрюль молоко.

«Ага, пробиваю облако», – догадался он. Теперь мысли текли медленней, как-то сонливо, зато он был совершенно спокоен. Спустя какое-то время им овладело чувство, будто он – всего только зритель этой немного смешной картины: детина развалился в «зубоврачебном кресле» и ни рукой, ни ногой; облака исчезли, небо еще отдает синевой, но какой-то поддельной, словно подведенное тушью, а на нем как будто бы звезды – или это не звезды?

Да, это были звезды. Стрелки сновали по потолку, по стенам, каждая на свой лад, каждая что-то показывала, и за всеми надо следить, а у него только пара глаз. Однако в ответ на короткий, повторяющийся писк в наушниках его левая рука сама – снова сама – потянула за рукоятку выбрасывателя ускорителя. Сразу стало полегче – скорость 7,1 в секунду, высота 201 километр, заданная траектория старта на исходе, ускорение 1,9, можно сесть, и вообще – теперь-то все только и начинается!

Он медленно возвращался в сидячее положение, нажимая на подлокотники и поднимая тем самым спинку кресла, – и вдруг застыл в ужасе.

– Где шпаргалка?!

Это и была та невероятно важная вещь, которую он никак не мог вспомнить. Он обшаривал глазами пол, словно вокруг и в помине не было полчищ подмигивающих со всех сторон индикаторов. Шпаргалка валялась под самым креслом – он наклонился, ремни, разумеется, не пустили, времени уже не было, и с таким чувством, словно он стоит на самом вершине высокой башни и валится вместе с ней в пропасть, он достал из наколенного кармана бортовой журнал и вынул из конверта задание. Ничего не понять – где же, черт подери, орбита Б-68? Ага, вот эта! – он глянул на траектометр и начал входить в поворот. Даже странно – пока все шло как надо.

На эллипсе Вычислитель благосклонно выдал данные для поправки, он опять маневрировал, соскочил с орбиты, слишком резко притормозил, в течение десяти секунд ускорение

достигало 3g, но ему это было хоть бы что, физически он был очень крепок («будь у тебя мозги как бицепсы, – говаривал Ослиный Лужок, – из тебя, глядишь, и получился бы толк»); с поправкой вышел на постоянную орбиту, по радиэфону сообщил данные Вычислителю, тот ничего не ответил, на его табло проплывали синусоиды холостого хода, Пиркс прорычал данные еще раз – ну конечно, забыл переключиться, – переключил радиэфон, и на табло выскочила мерцающая вертикальная линия, а все окошечки дружно показывали одни единицы. «Я на орбите!» – обрадовался он. Да, но период обращения – 4 часа 29 минут, а надо – 4 и 26. Теперь он уже совершенно не соображал, допустимо такое отклонение или нет. Он напрягал память, даже подумал, не отстегнуть ли ремни, – шпаргалка лежала под самым креслом, но черт его знает, может, в ней этого и нет, – и вдруг вспомнил, что говорил им на лекциях Кааль: «Орбиты рассчитываются с погрешностью 0,3 процента»; на всякий случай ввел данные в Вычислитель: погрешность была в норме. «Ну, более-менее», – сказал он себе и лишь теперь осмотрелся по настоящему.

Сила тяжести исчезла, но он был привязан к креслу на совесть и только ощущал необычайную легкость. Передний экран: звезды, звезды и белесо-бурая полоска в самом низу, боковой экран – ничего, лишь чернота и звезды. Нижний экран – ага! Пиркс с любопытством разглядывал Землю: он мчался над ней на высоте от 700 до 2400 километров на разных участках орбиты – Земля была огромная, заполняла целый экран, он как раз пролетал над Гренландией – ведь это Гренландия? – пока он соображал, что это, под ним была уже Северная Канада. Вокруг полюса сверкали снега, океан был фиолетово-черный, выпуклый, гладкий, словно отлитый из металла, облаков удивительно мало, точно по выпуклой поверхности кое-где расплескали жидкую кашу. Пиркс взглянул на часы.

Он летел уже одиннадцать минут.

Теперь надо было поймать позывные ПАЛа и, проходя через его зону, следить за радаром. Как называются те два корабля? РО? Нет, ИО, – а номера? Он заглянул в листок с заданием, сунул его в карман вместе с бортовым журналом и шевельнул ручку настройки у себя на груди. Эфир заполняло попискивание и потрескивание, ПАЛ – какой у него код? Ага, Морзе, – он напрягал слух, поглядывал на экраны, Земля неторопливо вращалась под ним, звезды быстро проплывали в экранах, а ПАЛ куда-то запропастился – не видать его, не слышать.

Вдруг он услышал жужжание.

«ПАЛ? – подумал он и тут же отбросил эту мысль. – Глупости, спутники не жужжат. А что тогда жужжит?»

«Ничего не жужжит, – ответил он сам себе. – Так что же это?»

Авария?

В общем-то он даже не испугался. Что еще за авария при выключенном двигателе? Жестянка разваливается сама по себе, что ли? А может, короткое замыкание? Замыкание! Господи боже! Инструкция на случай пожара III-A: «Пожар в пространстве на орбите», параграф... а, чтоб им всем! – все жужжит и жужжит, он едва различал попискивание далеких сигналов.

«Ну прямо как муха в стакане», – вконец ошалев, подумал он, перебегая глазами от индикатора к индикатору, – и тут он ее увидел.

Это была муха-гигант, черная, с зеленоватым отливом, из тех омерзительных мух, что, кажется, созданы лишь для того, чтобы отравлять людям жизнь, настырная, наглая, дурацкая и в то же время шустрая муха; она каким-то чудом (а как же еще?) забралась в ракету и теперь летала снаружи стеклянного пузыря, жужжащим комочком тычась в светящиеся циферблаты.

Пролетая над Вычислителем, в наушниках она гудела как четырехмоторный самолет: там, над верхней рамой Вычислителя, помещался еще один микрофон, резервный, им можно было пользоваться без ларингофона, встав с кресла, когда кабели внутренней связи отключены. Зачем? На всякий случай. Таких устройств было множество.

Он проклинал этот микрофон – боялся, что не услышит ПАЛ. Муха, точно ей было этого мало, начала расширять зону облетов. Несколько минут, не меньше, он невольно водил за ней глазами, пока наконец не сказал себе строго, что плевать ему на эту муху.

Жаль, нельзя подсыпать туда какого-нибудь дуста.

– Хватит!

В наушниках зажужжало так, что он скривился. Муха прохаживалась по Вычислителю. Стало тихо – она чистила крылышки. Что за мерзкая тварь!

В наушниках возник ритмичный, далекий писк: три точки, тире, две точки, два тире, три точки, тире – ПАЛ.

«Ну а теперь надо глядеть в оба!» – сказал он себе, еще немного приподнял кресло, чтобы видеть три экрана сразу, еще раз проследил за вращением фосфоресцирующего поискового луча на экране радара и стал ждать. На радаре ничего не было, но по радио кто-то вызывал:

– А-7 Земля – Луна, А-7 Земля – Луна, сектор три, курс сто тринадцать, вызывает ПАЛ ПЕЛЕНГ. Дайте пеленг. Прием.

«Вот незадача, как я теперь услышу мои ИО!» – встревожился Пиркс.

Муха взвыла в наушниках и куда-то пропала. Минуту спустя его сверху накрыла тень – словно на лампу уселась летучая мышь. Это вернулась муха. Она сновала по стеклянному пузырю, будто желала дознаться, что там такое внутри. Тем временем в эфире становилось тесно: он увидел ПАЛ (тот и впрямь походил на палицу – восьмисотметровый алюминиевый цилиндр со сферической шишкой обсерватории на конце); Пиркс летел над ним примерно в четырехстах километрах или чуть больше – и постепенно его обгонял.

– ПАЛ ПЕЛЕНГ вызывает А-7 Земля – Луна, сто восемьдесят запятая четырнадцать, сто шесть запятая шесть. Отклонение возрастает линейно. Конец.

– Альбатрос-4 Марс – Земля вызывает ПАЛ-Главный, ПАЛ-Главный, иду на заправку сектор два, иду на заправку сектор два, горючее на исходе. Прием.

– А-7 Земля – Луна вызывает ПАЛ ПЕЛЕНГ...

Дальше он не расслышал – все перекрыло жужжание. Наконец муха затихла.

– ПАЛ-Главный Альбатросу-4 Марс – Земля, заправка квадрант семь, Омега-Главная, заправка переносится, Омега-Главная. Конец.

«Они нарочно тут собрались, чтобы я ничего не услышал», – подумал Пиркс.

Противопотное белье плавало на его теле. Муха с бешеным жужжанием кружила над Вычислителем, словно во что бы то ни стало хотела догнать собственную тень.

– Альбатрос-4 Марс – Земля, Альбатрос-4 Марс – Земля вызывает ПАЛ-Главный, направляюсь квадрант семь, направляюсь квадрант семь, прошу вести меня по ближней радиосвязи. Конец.

Удаляющееся попискивание радиофона потонуло в нарастающем жужжании. Потом из него выделились слова:

– ИО-2 Земля – Луна, ИО-2 Земля – Луна вызывает АМУ-27, АМУ-27. Прием.

«Интересно, кого это он вызывает?» – подумал Пиркс и вдруг подпрыгнул в своих ремнях.

«АМУ», – хотел он сказать, но охрипшее горло не пропустило ни звука. В наушниках жужжало. Муха. Он закрыл глаза.

– АМУ-27 вызывает ИО-2 Земля – Луна. Нахожусь квадрант четыре, сектор ПАЛ, включая позиционные. Прием.

Он включил позиционные огни – два боковых красных, два зеленых на носу, один голубой сзади – и ждал. Кроме мухи, ничего не было слышно.

– ИО-2-бис Земля – Луна, ИО-2-бис Земля – Луна, вызываю...

Снова жужжание.

«Наверно, меня?» – подумал он в отчаянии.

– АМУ-27 вызывает ИО-2-бис Земля – Луна, нахожусь квадрант четыре, граничный сектор ПАЛ, все позиционные включены. Прием.

Теперь оба ИО отозвались одновременно; он включил селектор очередности, чтобы приглушить отозвавшегося вторым, но в наушниках жужжало по-прежнему. Конечно, муха.

«Я, наверно, повешусь», – подумал он. Ему не пришло в голову, что в невесомости даже такой выход невозможен.

На экране радара он увидел оба своих корабля: они шли за ним параллельными курсами в каких-нибудь девяти километрах друг от друга, то есть в опасной близости; как ведущий он должен был их развести на безопасное расстояние – 14 километров. Он как раз уточнял на радаре положение пятнышек, означающих корабли, когда на одно из них уселась муха. Он швырнул в нее бортжурналом, тот не долетел, шлепнулся о стекло пузыря и, вместо того чтобы соскользнуть по нему, отскочил вверх, ударился о крышку стеклянной банки и принялся свободно порхать – невесомость! Муха даже не соизволила отлететь – она отошла пешком.

– АМУ-27 Земля – Луна вызывает ИО-2, ИО-2-бис. Вас вижу, у вас бортовое сближение. Приказываю перейти на параллельные курсы с поправкой ноль запятая ноль один. По завершении маневра перейти на прием. Конец.

Пятнышки начали медленно расходиться, может быть, они что-то ему говорили, но он уже слышал только муху. Та оглушительно разгуливала по микрофону Вычислителя. Бросать в нее было уже нечем. Бортжурнал парил над ним, мягко шелестя страницами.

– ПАЛ-Главный вызывает АМУ-27 Земля – Луна. Освободите граничный квадрант, освободите граничный квадрант, принимаю транссолнечный. Прием.

«Вот наглость, транссолнечного еще не хватало – какое мне до него дело?! Преимущество у кораблей, идущих в строю!» – подумал Пиркс и закричал, вложив в этот крик всю свою бессильную ненависть к мухе:

– АМУ-27 Земля – Луна вызывает ПАЛ-Главный. Квадранта не покидаю, чихать я хотел на транссолнечный, иду в строю треугольником: АМУ-27, ИО-2, ИО-2-бис, эскадра Земля – Луна, ведущий АМУ-27. Конец.

«Зря я насчет транссолнечного, – подумал он. – Теперь накинута штрафные очки. Холера их всех возьми. А за муху кто схлопочет штрафные? Тоже я».

С этой мухой только ему могло так повезти. Великое дело, муха! Он живо вообразил, как покатывались бы со смеху Смига с Бёрстом, узнай они об этой дурацкой мухе. В первый раз после старта он вспомнил о Бёрсте. Но времени на размышления не было – ПАЛ все заметнее начинал отставать. Они летели втроем уже пять минут.

– АМУ-27 вызывает ИО-2, ИО-2-бис Земля – Луна. Время двадцать ноль семь. Маневр выхода на параболический курс Земля – Луна начинаем в двадцать ноль десять. Курс сто одиннадцатый... – читал он с листка, который ему только что удалось, акробатически изогнувшись, поймать над головой. Ведомые отозвались. ПАЛ уже скрылся из виду, но Пиркс все еще слышал его – то ли его, то ли муху. Вдруг жужжание как бы раздвоилось. Ему захотелось протереть глаза. Ну да. Их уже было две. Откуда вторая-то вылезла?

«Теперь они меня доконают», – спокойно, совершенно спокойно подумал он.

Было даже что-то утешительное в убеждении, что не стоит уже стараться, не стоит зря трепать нервы – они его все равно угробят. Это продолжалось секунду – потом он взглянул на часы: о господи, именно это время он сам назначил для начала маневра и даже не взялся еще за рукоятки!

Но тысячи изнурительных тренировок не пропали, как видно, даром – он вслепую, не отрывая глаз от траектометра, нашел обе рукоятки, потянул левую, потом правую. Двигатель глухо отозвался, что-то зашипело, он почувствовал удар по голове и даже вскрикнул от неожиданности. Бортовой журнал корешком врезался ему в лоб – под самым козырьком шлема – и теперь закрывал лицо. Смахнуть его он не мог – обе руки были заняты. В наушниках гудели

и клокотали любовные игрища мух на Вычислителе. «В полет должны выдавать револьвер», – подумал он, чувствуя, как борджурнал, тяжелея от перегрузки, расплющивает ему нос. Он бешено мотал головой – только бы увидеть траектометр! Журнал уже весил добрых три килограмма; наконец он со стуком упал на пол, – ну да, было почти 4g. Пиркс сразу же сбросил ускорение до величины, необходимой для маневрирования, и поставил рукоятки на стопор, – теперь индикатор показывал 2g. Неужели мухам это нипочем? Вот именно, нипочем. Они чувствовали себя превосходно. Так ему предстояло лететь 83 минуты. Он посмотрел на экран радара: оба ИО шли следом, дистанция между ними и его кормой возросла километров до семидесяти – потому что несколько секунд ускорение доходило до 4g и он выскочил вперед. Не страшно.

Теперь у него было немного свободного времени, до самого конца полета с ускорением 2g – не бог весть что такое. Сейчас он весил сто сорок два кило – всего лишь. А ведь он, бывало, по полчаса просиживал в лабораторной карусели при 4g.

Конечно, приятно было мало: руки и ноги словно чугунные, а головой и пошевелить нельзя – темнеет в глазах.

Он еще раз проверил положение обоих кораблей у себя за кормой. Интересно, что теперь делает Бёрст? Он представил себе его лицо – небось хоть в кино снимай... Один подбородок чего стоит! Нос прямой, глаза серые, даже серо-стальные, – уж он-то точно не взял с собой никаких шпаргалок! Впрочем, и ему шпаргалка пока не понадобилась. Жужжание в наушниках стало тише – обе мухи ползали над его головой по стеклянному верху банки, их тени задевали его лицо, в первый раз его даже передернуло. Он посмотрел вверх – черные мушинные лапки на концах были приплюснуты, брюшки отливали в свете ламп металлическим блеском. Фу, гадость!

– Порыв-8 Марс – Земля вызывает Треугольник Земля – Луна, квадрант шестнадцать, курс сто одиннадцать запятая шесть. Идете сходящимся со мной курсом, схождение через одиннадцать минут тридцать две секунды, прошу изменить курс. Прием.

«Ну надо же! – екнуло у него в груди. – Лезет, болван, напрямик – видит же, что я в строю!»

– АМУ-27, ведущий Треугольник Земля – Луна ИО-2, ИО-2-бис, вызывает Порыв-8 Марс – Земля. Иду в строю, курс не меняю, выполняйте маневр расхождения. Конец.

Одновременно он искал этого наглеца на радаре – и нашел! В каких-то полутора тысячах километров!

– Порыв-8 вызывает АМУ-27 Земля – Луна, у меня пробита гравиметрическая система, немедленно выполняйте маневр расхождения, точка схождения курсов сорок четыре ноль восемь, квадрант Луна четыре, граничная зона. Прием.

– АМУ-27 вызывает Порыв-8 Марс – Земля, ИО-2, ИО-2-бис Земля – Луна, выполняю маневр расхождения время двадцать тридцать девять, одновременный поворот за ведущим на расстоянии видимости, отклонение к северу сектор Луна один ноль запятая шесть, включаю двигатели малой тяги. Прием.

Еще продолжая говорить, он включил обе нижние рулевые дюзы. Ведомые ответили сразу, выполнили поворот, звезды проплыли в экранах, «Порыв» поблагодарил – он летел к Луне Главной. Пиркс, в неожиданном приливе воодушевления, пожелал ему мягкой посадки, это считалось хорошим тоном, тем более что у того была авария, – он видел его в тысяче километров от себя с включенными позиционными огнями, – потом снова вызвал свои ИО, и началось возвращение на прежний курс – ужас! Известное дело – сойти с курса легче легкого, а вот поди отыщи потом нужный отрезок параболы! Другое ускорение – он не успевал вводить данные, по Вычислителю ползали мухи, потом замельтешили перед радаром, их тени носились по экрану. И откуда у этих тварей столько сил? Прошло добрых двадцать минут, прежде чем он вышел на заданный курс.

«А у Бёрста, должно быть, дорога как пылесосом вычищена, – подумал Пиркс. – Впрочем, что ему! Он и так управится одной левой!»

Он включил автомат тяги, чтобы на 83-й минуте согласно заданию сбросить ускорение до нуля, – и тут увидел такое, что насквозь промокшее противопотное белье показалось ему сшитым из льда.

С распределительного щита медленно, по миллиметру, сползала белая крышка. Ее, как видно, плохо закрепили, и во время рывков при маневрировании (он действительно дергал слишком уж резко) зажимы ослабли. Между тем ускорение все еще было 1,7g, крышка сползала медленно, словно кто-то тянул ее вниз невидимой ниткой, – и вдруг соскочила, ударилась о стекло колпака снаружи, соскользнула по нему и осталась лежать на полу. Заблестели четыре оголенных медных провода высокого напряжения, а под ними – предохранители.

«Ну, и чего я, собственно, перепугался? – сказал он себе. – Крышка упала, подумаешь. С крышкой, без крышки, не все ли равно?»

И все-таки ему было тревожно – такого случаться не должно. Если слетает крышка с предохранителей, то может и корма отвалиться.

До конца полета с ускорением оставалось всего двадцать семь минут, когда он сообразил, что после выключения тяги крышка станет невесомой и начнет летать по кабине. Пожалуй, еще наделает бед? Да нет, вряд ли. Слишком легка. Даже стеклышка не разобьет. Э-э, обойдется.

Он поискал взглядом мух – гоняясь друг за дружкой, жужжа, мельтеша, они описывали круги вокруг банки, пока не уселись под предохранителями. Он потерял их из виду.

На экране радара он нашел оба своих ИО – на заданном курсе. Передний экран заполнял огромный, вполнеба, лунный диск. Когда-то они проходили селенографическую практику в кратере Тихо, и Бёрст с помощью обычного переносного теодолита смог вычислить... э-э, к дьяволу, чего он только не может! Пиркс попытался отыскать Луну Главную на внешнем склоне кратера Архимеда. Она глубоко зарылась в скалы и была почти не видна; лишь по сигнальным огням можно было бы различить отутюженную посадочную площадку – разумеется, ночью, но теперь там светило солнце. И хотя станция лежала в полосе тени от кратера, контраст с ослепительно сверкающим диском был так резок, что слабые сигнальные огни совершенно терялись.

Луна выглядела так, словно на нее не ступала нога человека, от Лунных Альп на равнину Моря Дождей ложились длинные-длинные тени. Он вспомнил, как перед полетом на Луну – всей группой, и летели они простыми пассажирами, – Ослиный Лужок попросил его проверить, видны ли с Луны звезды седьмой величины, а он, дурак, согласился с величайшей готовностью! У него начисто вылетело из головы, что днем с Луны звезд вообще не видно: слишком слепит глаза сияние солнца, отраженное от лунной поверхности. Ослиный Лужок потом еще долго донимал его этими «звездами с Луны». Лунный диск понемногу распухал на экранах – в переднем он уже вытеснял последние клочки черного неба.

Странно – жужжание стихло. Он глянул направо – и остолбенел.

Одна муха сидела на выпуклом боку предохранителя и чистила крылышки, другая с ней заигрывала. В каких-то миллиметрах от них блестел кабель. Изоляция кончалась чуть выше – все четыре провода, толщиной почти с карандаш, были оголены, напряжение не слишком высокое, 1000 вольт, поэтому и расстояние между ними было небольшим – семь миллиметров. Он случайно знал, что семь. Как-то они разбирали всю проводку, и за то, что он не знал расстояния между проводами, ассистент наговорил ему всякого. Муха покончила с флиртом и теперь ползала по голому проводу. Понятно, это ей ничем не грозило. Но если бы ей вздумалось перелезть на другой... Как видно, это-то ей и вздумалось: она зажужжала и уселась на крайнем медном проводе. Как будто во всей кабине не нашлось другого места! Если ее передние лапки окажутся на одном проводе, а задние на другом...

Ну и что? В худшем случае будет короткое замыкание, впрочем, муха, пожалуй, не так уж и велика. А даже если... что ж, закоротит на секунду, предохранитель автоматически выключит ток, муха сгорит, автомат опять включит ток, вот и все, – зато от мухи он будет избавлен! Как загипнотизированный, он смотрел на щит высокого напряжения. И все-таки лучше бы этой твари не пробовать. Короткое замыкание – один дьявол знает, чем это может кончиться. Вроде бы ничем – но лучше не надо.

Время: еще восемь минут на постепенно убывающей тяге. Скоро конец. Он еще не перевел взгляд с циферблата, как что-то сверкнуло – и свет погас. На какую-то треть секунды, не дольше. «Муха!» – успел он подумать, с затаенным дыханием ожидая включения автомата. Автомат сработал.

Свет зажегся, но оранжевый, тусклый, и тут же предохранитель щелкнул опять. Темень. Автомат снова включил ток. Выключил. Включил. И так пошло – без конца. Свет загорался вполнакала, в чем дело? В мгновенных, периодически повторяющихся проблесках света он с трудом разглядел: от мухи – эта тварь втиснулась-таки между проводами – остался обугленный трупик, он-то и продолжал соединять провода.

Нельзя сказать, чтобы он очень уж испугался. Он был спокоен, да, но разве после старта он успокаивался хоть на минуту? Часы были плохо видны. Табло индикаторов имели автономное освещение, радар тоже. Тока хватало ровно настолько, чтобы ни аварийные огни, ни резервная цепь не включалась, – но не настолько, чтобы было светло. До выключения двигателей оставалось четыре минуты.

Ему не приходилось об этом заботиться: редуктор выключит двигатель автоматически. Ледяная струйка пробежала у него по спине – как же выключит, если в сети замыкание?

Он было засомневался: может, это не та цепь, а другая? – пока не сообразил, что это главные предохранители. Для всей ракеты и всех цепей. Но реактор, реактор-то сам по себе?...

Реактор – да. Но не автомат. Он ведь сам его включил. Значит, надо теперь отключить. Или лучше не трогать? Может, все-таки обойдется?

Конструкторы не учли, что в кабину может попасть муха, что крышка может сползти и будет замыкание – да какое!

Свет мигал не переставая. Что-то надо было делать. Но что?

Очень просто: переключить главный рубильник – сзади, под полом. Он отключит главную цепь и подсоединит аварийную. Только и всего. Ракета сконструирована не так уж бестолково, все предусмотрено, и даже с запасом надежности.

Интересно, а Бёрст тоже сразу бы до этого додумался? Как ни обидно – пожалуй, да. И даже... но оставалось всего две минуты! Он не успеет выполнить маневр! Пиркс рванулся в своих ремнях. Он же напрочь забыл о тех!

Он закрыл глаза и сосредоточился.

– АМУ-27 ведущий Земля – Луна вызывает ИО-2, ИО-2-бис. У меня замыкание в рулевой рубке. Маневр выхода на временную стационарную орбиту над экваториальной зоной Луны выполню с опозданием... э-э... неопределенной продолжительности. Выполняйте маневр самостоятельно в установленное время. Прием.

– ИО-2-бис ведущему АМУ-27 Земля – Луна. Выполняю маневр выхода на временную стационарную орбиту над экваториальной зоной совместно с ИО-2. У тебя девятнадцать минут до Диска. Желаю удачи. Конец.

Едва дослушав, он отвинтил кабель радифона, кислородный шланг, второй кабель, поменьше, – ремни он отстегнул еще раньше. Когда он вставал с кресла, автомат редуктора вспыхнул рубиновым светом. Кабина периодически выныривала из темноты в мутно-оранжевый полусвет. Двигатель не включился. Рубиновый огонек глядел из полутьмы, словно спрашивая совета. Послышалось монотонное гудение – сигнал тревоги. Автомат не смог выключить двигатели.

С трудом удерживая равновесие, он бросился туда, за кресло.

Рубильник помещался в кассете, вделанной в пол. Кассета – заперта на ключ. Так и есть, заперта. Он рвал на себя крышку – та не поддавалась. Где ключ?

Ключа не было. Он дернул еще раз – впустую.

Он выпрямился. Смотрел перед собой невидящими глазами – на передних экранах сияла уже не серебристая, а белая, как горные снега, огромная Луна. Зубчатые тени кратеров проплывали по ее диску. Включился радарный альтиметр – или он работал уже давно? Под его мерное тиканье из полутьмы выскакивали зеленые цифирки: расстояние – двадцать одна тысяча километров.

Свет непрерывно мигал, предохранитель выключал и включал ток. Но кабина уже не погружалась во тьму: призрачное сияние Луны наполняло ее и лишь ненадолго ослабевало, когда лампы загорались полуживым светом.

Корабль летел все прямо и прямо, продолжая набирать скорость при остаточном ускорении 0,2g, – а Луна притягивала его все сильнее. Что делать?! Он еще раз метнулся к кассете, пнул ногой крышку – сталь даже не дрогнула.

Сейчас! О господи! Как он мог так поглупеть! Надо... надо всего лишь попасть туда, за прозрачную стенку! Ведь можно же! У самого выхода, где стеклянный пузырь, сужаясь, переходит в воронку, которая заканчивается у люка, под табличкой «ТОЛЬКО ПРИ АВАРИИ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЯ» есть покрытый красным лаком рычаг. Стоит его перевести, и стеклянная банка приподнимется почти на метр – можно пролезть, каким-нибудь кусочком изоляции очистить провода и...

В один прыжок он очутился у красного рычага.

«Болван!» – мысленно рявкнул он на себя, вцепился в стальной рычаг и рванул его так, что в плечах хрустнуло. Рукоятка выскочила во всю длину отливающего маслом стального прута – а банка даже не шелохнулась. Он ошалело тараторил на нее – в глубине виделись экраны, заполненные сияющей Луной, свет по-прежнему мигал над его головой, – он дернул еще раз, хотя рукоятка и так была уже выдвинута до предела... Все напрасно...

Ключ! Ключ от кассеты с рубильником! Он ничком бросился на пол, заглянул под кресло. Там валялась только шпателька...

Лампы непрерывно мигали, предохранитель включал и выключал ток. Когда огни гасли, все вокруг становилось белым, как скелет, словно выструганным из костей.

«Конец!» – подумал он. Катапультироваться вместе с банкой? Вместе с креслом, в капсуле? Нельзя, парашют не сработает, на Луне ведь нет атмосферы. «На помощь!!!» – хотелось ему крикнуть, но звать было некого – он был один. Что делать?! Должен же быть какой-нибудь выход!

Он снова рванул к рукоятке – рука чуть не выскочила из суставов. От отчаяния хотелось заплакать. Так глупо, так глупо... Где ключ? Почему механизм заело? Альтиметр... Он бросил взгляд на табло: девять с половиной тысяч километров. На сверкающем диске ясно виднелись зубчатые края Тимохариса. Ему почудилось, будто он уже видит то место, где врежется в покрывающую пемзой скалу. Будет гром, вспышка и...

Вдруг, в секундном проблеске света, его бешено скачущие глаза упали на четверной ряд медных жил. Там отчетливо чернел уголек, соединявший провода, – все, что осталось от мухи. Выставив плечо, он отчаянно, по-вратарски прыгнул вперед, удар был страшный, он чуть не лишился сознания. Стенка не дрогнула. Он вскочил, тяжело дыша, с окровавленным ртом, готовый снова броситься на стеклянную стену.

Посмотрел вниз.

Рукоятка малого пилотажа. Для больших, порядка 10g, но кратковременных ускорений. Действовала она напрямую, через механическое сцепление. И на долю секунды давала аварийную тягу.

Но ею он мог лишь прибавить скорость, то есть – еще быстрее долететь до Диска. А не затормозить. Тяга была слишком кратковременной. А торможение должно быть непрерывным. Значит, малый пилотаж – бесполезен?

Он кинулся к рукоятке, падая, схватил ее, рванул, уже без амортизирующей защиты кресла; ему показалось, что кости у него разлетаются, так его бросило о пол. Он дернул еще раз. Еще один страшный, мгновенный прыжок ракеты! Он ударился головой оземь, если бы не пенопласт – разбился бы вдребезги.

Предохранитель звякнул – и мигание вдруг прекратилось. Кабину залило нормальное, спокойное сияние ламп.

Мгновенные ускорения малого пилотажа двойным ударом выбили трухлявый уголек, застрявший между проводами. Замыкание было устранено. Чувствуя соленый привкус крови во рту, он прыгнул в кресло, словно нырял с трамплина, но промахнулся, пролетел высоко над спинкой, – страшный удар о верх пузыря, лишь отчасти смягченный шлемом.

Как раз тогда, когда он отталкивался для прыжка, заработавший автомат выключил двигатель. Остаточная сила тяжести исчезла. Корабль, теперь уже по инерции, камнем падал прямо на скалистые руины Тимохариса.

Он оттолкнулся от потолка. Кровавая слюна – его собственная – серебристо-красными пузырьками плавала возле него. Отчаянно извиваясь, он вытягивал руки к спинке кресла. Выгреб из карманов все, что там было, и швырнул за спину.

Сила отдачи медленно, мягко подтолкнула его, он опускался все ниже, пальцы, вытянутые так, что лопались сухожилия, царапнули ногтями никелированную трубку и впились в нее. Теперь он уже не отпустил. Головой вниз, как гимнаст, выполняющий стойку на брусках, подтянулся, поймал ремни, съехал по ним вниз, обернул их вокруг туловища – застежка... застегивать было некогда, он зажал конец ремня зубами – держало. Теперь руки на рукоятки, ноги – в стремянные педали!

Альтиметр: до Диска – тысяча восемьсот километров. Ну что, успеет затормозить? Исключено! 45 километров в секунду! Нужно выполнить разворот, глубокий выход из пике – только так!

Он выключил рулевые дюзы – 2, 3, 4g! Мало! Мало!

Дал полную тягу на разворот. Сверкающий ртутью диск, до сих пор словно бы встроенный в экран, дрогнул и начал все быстрее уплывать вниз. Кресло поскрипывало под растущей тяжестью тела. Корабль описывал дугу над самой поверхностью Луны, дугу огромного радиуса, ведь скорость была громадная. Рукоятка стояла не шелохнувшись, доведенная до упора. Его все глубже вдавливали в губчатое сиденье, дыхание перехватывало – комбинезон не был соединен с кислородным компрессором, он чувствовал, как прогибаются ребра, сероватые пятна замелькали перед глазами. Ежесекундно ожидая потери зрения, он все же не отрывал глаз от рамки радарного альтиметра, перемалывавшего в своих окошечках цифры, один ряд выскакивал за другим: 990-900-840-760 километров...

Он знал, что идет на полной тяге, и все-таки продолжал выжимать рукоятку. Он делал самый крутой поворот, какой только был возможен, и все же продолжал терять высоту – цифры по-прежнему уменьшались, хотя все медленнее и медленнее – он все еще был в нисходящей части огромной дуги. С трудом – глазные яблоки едва поворачивались – он скоился на траектометр.

Экран аппарата, как и обычно при полете в опасной близости от небесных тел, показывал не только траекторию корабля, вместе с ее слабо мерцающим вероятным продолжением, но и профиль участка лунной поверхности, над которым выполнялся маневр.

Обе кривые – полета и лунного профиля – почти сходились. Пересекались они или нет?

Нет. Но его дуга почти касалась поверхности. Было неясно, проскользнет он над Дисксом – или врежется в грунт. Погрешность составляла семь-восемь километров, и Пиркс не мог знать, где проходит кривая: над скалами или под ними.

В глазах темнело – 5g делали свое. Но сознания он не терял. Лежал, ослепший, стиснув пальцы на рукоятках, чувствуя, как понемногу сдают амортизаторы кресла. В то, что пришел конец, он не верил. Просто не мог поверить. Уже и губы отказывались пошевелиться – и в наступившей для него темноте он медленно считал про себя: двадцать один... двадцать два... двадцать три... двадцать четыре.

При счете «пятьдесят» мелькнула мысль: вот оно, столкновение – если ему вообще суждено случиться. И все-таки он не разжал ладоней. Ему становилось все хуже: удушье, звон в ушах, во рту полно крови, в глазах – кровавая темень...

Пальцы разжались сами – рукоятка медленно сдвинулась, он уже ничего не слышал, ничего не видел. Тьма постепенно серела, дышать становилось легче. Он хотел открыть глаза – но они оставались все время открытыми и теперь горели огнем: пересохла роговица.

Он сел.

Гравиметр показывал 2g. Передний экран – пуст. Звездное небо. Луны ни следа. Куда девалась Луна?

Она осталась внизу – под ним. Из своего смертельного пике он взмыл ввысь – и теперь удалялся от нее с убывающей скоростью. Как близко он прошел над Луной? Альтиметр, конечно, зарегистрировал, но в эту минуту у него были дела поважнее, чем выпытывать цифровые данные у прибора. Лишь теперь до его сознания дошло, что сигнал тревоги наконец-то замолк. Много пользы от такого сигнала! Уж лучше бы подвесили колокол. Погост – так погост. Что-то тихонько зажужжало – муха! Та, вторая! Жива, проклятая тварь! Она кружила над самой банкой. Во рту у него торчало что-то отвратительное, шершавое, с привкусом полотна – конец предохранительного ремня! Он все еще сжимал его в зубах. И даже не замечал этого.

Он застегнул ремни, положил ладони на рукоятки: теперь надо вывести ракету на заданную орбиту. Обоих ИО, конечно, и след простыл, но он должен дотянуть, куда следует, и доложить о себе Луне Навигационной. А может, Луне Главной, ведь у него авария? Черт их разберет! Или сидеть тихо? Исключено! Когда он вернется, увидят кровь, даже стеклянный верх забрызган красным (теперь он это заметил), впрочем, регистрирующее устройство записало на пленку все, что тут творилось, – и безумства предохранителя, и его борьбу с аварийной рукояткой. Хороши эти АМУ, нечего сказать! А еще лучше те, что подсовывают пилотам такие гробы!

Но пора уже было рапортовать, а он все еще не знал кому; он отпустил плечевой ремень, нагнулся и протянул руку к шпаргалке, валявшейся под креслом. В конце концов, почему бы и не заглянуть в нее? Хоть теперь пригодится.

И тут позади он услышал скрип – точь-в-точь будто отворилась какая-то дверь.

Никакой двери там не было, он знал это точно, а впрочем, привязанный ремнями к креслу, не мог обернуться, – но на экраны упала полоса света, звезды поблекли, и он услышал приглушенный голос Шефа:

– Пилот Пиркс!

Он хотел вскочить, ремни не пустили, он опять упал в кресло – с ощущением, будто сходит с ума. В проходе между стенками кабины и пузыря появился Шеф. Шеф стоял перед ним в своем сером мундире, серыми глазами смотрел на него – и улыбался. Пиркс не понимал, что такое с ним происходит.

Стеклянная оболочка приподнялась – он машинально начал отстегивать ремни, встал, – экраны за спиной Шефа внезапно погасли, словно их ветром задуло.

– Совсем неплохо, пилот Пиркс, – сказал Шеф. – Совсем неплохо.

Пиркс все еще не соображал, что с ним, и, стоя навтыжку перед Шефом, сделал нечто ужасное – повернул голову, насколько позволял надутый ворот.

Весь проход вместе с люком раздался по сторонам – как будто ракета здесь лопнула. В полосе вечернего света виднелся помост ангара, какие-то люди на нем, тросы, решетчатые консоли... Пиркс с полуоткрытым ртом взглянул на Шефа.

– Подойди-ка, дружище, – сказал Шеф и медленно протянул ему руку. Пиркс пожал ее. Шеф усилил пожатие и добавил: – От имени Службы Полетов выражаю тебе признательность, а от своего собственного – прошу извинения. Это... это необходимо. А теперь зайдем-ка ко мне. Ты сможешь умыться.

Он направился к выходу. Пиркс пошел за ним, ступая тяжело и неуклюже. На воздухе было холодно и дул слабый ветерок: он проникал в ангар через раздвинутую часть перекрытия. Обе ракеты стояли на прежних местах – только к их носовым частям тянулись, провисая дугой, длинные, толстые кабели. Раньше этих кабелей не было.

Стоявший на помосте инструктор что-то ему говорил. Через шлем было плохо слышно.

– Что? – машинально переспросил он.

– Воздух! Выпусти воздух из комбинезона!

– А, воздух...

Пиркс повернул вентиль – зашипело. Он стоял на помосте. Двое в белых халатах чего-то ждали перед тросами ограждения. Нос ракеты казался распоротым. Мало-помалу его охватывала какая-то странная слабость... изумление... разочарование... все отчетливее перераставшее в гнев.

Рядом открывали люк второй ракеты. Шеф стоял на помосте, люди в белых халатах что-то объясняли ему. Из люка послышался слабый шорох...

Какой-то коричневый, полосатый, извивающийся клубок выкатился оттуда, смутным пятном мелькала голова без шлема, захлебывалась ревом...

Ноги под ним подогнулись.

Этот человек...

Бёрст врезался в Луну.

Условный рефлекс²

Случилось это на четвертом году обучения, как раз перед каникулами.

К тому времени Пиркс отработал все практические занятия, остались позади зачеты на имитаторе, два настоящих полета и «самостоятельное колечко» – полет на Луну с посадкой и обратным рейсом. Он чувствовал себя докой, старым космическим волком, для которого любая планета – дом родной, а поношенный скафандр – излюбленная одежда; который первым замечает в космосе мчащийся навстречу метеоритный рой и с сакраментальным возгласом «Внимание! Рой!» совершает молниеносный маневр, спасая от гибели корабль, себя и своих менее расторопных коллег.

Так по крайней мере он себе это представлял, с огорчением отмечая во время бритья, что по его виду никак не скажешь, сколько ему довелось пережить... Даже паскудный случай при посадке в Центральном Заливе, когда прибор Гаррельсбергера взорвался чуть ли не у него в руках, не оставил Пирксу на память ни одного седого волоска! Что говорить – он понимал бесплодность своих мечтаний о седине (а чудесно было бы иметь тронутые инеем виски!), но пускай бы хоть собрались у глаз морщинки, с первого взгляда говорящие, что появились они от напряженного наблюдения за звездами, лежащими по курсу корабля! Пиркс как был толстощеком, так и остался. А поэтому он скоблил притупившейся бритвой физиономию, которой втайне стыдился, и придумывал каждый раз все более потрясающие ситуации, из которых в конце концов выходил победителем.

Маттерс, который кое-что знал о его огорчениях, а кое о чем догадывался, посоветовал Пирксу отпустить усы. Трудно сказать, шел ли этот совет от души. Во всяком случае, когда Пиркс однажды утром в уединении приложил обрывок черного шнура к верхней губе и посмотрелся в зеркало, его затрясло – такой у него был идиотский вид. Он усомнился в Маттерсе, хотя тот, возможно, не желал ему зла; и уж наверняка ни в чем не была виновата хорошенькая сестра Маттерса, которая сказала однажды Пирксу, что он выглядит «ужасно добропорядочно». Ее слова докончили Пиркса. Правда, в ресторане, где они тогда танцевали, не произошло ни одной из тех неприятностей, которых обычно побаивался Пиркс. Он только однажды перепутал танец, а она была настолько деликатна, что промолчала, и Пиркс не скоро заметил, что все остальные танцуют совсем другое. Но потом все пошло как по маслу. Он не наступал ей на ноги, в меру сил старался не хохотать (его хохот заставлял оборачиваться прохожих на улице), а потом проводил ее домой.

От конечной остановки нужно было порядочно пройти пешком, и он всю дорогу прикидывал, как дать ей понять, что он вовсе не «ужасно добропорядочен» – слова эти задели его за живое. Когда они подходили к дому, Пиркс переполошился. Он так ничего и не придумал, а вдобавок из-за усиленных размышлений молчал как рыба; в голове его царил пустота, отличавшаяся от космической лишь тем, что была пронизана отчаянным напряжением. В последнюю минуту метеорами пронеслись две-три идеи: назначить ей новое свидание, поцеловать ее, пожать ей руку (об этом он где-то читал) многозначительно, нежно и в то же время коварно и страстно. Но ничего не получилось. Он ее не поцеловал, не назначил свидания, даже руки не подал... И если б на этом все кончилось! Когда она своим приятным, воркующим голоском произнесла: «Спокойной ночи», повернулась к калитке и взялась за задвижку, в нем проснулся бес. А может, дело в том, что в ее голосе он ощутил иронию, действительную или воображаемую, Бог знает, но совершенно инстинктивно, когда она повернулась спиной, такая самоуверенная, спокойная... это, конечно, из-за красоты, держалась она королевой, красивые девушки всегда так... Ну, короче, он дал ей шлепок по одному месту, и притом довольно сильный.

² Odruch warunkowy, 1963. © Перевод. А. Борисов, 1993

Услышал тихий, сдавленный вскрик. Должно быть, она порядком удивилась! Но Пиркс не стал дожидаться, что будет дальше. Он круто повернулся и убежал, словно боялся, что она погонится за ним... На другой день, завидев Маттерса, он подошел к нему, как к mine с часовым механизмом, но тот ничего не знал о случившемся.

Пиркса все это беспокоило. Ни о чем он тогда не думал (как легко это ему, к сожалению, дается!), а взял да отвесил шлепок. Разве так поступают «ужасно добропорядочные» люди?

Он не был вполне уверен, но опасался, что, пожалуй, так. Во всяком случае, после истории с сестрой Маттерса (с той поры он ее избегал) Пиркс перестал по утрам кривляться перед зеркалом. А ведь одно время он пал так низко, что с помощью второго зеркала пытался найти поворот лица, который хоть частично удовлетворял бы его великие запросы. Разумеется, он не был законченным идиотом и понимал, как смехотворны эти обезьяньи ужимки, но, с другой стороны, искал он не признаки красоты, помилуй Бог, а черты характера! Ведь он читал Конрада и с пылающим лицом мечтал о великом молчании Галактики, о мужественном одиночестве, а разве можно представить себе героя вечной ночи, отшельника, с такой ряшкой? Сомнения не рассеялись, но с кривлянием перед зеркалом он покончил, доказав себе, какая у него твердая, негибкая воля.

Волнующие переживания несколько улеглись, когда подошла пора сдавать экзамен профессору Меринусу, которого за глаза называли Мериносом. По правде сказать, Пиркс почти не боялся этого экзамена. Он всего лишь три раза наведывался в Институт навигационной астродезии и астрогнозии, где у дверей аудитории курсанты караулили выходящих от Мериноса товарищей не столько для того, чтобы отпраздновать их успех, сколько чтобы разузнать, какие новые каверзные вопросы придумал Зловещий Баран. Такова была вторая кличка сурового экзаменатора. Этот старик, который в жизни не ступал ногой не то что на Луну, а даже на порог ракеты! – благодаря своей теоретической эрудиции знал каждый камень в любом из краев Моря Дождей, скалистые хребты астероидов и самые неприступные районы на спутниках Юпитера; говорили, что ему прекрасно известны метеориты и кометы, которые будут открыты спустя тысячелетие, – он уже сейчас рассчитал их орбиты, предаваясь своему любимому занятию – анализу возмущений небесных тел. Необъятность эрудиции сделала его придирчивым к микроскопическим знаниям курсантов.

Пиркс, однако, не боялся Меринуса, потому что подобрал к нему ключик. Старик пользовался собственной терминологией, которой в специальной литературе никто другой не применял. Пиркс, движимый врожденной сметливостью, заказал в библиотеке все труды Меринуса и – нет, вовсе он их не читал – попросту перелистал и выписал сотни две мериносовских словесных уродцев. Вызубрил их как следует и уверился, что не провалится. Так оно и случилось. Профессор, уловив стиль ответа, встрепенулся, поднял лохматые брови и слушал Пиркса, как соловья. Тучи, обычно не сходявшие с его чела, рассеялись. Он словно помолодел – ведь он слушал будто самого себя. А Пиркс, окрыленный переменой в профессоре и собственным нахальством, несся на всех парусах, и, хотя полностью засыпался на последнем вопросе (тут нужно было знать формулы, и вся мериносовская риторика не могла помочь), профессор вывел жирную четверку и выразил сожаление, что не может поставить пять.

Так Пиркс укротил Мериноса. Взял его за рога. Куда больше страха испытывал он перед «сумасшедшей ванной» – последним этапом накануне выпускных экзаменов.

Когда дело доходило до «сумасшедшей ванны», не помогали никакие уловки. Курсанты являлись к Альберту, который числился обычным служителем при кафедре экспериментальной астропсихологии, но фактически был правой рукой доцента – его слово стоило больше, нежели мнение любого ассистента. Он был доверенным лицом еще у профессора Балло, вышедшего год назад на пенсию на радость курсантам и к огорчению служителя (ибо никто так хорошо не понимал его, как отставной профессор). Альберт вел испытуемого в подвал и в тесной комнатке снимал с его лица парафиновый слепок. Полученная маска подвергалась

небольшой операции: в носовые отверстия вставлялись две металлические трубки. На этом дело кончалось.

Затем испытуемый отправлялся на второй этаж в «баню». Конечно, это была вовсе не баня, но, как известно, студенты никогда не называют вещи подлинными именами. Это было просторное помещение с бассейном, полным воды. Испытуемый – на студенческом жаргоне «пациент» – раздевался и погружался в воду, которую нагревали, пока он не терял ощущение температуры. Это было индивидуально: для одних вода «переставала существовать» при двадцати девяти градусах, для других – лишь после тридцати двух. Когда юноша, лежавший навзничь в воде, поднимал руку, воду прекращали нагревать, и один из ассистентов накладывал ему на лицо парафиновую маску. Затем в воду добавляли какую-то соль – но не цианистый калий, как всерьез уверяли те, кто уже искупался в «сумасшедшей ванне», – кажется, простую поваренную соль. Ее сыпали, пока «пациент» (он же «утопленник») не всплывал так, что тело его свободно держалось в воде чуть ниже поверхности. Металлические трубки высовывались наружу, и он мог свободно дышать.

Вот, собственно, и все. На языке ученых этот опыт назывался «устранение афферентных импульсов». И в самом деле, лишенный зрения, слуха, обоняния, осязания – присутствие воды скоро становилось неощутимым, – уподобленный египетской мумии, «утопленник», скрестив руки на груди, покоился в состоянии невесомости. Сколько времени? Сколько мог выдержать.

Как будто ничего особенного. Однако с человеком начинало твориться нечто странное. Конечно, о переживаниях «утопленников» можно было почитать в учебниках по экспериментальной психологии. Но в том-то и дело, что переживания эти были сугубо индивидуальны. Около трети испытуемых не выдерживали не то что шести или пяти, а даже и трех часов. Но игра стоила свеч – направление на преддипломную практику зависело от оценки за выносливость: занявший первое место получал первоклассную практику, совсем не похожую на мало интересное, в общем-то даже нудное пребывание на различных околосемных станциях. Невозможно было предсказать, кто из курсантов окажется «железным», а кто сдастся: «ванна» подвергала нешуточному испытанию цельность и твердость характера.

Пиркс начал неплохо, если не считать того, что без всякой нужды втянул голову под воду до того, как ассистент наложил ему маску; при этом он глотнул добрую порцию воды и смог убедиться, что это самая обыкновенная соленая вода.

После того как наложили маску, Пиркс почувствовал легкий шум в ушах. Он находился в абсолютной темноте. Расслабил мускулы, как было предписано, и неподвижно завис в воде. Глаза он не мог открыть, даже если б захотел: мешал парафин, плотно прилежавший к щекам и ко лбу. Сначала зазудело в носу, потом зачесался правый глаз. Сквозь маску, конечно, почесаться было нельзя. В отчетах других «утопленников» о зуде ничего не говорилось; по-видимому, это был его личный вклад в экспериментальную психологию. Совершенно неподвижный, покоился он в воде, которая не согревала и не охлаждала нагое тело. Через несколько минут он вообще перестал ее ощущать.

Разумеется, Пиркс мог пошевелить ногами или хотя бы пальцами и убедиться, что они скользкие и мокрые, но он знал, что с потолка за ним наблюдает глаз регистрирующей камеры; за каждое движение начислялись штрафные очки. Вслушавшись в самого себя, он вскоре начал различать тоны собственного сердца, необычно слабые и будто доносящиеся с огромного расстояния. Чувствовал он себя совсем не плохо. Зуд прекратился. Ничто его не стесняло. Альберт так ловко приладил трубки к маске, что Пиркс забыл о них. Он вообще ничего не ощущал. Но пустота становилась тревожащей. Прежде всего он перестал ощущать положение собственного тела, рук, ног. Он помнил, в какой позе лежит, но именно помнил, а не ощущал. Пиркс прикинул, давно ли он находится под водой, с этим белым парафином на лице. И с удивлением понял, что он, умевший без часов определять время с точностью до одной-двух минут, не

имеет ни малейшего представления, сколько минут – или, может, десятков минут? – прошло после погружения в «сумасшедшую ванну».

Пока Пиркс удивлялся этому, он обнаружил, что у него уже нет ни туловища, ни головы – вообще ничего. Совсем так, будто его вообще нет. Такое чувство не назовешь приятным. Оно, скорее, пугало. Пиркс будто растворялся постепенно в воде, которую тоже совершенно перестал ощущать. Вот уже и сердца не слышно. Изо всех сил он напрягал слух – безрезультатно. Зато тишина, наполнявшая его, сменилась глухим гулом, непрерывным белым шумом, таким неприятным, что хотелось заткнуть уши. Мелькнула мысль, что прошло, наверное, немало времени и несколько штрафных очков не испортят общей оценки: ему хотелось шевельнуть рукой.

Нечем было шевельнуть: руки исчезли. Он даже не испугался – скорее, поразился этому. Правда, он читал что-то о «потере ощущения тела», но кто бы подумал, что дело дойдет до такой крайности?

«По-видимому, так и должно быть, – успокаивал он себя. – Главное – не шевелиться; если хочешь занять хорошее место, надо вытерпеть до конца». Эта мысль поддерживала его некоторое время. Сколько? Он не знал.

Потом стало еще хуже.

Темнота, в которой он находился, вернее темнота-он-сам, заполнилась слабо мерцающими кругами, плавающими где-то на границе поля зрения, – круги не светились, только смутно белели. Он повел глазами, почувствовал это движение и обрадовался. Но странно: после нескольких движений и глаза отказались повиноваться...

Но зрительные и слуховые феномены: мерцания, мелькания, шумы и гулы – были безобидным прологом, игрушкой по сравнению с тем, что началось потом.

Он распадался. Даже не его тело – о теле речи не было, – оно не существовало с незапамятных времен, стало давнопрошедшим, утратилось навсегда. А может, его не было никогда?

Случается, придавленная, лишённая притока крови рука отмирает на некоторое время, но к ней можно прикоснуться другой, живой и чувствующей рукой, словно к обрубку дерева. Почти каждому знакомо это странное ощущение, неприятное, но, к счастью, быстро проходящее. Человек при этом остается нормальным, способным ощущать, живым, лишь несколько пальцев или кисть руки мертвеют, становятся будто посторонней вещью, прикрепленной к его телу. А у Пиркса не осталось ничего, или, вернее, почти ничего, кроме страха.

Он распадался – не на какие-то там отдельные личности, а именно на страхи. Чего Пиркс боялся? Он понятия не имел. Он не жил ни наяву – какая может быть явь без тела? – ни во сне. Ведь не сон же это: он знал, где находится, что с ним делают. Это было нечто третье. И на опынение абсолютно не похоже.

Он об этом читал. Это называлось «Нарушение деятельности коры головного мозга, вызванное лишением внешних импульсов».

Звучало это неплохо. Но на деле...

Он был немного здесь, немного там – все расплзлось. Верх, низ, стороны – ничего не осталось. Он силился припомнить, где потолок. Но что думать о потолке, если нет ни тела, ни глаз?

– Сейчас, – сказал он себе, – наведем порядок. Пространство – размеры – направления...

Слова эти ничего не значили. Он думал о времени, повторял «время, время», будто жевал комок бумаги. Скопление букв без всякого смысла. Уже не он повторял это слово, а некто другой, чужой, вселившийся в него. Нет, это он вселился в кого-то. И этот кто-то раздувался. Распухал. Становился безграничным. Пиркс бродил по непонятным недрам, раздулся, как шар, превратился в немыслимый слоноподобный палец, весь стал пальцем, но не своим, не настоящим, а каким-то невероятным, неизвестно откуда взявшимся. Этот палец обособлялся, становился чем-то угнетающим, неподвижным, стигбался укоризненно и вместе с тем нелепо, а

Пиркс, сознание Пиркса возникало то по одну, то по другую сторону этой глыбы, неестественной, теплой, омерзительной, никакой...

Глыба исчезла. Он кружился. Вращался. Падал камнем, хотел крикнуть. Глаза, округлые, вытаращенные, наступали на него, расплывались, когда он пробовал им сопротивляться, распирала его изнутри, словно он резервуар из тонкой пленки, готовый вот-вот лопнуть.

И он взорвался...

Он распался на независимые друг от друга куски темноты, которые парили, как беспорядочно взлетевшие клочки обуглившейся бумаги. В этих мельканиях и взлетах было непонятное напряжение; усилие, будто при смертельной болезни, когда сквозь мглу и пустоту, прежде бывшие здоровым телом и превратившиеся в бесчувственную стынущую пустыню, что-то жаждет в последний раз отозваться, дотянуться до другого человека, увидеть его, прикоснуться к нему.

– Сейчас, – удивительно четко произнес кто-то, но это шло извне, это был не он. Может, какой-то добрый человек сжалился и заговорил. С ним? С кем? Где? Но ведь он слышал! Нет, это был не настоящий голос.

– Сейчас. Другие-то выдержали. От этого не умирают. Нужно держаться.

Эти слова повторялись, пока не утратили смысл. Опять все расплзлось, как размокшая серая промокашка. Как снежный сугроб на солнце. Его размывало, он, недвижимый, несся куда-то, исчезал.

«Сейчас меня не будет», – подумал он вполне серьезно, ибо это походило на смерть, а не на сон. Только одно он знал еще: это не сон. Его окружали со всех сторон. Нет, не его. Их. Их было несколько. Сколько? Он не мог сосчитать.

– Что я тут делаю? – спросило что-то в нем. – Где я? В океане? На Луне? Испытание...

Не верилось, что это испытание. Как же так: немного парафина, какая-то подсоленная вода – и человек перестает существовать? Пиркс решил покончить с этим во что бы то ни стало. Он боролся, сам не зная с чем, будто приподнимал придавивший его огромный камень. Но не мог даже шелохнуться. В последнем проблеске сознания он собрал остатки сил и застонал. И услышал этот стон – приглушенный, отдаленный, словно радиосигнал с другой планеты.

На какое-то мгновение он почти очнулся, сосредоточился – чтобы впасть в очередную агонию, еще более мрачную, все разрушающую.

Никакой боли он не ощущал. Э, была бы боль! Она сидела бы в теле, напоминала о нем, очерчивала какие-то границы, терзала бы нервы. Но это была безболезненная агония – мертвящий, нарастающий прилив небытия. Он почувствовал, как судорожно вдыхаемый воздух входит в него – не в легкие, а в хаос трепещущих, скомканных обрывков сознания. Застонать, еще раз застонать, услышать себя...

– Если хочешь стонать, не мечтай о звездах, – послышался тот же неизвестный, близкий, но чужой голос.

Он одумался и не застонал. Впрочем, его уже не было. Он не знал, во что превратился: в него вливали липкие, холодные струи, а хуже всего было – почему ни один болван даже не упомянул об этом? – что все шло сквозь него. Он стал прозрачным – дырой, решетом, извилистой цепью пещер и подземных переходов.

Потом и это распалось – остался только страх, который не рассеялся, даже когда тьма задрожала, как в ознобе, замерцала – и исчезла.

Потом стало хуже, намного хуже. Об этом, однако, Пиркс не мог впоследствии ни рассказать, ни даже вспомнить отчетливо и подробно: для таких переживаний не существовало слов. Ничего он не смог из себя выдать. Да, да, «утопленники» обогащались, именно обогащались еще одним дьявольским переживанием, которого непосвященные представить себе не могут. Другое дело, что завидовать тут нечему.

Пиркс прошел еще много состояний. Некоторое время его не было, потом он снова появился, многократно умноженный; потом что-то выедало у него мозг, потом были какие-то

путаные, невыразимые словами мучения – их объединял страх, переживший и тело, и время, и пространство. Все.

Страх он наглотался досыта.

Доктор Гротиус сказал:

– Первый раз вы застонали на сто тридцать восьмой минуте, второй раз – на двести двадцать седьмой. Всего три штрафных очка – и никаких судорог. Положите ногу на ногу. Проверим рефлексы... Как вам удалось продержаться так долго – об этом потом.

Пиркс сидел на сложенном вчетверо полотенце, шершавом и поэтому очень приятном. Ни дать ни взять – Лазарь. Не в том смысле, что он внешне походил на Лазаря, но чувствовал он себя воистину воскресшим. Он выдержал семь часов. Занял первое место. За последние три часа тысячу раз умирал. Но не застонал. Когда его вытащили из воды, обтерли, промассировали, сделали укол, дали глоток коньяку и повели в лабораторию, где ждал доктор Гротиус, он мельком взглянул в зеркало. Он был совершенно оглушен, одурманен, будто не один месяц пролежал в горячке. Он знал, что все уже позади. И все же взглянул в зеркало. Не потому, что надеялся увидеть седину, а просто так. Увидел свою круглую физиономию, быстро отвернулся и зашагал дальше, оставляя на полу мокрые следы. Доктор Гротиус долго пытался вытянуть из него хоть какие-нибудь описания пережитого. Шутка сказать – семь часов! Доктор Гротиус теперь по-иному смотрел на Пиркса: не то чтобы с симпатией – скорее, с любопытством, как энтомолог, открывший новый вид бабочки. Или очень редкую букашку. Может быть, он видел в нем тему будущего научного труда?

Нужно с сожалением признать, что Пиркс оказался не особенно благодарным объектом для исследования. Он сидел и придурковато хлопал глазами: все было плоским, двумерным, когда он тянулся к какому-нибудь предмету, тот оказывался ближе или дальше, чем рассчитывал Пиркс. Это было обычное явление. Но не очень обычным был его ответ на вопрос доктора, пытавшегося добиться подробностей.

– Вы там лежали? – ответил он вопросом на вопрос.

– Нет, – удивился доктор Гротиус, – а что?

– Так полежите, – предложил ему Пиркс, – тогда сами увидите, каково там.

На следующий день Пиркс чувствовал себя уже настолько хорошо, что мог даже острить по поводу «сумасшедшей ванны». Теперь он ежедневно навещался в главное здание, где под стеклом на доске объявлений вывешивались списки с указанием места практики. Но до конца недели его фамилия так и не появилась.

А в понедельник его вызвал Шеф.

Встревожился Пиркс не сразу. Сначала он стал вспоминать свои прегрешения. Речь не могла идти о мыши, запущенной в ракету Остенса, – дело давнее, да и мышь была крошечная, и вообще тут говорить не о чем. Потом была история с будильником, автоматически включавшим ток в сетку кровати, на которой спал Мебиус. Но и это, собственно, пустяк. И не такое вытворяют в двадцать два года; к тому же Шеф был снисходителен. До каких-то пределов. Неужели он узнал о «привидении»?

«Привидение» было собственной, оригинальной выдумкой Пиркса. Разумеется, ему помогали коллеги – есть же у него друзья. Но Барна следовало проучить. Операция «Привидение» прошла как по писаному. Набили порохом бумажный кулек, из пороха же сделали дорожку, трижды опоясали ею комнату и вывели под стол. Пороху, пожалуй, насыпали многовато. Другим концом пороховая дорожка выходила через щель под дверь в коридор. Барна заранее обработали: целую неделю по вечерам только и говорили что о призраках. Пиркс, не будь прост, расписал роли: одни парни рассказывали всякие страсти, другие разыгрывали из себя неверующих, чтобы Барн не догадался о подвохе.

Барн не принимал участия в метафизических спорах, лишь иногда посмеивался над самыми яркими апологетами потустороннего мира. Но надо было видеть, как вылетел он в пол-

ночь из спальни, ревя, словно буйвол, спасающийся от тигра. Огонь ворвался сквозь щель под дверью, трижды обежал вокруг комнаты, и так под столом рвануло, что книги посыпались. Пиркс, однако, переборщил – занялся пожар. Несколькими ведрами воды пламя погасили, но осталась выжженная дыра в полу и вонь. В известном смысле номер не удался. Барн в призраки не поверил. Пиркс решил, что вызывают его, наверное, из-за «привидения». Утром он встал пораньше, надел свежую сорочку, на всякий случай заглянул в «Книгу полетов», в «Навигацию» и пошел, махнув на все рукой.

Кабинет у Шефа был великолепный. Так по крайней мере казалось Пирксу. Стены были сплошь увешаны картами неба, на темно-синем фоне светились желтые, как капельки меда, созвездия. На письменном столе стоял маленький немой лунный глобус, вокруг было полным-полно книг, дипломов, а у самого окна стоял второй, гигантский, глобус – подлинное чудо: нажмешь кнопку и сразу вспыхивают и выходят на орбиту любые спутники, – говорят, там были не только нынешние, но и самые старые, включая первые, исторические спутники 1957 года.

В этот день, однако, Пирксу было не до глобуса. Когда он вошел в кабинет, Шеф писал. Сказал, чтобы Пиркс сел и подождал. Потом снял очки – он начал носить их всего год назад – и посмотрел на Пиркса, будто раньше его в жизни не видел. Такая у него была манера. От этого взгляда мог растеряться даже святой, не имевший на совести ни одного грешка. Пиркс не был святым. Он заерзал в кресле. То проваливался в глубину, принимая позу неподобающе свободную, словно миллионер на палубе собственной яхты, то сползал вперед, чуть ли не на ковер и на собственные пятки. Выдержав паузу, Шеф спросил:

– Ну, как твои дела, парень?

Он обратился на «ты», значит, дела обстоят неплохо. Пиркс понял, что все в порядке.

– Говорят, ты искупался.

Пиркс подтвердил. К чему бы это? Настороженность не покидала его. Может, из-за невежливости по отношению к доктору?...

– Есть одно свободное место для практики на станции «Менделеев». Знаешь, где это?

– Астрофизическая станция на той стороне... – ответил Пиркс.

Он был несколько разочарован. Была у него тайная надежда, настолько сокровенная, что он из суеверия даже самому себе в ней не признавался. Он мечтал о другом. О полете. Столько ракет, столько планет, а он должен довольствоваться обычной стационарной практикой на той стороне... Когда-то считалось особым шиком называть «той стороной» невидимое с Земли полушарие Луны. Но сейчас все так говорят.

– Верно. Ты знаешь, как она выглядит? – спросил Шеф.

У него было странное выражение лица – словно он недоговаривал чего-то. Пиркс на миг заколебался: врать или нет?

– Нет, – сказал он.

– Если возьмешься за это задание, я дам тебе документацию.

Шеф положил руку на кипу бумаг.

– Значит, я имею право не взяться? – с нескрываемым оживлением спросил Пиркс.

– Имеешь. Потому что задание опасное. Точнее, может оказаться опасным...

Шеф собирался сказать еще что-то, но не смог. Он замолчал, чтобы лучше приглядеться к Пирксу; тот уставился на него широко раскрытыми глазами, потом медленно, благоговейно вздохнул – и замер, будто забыл, что надо дышать. Зардевшись, как девица, перед которой предстал королевич, он ждал новых упоительных слов. Шеф откашлялся.

– Ну, ну, – произнес он отрезвляюще. – Я преувеличил. Во всяком случае, ты ошибаешься.

– То есть как? – пробормотал Пиркс.

– Я хочу сказать, что ты не единственный на Земле человек, от которого все зависит... Человечество не ждет, что ты его спасешь. Пока еще не ждет.

Пиркс, красный как рак, терзался, не зная, куда деть руки. Шеф, известный мастер на всякие штучки, минуту назад показал ему райское видение: Пиркса-героя, который после совершения подвига проходит по космодрому сквозь застывшую толпу и слышит восторженный шепот: «Это он! Это он!» – а сейчас, будто совсем не понимая, что делает, начал принижать задание, сводить масштабы миссии к обыкновенной преддипломной практике и наконец разъяснил:

– Персонал станции комплектуется из астрономов, их отвозят на ту сторону, чтобы они отсидели положенный им месяц, и только. Нормальная работа там не требует никаких выдающихся качеств. Поэтому кандидатов подвергали обычным испытаниям первой и второй категорий трудности. Но сейчас, после того случая, нужны люди, проверенные тщательнее. Лучше всего подошли бы, конечно, пилоты, но, сам понимаешь, нельзя же сажать пилотов на обычную наблюдательную станцию...

Пиркс понимал это. Не только Луна, но и вся Солнечная система требовала пилотов, навигаторов и других специалистов – их все еще не хватало. Но что это за случай, о котором упомянул Шеф? Пиркс благоразумно молчал.

– Станция очень мала. Построили ее по-дурацки: не на дне кратера, а под северной вершиной. С размещением станции была целая история, ради сохранения престижа пожертвовали данными селенодезических исследований. Но со всем этим ты познакомишься позже. Достаточно сказать, что в прошлом году обвалилась часть горы и разрушила единственную дорогу. Теперь добраться туда можно лишь днем, и то с трудом. Начали проектировать подвесную дорогу, но работу приостановили, поскольку приняли решение перенести в будущем году станцию вниз. Ночью станция практически отрезана от мира. Прекращается радиосвязь. Почему?

– Простите – что?

– Почему, я спрашиваю, прекращается радиосвязь?

Вот такой он был, этот Шеф. Облагодетельствовал миссией, завел невинный разговор – и вдруг превратил все в экзамен. Пиркс начал потеть.

– Поскольку Луна не имеет ни атмосферы, ни ионосферы, радиосвязь поддерживается с помощью ультракоротких волн... С этой целью построены радиорелейные линии, сходные с телевизионными...

Шеф, опершись локтями о письменный стол, вертел в пальцах ручку, давая понять, что будет терпелив и дослушает до конца. Пиркс умышленно распространялся о вещах, известных любому младенцу, надеясь отсрочить минуту, когда придется вступить в область, где его знания оставляли желать лучшего.

– Передаточные линии находятся как на этой, так и на той стороне. – Тут Пиркс набрал скорость, как корабль, входящий в родные воды. – На той стороне их восемь. Они соединяют Луну Главную со станциями «Центральный Залив», «Сонное Болото», «Море Дождей»...

– Это ты можешь опустить, – великодушно разрешил Шеф. – И гипотезу о возникновении Луны – тоже. Я слушаю...

Пиркс заморгал.

– Помехи в связи возникают, когда линия оказывается в зоне терминатора. Когда некоторые ретрансляторы находятся еще в тени, а над остальными уже восходит Солнце...

– Что такое терминатор, я знаю. Не надо объяснять, – задушевно сказал Шеф.

Пиркс закашлялся. Потом высморкался. Но нельзя же тянуть до бесконечности.

– В связи с отсутствием атмосферы корпускулярное излучение Солнца, бомбардируя поверхность Луны, вызывает... э-э... помехи в радиосвязи. Именно эти препятствия препятствуют...

– Препятствия препятствуют – совершенно верно, – поддакнул Шеф. – Но в чем же они состоят?

– Это вторично возбуждаемое излучение, эффект. Но... Но...

– Но?... – благосклонно повторил Шеф.

– Новинского! – выкрикнул Пиркс. Вспомнил все же. Но и этого было мало.

– В чем заключается этот эффект?

Вот этого Пиркс и не знал. Вернее, раньше знал, но забыл. Вызубренные когда-то сведения он донес до порога экзаменационного зала, как жонглер несет на голове пирамиду из самых невероятных предметов, но теперь-то экзамен остался позади... Шеф сочувственно покачал головой, прерывая его бредовые измышления об электронах, вынужденном излучении и резонансе.

– Н-да, – произнес этот безжалостный человек, – а профессор Меринус поставил тебе четверку... Неужели он ошибся?

Пирксу показалось, что он сидит вовсе не в кресле, а на вулкане.

– Мне не хотелось бы огорчать его, – продолжал Шеф, – так что пусть он лучше ничего не узнает...

Пиркс облегченно вздохнул.

– ...но я попрошу профессора Лааба, чтобы на выпускном экзамене...

Шеф многозначительно умолк. Пиркс замер. Не от этой угрозы: рука Шефа медленно отодвигала документы, которые Пиркс должен был получить вместе со своей миссией.

– Почему не осуществляется связь посредством кабеля? – спросил Шеф, не глядя на него.

– Потому что это дорого. Коаксиальный кабель соединяет пока только Луну Главную с Архимедом. Но в течение ближайших пяти лет намечают всю радиорелейную сеть сделать кабельной.

Не переставая хмуриться, Шеф вернулся к первоначальной теме.

– Ну ладно. Практически каждую ночь на Луне станция «Менделеев» отрезана от всего мира на двести часов. До сих пор работа там шла нормально. В прошлом месяце после обычного перерыва в связи станция не откликнулась на позывные «Циолковского». На рассвете со станции «Циолковский» отправили специальную команду. Главный люк был открыт, а в шлюзовой камере лежал человек. Дежурили канадцы Шалье и Сэвидж. В камере лежал Сэвидж. Стекло его шлема треснуло. Он умер от удушья. Шалье удалось найти лишь сутки спустя на дне пропасти под Солнечными Воротами. Причина смерти – падение. В остальном на станции был полный порядок: нормально работала аппаратура, сохранились нетронутыми запасы продовольствия, – не удалось обнаружить никаких признаков аварии. Ты читал об этом?

– Читал. Но газеты писали о несчастном случае. Психоз... двойное самоубийство в припадке помешательства...

– Вздор, – перебил Шеф. – Я знал Сэвиджа. Еще по Альпам. Такие люди не меняются. Ну ладно. В газетах писали чепуху. Прочти-ка доклад смешанной комиссии. Послушай! Такие парни, как ты, в принципе проверены не хуже, чем пилоты, но дипломов у вас нет, значит, летать вы не можете. А преддипломную практику тебе так или иначе пройти надо. Если согласишься – завтра полетишь.

– А второй кто?

– Не знаю. Какой-то астрофизик. В общем-то там нужны астрофизики. Боюсь, ему от тебя будет мало пользы, но может, ты подучишься немного астрографии. Ты понял, о чем идет речь? Комиссия пришла к выводу, что произошел несчастный случай, но остается оттенок сомнения: ну, скажем, неясность. Там произошло что-то непонятное. Что именно – неизвестно. Вот и решили, что хорошо было бы послать туда в следующую смену хоть одного человека с психической подготовкой пилота. Я не вижу повода отказать им. В то же время, наверно, ничего особенного там не случится. Разумеется, смотри в оба, но никакой детективной миссии

мы на тебя не возлагаем, никто не рассчитывает, что ты откроешь какие-то дополнительные подробности, проливающие свет на это происшествие, и это не твоя задача. Тебе что, плохо?

– Что, простите? Нет! – возразил Пиркс.

– Мне так показалось. Ты уверен, что сумеешь вести себя благоразумно? У тебя, я вижу, голова закружилась. Я подумываю...

– Я буду вести себя рассудительно, – заявил Пиркс самым решительным тоном, на какой был способен.

– Сомневаюсь, – сказал Шеф. – Я посылаю тебя без особого энтузиазма. Если б ты не вышел на первое место...

– Так это из-за «ванны»! – только сейчас понял Пиркс.

Шеф сделал вид, что не слышал. Он подал Пирксу сначала бумаги, потом руку.

– Старт завтра в восемь утра. Вещей бери поменьше. Впрочем, ты уже бывал там, сам знаешь. Вот билет на самолет, вот броня на один из кораблей «Трансгалактики». Полетишь на Луну Главную, оттуда тебя перебросят дальше...

Шеф говорил еще что-то. Высказывал пожелания? Прощался? Пиркс не знал. Он ничего не слышал. Не мог слышать, потому что был очень далеко, уже на той стороне. В ушах у него стоял грохот старта, в глазах – белый, мертвый огонь лунных скал, и на лице было написано полнейшее ошеломление. Сделав поворот налево кругом, он наткнулся на большой глобус. Лестницу преодолел в четыре прыжка, словно и вправду находился уже на Луне, где притяжение меньше в шесть раз. На улице Пиркс чуть не угодил под автомобиль, который затормозил с таким визгом, что прохожие остановились, – но он даже не заметил этого. Шеф, к счастью, не мог наблюдать, как Пиркс начинает вести себя «рассудительно».

За последующие двадцать четыре часа с Пирксом, вокруг Пиркса, в связи с Пирксом произошло столько всего, что временами он чуть ли не тосковал по теплой, соленой «ванне», в которой абсолютно ничего не происходит.

Как известно, человеку одинаково вредны и нехватка, и избыток впечатлений. Но Пиркс таких выводов не делал. Все старания Шефа преуменьшить, ослабить и даже принизить значение его миссии не возымели, скажем прямо, никакого действия. В самолет Пиркс вошел с таким выражением лица, что хорошенькая стюардесса невольно отступила на шаг; впрочем, это было явное недоразумение – Пиркс вообще ее не заметил. Шагал он так, словно возглавлял железную когорту; уселся в кресло с видом Вильгельма Завоевателя; кроме того, он был еще Космическим Спасителем Человечества, Благодетелем Луны, Открывателем Страшных Тайн, Победителем Призраков Той Стороны – все лишь в будущем, в мечтах, но это ничуть не портит ему настроение, совсем наоборот, наполняло его безграничной доброжелательностью и снисходительностью к спутникам, которые понятия не имели о том, кто находится вместе с ними в чреве огромного реактивного самолета! Он смотрел на них, как Эйнштейн в старости на малышей, играющих в песке.

«Селена», новый корабль компании «Трансгалактика», стартовала с Нубийского космодрома в сердце Африки. Пиркс был доволен. Он, правда, не думал, что со временем в этих местах установят мемориальную доску с соответствующей надписью, – нет, так далеко в мечтах он не заходил. Но был довольно близок к этому. Правда, в чашу наслаждений понемногу просачивалась горечь. В самолете могли не знать о нем. Но на палубе межпланетного корабля? Оказалось, что сидеть придется внизу, в туристском классе, среди каких-то обвешанных фотоаппаратами французов, которые перебрасывались чертовски быстрыми и совершенно непонятными репликами. Он – в толпе галдящих туристов?!

Никому не было до него дела. Никто не облачал его в скафандр, не накачивал воздух, не спрашивал при этом, как он себя чувствует, не прилаживал ему за спину баллоны. Пиркс утешил себя, что так нужно для конспирации. Салон туристского класса выглядел почти так

же, как в реактивном самолете, только кресла были побольше и поглубже да табло, на котором вспыхивали различные надписи, торчало под самым носом. Надписи эти в основном запрещали всякие вещи: вставать, ходить, курить. Напрасно пытался Пиркс выделиться из толпы несведущих в астронавтике тем, что принял вполне профессиональную позу, положил ногу на ногу и не пристегнулся ремнем. Второй пилот приказал ему пристегнуться – и это был единственный случай, когда кто-либо из экипажа обратил на него внимание.

Наконец один из французов, видимо, по ошибке угостил его фруктовой помадкой. Пиркс взял ее, старательно забил рот сладкой клейкой массой и, покорно откинувшись в глубину надутого кресла, предался размышлениям. Постепенно он снова уверился в том, что миссия его крайне опасна, и медленно смаковал ее ужас, словно закоренелый пьяница, которому попала в руки покрытая плесенью бутылка вина наполеоновских времен.

Ему досталось место у окна. Пиркс решил, разумеется, вообще не глядеть в окно – столько раз он уже это видел!

Однако не выдержал. Едва «Селена» вышла на околоземную орбиту, с которой ей предстояло взять курс на Луну, Пиркс прилип к окну. Уж очень захватывал момент, когда исчерченная линиями дорог и каналов, покрытая пятнами городов и поселков поверхность Земли словно очищалась от всяких следов человеческого присутствия; под кораблем открылась пятнистая, облепленная хлопьями облаков выпуклость планеты, и взгляд, перебегая с черноты океанов на материки, тщетно старался обнаружить хоть что-нибудь созданное человеком. С расстояния в несколько сот километров Земля казалась пустой, ужасающе пустой, словно жизнь на ней только начинала зарождаться, слабым налетом зелени отмечая самые теплые места.

Пиркс видел эту перемену уже много раз, и она всегда заново ошеломляла его: было в ней нечто, с чем он не мог согласиться. Может быть, наглядное свидетельство микроскопичности человека по сравнению с космосом? Переход в сферу других, планетарных масштабов? Картина ничтожности многовековых усилий человека? Или, наоборот, торжество ничтожно малой величины, которая преодолела мертвую, ко всему безразличную силу тяготения ужасающей глыбы и, оставив за собой дикие горные массивы и щиты полярных льдов, ступила на поверхность других небесных тел? Эти размышления, вернее, не выразимые словами ощущения ушли без следа, когда корабль изменил курс, чтобы сквозь дыру в радиационных поясах над Северным полюсом рвануться к звездам.

Долго смотреть на звезды ему не пришлось: на корабле зажглись огни. Подали обед, во время которого двигатели работали, чтобы создать искусственное тяготение. После обеда пассажиры опять легли в кресла, свет погас, и теперь можно было разглядывать Луну.

Они приближались к ней с южной стороны. За полтора часа – двести километров от полюса полыхал отраженным солнечным светом кратер Тихо – белое пятно с идущими во все стороны лучевидными полосами; изумительная правильность этих полос поражала не одно поколение земных астрономов, а потом, когда загадка была решена, стала предметом студенческих шуток. Редкому первокурснику не внушали, что «белая шайба Тихо» есть «дырка для лунной оси», а лучевидные полосы – это попросту слишком толсто нарисованные меридианы!

Чем ближе подлетали они к висящему в черной пустоте шару, тем нагляднее убеждались, что Луна – это застывший, запечатленный в отвердевших массивах лавы облик мира, каким он был миллиарды лет назад, когда раскаленная Земля вместе со своим спутником пронеслась сквозь тучи метеоритов, оставшихся от эпохи формирования планет, когда град железа и камней неустанно молотил по тонкой коре Луны, дырявил ее, выпуская на поверхность потоки магмы. Через бесконечно долгий срок, когда очистилось и опустело окружающее пространство, шар, лишенный воздушной оболочки, сохранился как омертвелое поле боя, как немой свидетель эпохи горообразовательных катаклизмов. А потом его изуродованная бомбардиров-

ками каменная маска стала источником вдохновения для поэтов и лирическим фонарем для влюбленных.

«Селена», несшая на своих двух палубах пассажиров и четыреста тонн груза, повернулась кормой к растущему лунному диску, начала медленное, плавное торможение и, наконец, слегка вибрируя, села в одну из больших воронок на космодроме.

Пиркс побывал здесь уже трижды, причем два раза прилетал в одиночку и «собственно-ручно садился» на учебном поле, удаленном на полкилометра от пассажирской посадочной площадки.

Сейчас он даже не видел учебного поля, так как гигантский, обшитый керамическими плитами корпус «Селены» передвинули на платформу гидравлического лифта и спустили в герметический ангар на таможенный досмотр: наркотики? алкоголь? вещества взрывчатые, отравляющие, разъедающие? Пиркс располагал небольшим количеством отравляющего вещества, а именно плоской фляжкой коньяку, которую дал ему Маттерс. Она была спрятана в заднем кармане брюк. Затем последовала санитарная проверка: свидетельства о прививках, справка о стерилизации багажа – чтобы не затащить на Луну какие-либо микробы; это Пиркс прошел быстро. У барьера он задержался, думая, что, может, кто-нибудь встретит его.

Он стоял на балконе. Ангар представлял собой вырубленное в скале и забетонированное огромное помещение с плоским полом и куполообразным сводом. Света здесь было вдоволь – искусственного, дневного, он лился из люминесцентных пластин; множество людей сновали во все стороны; на электрокарах развозили багаж, баллоны со сжатым газом, аккумуляторы, ящики, трубы, катушки кабеля, а в глубине помещения неподвижно темнело то, что вызвало всю эту возню, – корпус «Селены», точнее, только его средняя часть, напоминавшая огромный газгольдер; корма покоилась глубоко под бетонным полом, в просторном колодце, а верхушка толстого тела уходила через круглое отверстие в верхний этаж ангара.

Пиркс стоял, пока не вспомнил, что нужно заняться собственными делами. В управлении космодрома его принял какой-то служащий. Торопясь куда-то, он устроил Пиркса на ночлег и сказал только, что ракета на ту сторону отправляется через одиннадцать часов. Пиркс вышел в коридор, убежденный, что тут форменный кавардак. Он даже не знал толком, по какому маршруту полетит – через Море Смита или напрямик к «Циолковскому»? И где все-таки его неизвестный будущий напарник? А какая-то комиссия? А программа предстоящей работы?

Он думал об этом, пока раздражение не перешло в ощущение более материальное, сосредоточившись в желудке. Пирксу захотелось есть. Он разыскал подходящий лифт и, изучив табличку с надписями на шести языках, которая висела в кабине, спустился в столовую для летного состава, но там узнал, что, поскольку он не пилот, питаться ему надлежит в обычном ресторане.

Только этого не хватало. Он направился было в проклятый ресторан и вдруг вспомнил, что не получил свой рюкзак. Поднялся вверх, в ангар. Багаж уже отправили в гостиницу. Пиркс махнул рукой и пошел обедать. Его затерло между двумя потоками туристов: в ресторан направлялись французы, прилетевшие вместе с ним, и туда же шли какие-то швейцарцы, голландцы и немцы, только что вернувшиеся на селенобусе с экскурсии к подножию кратера Эратосфена. Французы подпрыгивали, как обычно делают люди, впервые испытывающие очарование лунной гравитации, под женский смех и визг взлетали к потолку и наслаждались плавным спуском с трехметровой высоты. Немцы держались более деловито, они вливались в просторные залы ресторана, развешивали на спинках стульев фотоаппараты, бинокли, штативы, чуть ли не телескопы; уже подали суп, а они все показывали друг другу осколки горных пород, которые команды селенобусов продавали туристам в качестве сувениров. Пиркс склонился над тарелкой, поглощая свой второй обед за день, – в этой немецко-французско-греческо-голландско-... Бог знает еще какой суматохе, среди всеобщего энтузиазма и восхищения он, наверно, оставался единственным мрачным человеком. Какой-то голландец, решив уделить ему внима-

ние, поинтересовался, не страдает ли Пиркс космической болезнью после ракетного полета – «Вы впервые на Луне, да?» – и предложил ему таблетки. Эта капля переполнила чашу. Пиркс не доел второе, купил в буфете четыре пачки сдобного печенья и отправился в гостиницу. Вся его злость вылилась на портье, который хотел продать ему «кусочек Луны», а точнее говоря, осколок остекленевшего базальта.

– Отвяжись, торгаш! Я был тут раньше тебя! – заорал Пиркс и, дрожа от бешенства, прошел мимо портье, пораженного этим взрывом.

В двухместном номере сидел, устроившись под лампой, невысокий мужчина в полинялой куртке, рыжеватый, седеющий, с загорелым лицом, на лоб его спадала прядь волос. При появлении Пиркса он снял очки. Звали его Лангнер, доктор Лангнер, он был астрофизиком и вместе с Пирксом направлялся на станцию «Менделеев». Это и был неведомый лунный компаньон. Пиркс, заранее готовый к самому плохому, тоже назвался, пробурчал что-то себе под нос и сел. Лангнеру было около сорока; по мнению Пиркса, этот старик неплохо сохранился. Он не курил; вероятно, не пил и вроде даже не разговаривал. Читал он три книги сразу: первая представляла собой логарифмическую таблицу, страницы второй сплошь усеивали формулы, а в третьей не было ничего, кроме спектрограмм. В кармане он носил портативный калькулятор, которым очень ловко пользовался при вычислениях. Время от времени он, не отрываясь от своих формул, задавал Пирксу какой-нибудь вопрос; тот отвечал, продолжая жевать печенье. В крошечном номере стояла двухъярусная койка, в душевую не пролез бы человек солидной комплекции, всюду висели таблички, заклинавшие на многих языках экономить воду и электричество. Хорошо еще, что не запрещают глубокие вздохи: ведь кислород здесь тоже привозной! Пиркс запил печенье водой из-под крана и убедился, что от нее ломит зубы, – очевидно, резервуары с водой находились близко к поверхности базальта. Часы Пиркса показывали без малого одиннадцать, на электрических часах, висевших в номере, было семь вечера, а на часах Лангнера стрелки уже перевалили за полночь.

Они переставили свои часы на лунное время, однако и это было ненадолго; на станции «Менделеев» было другое, свое время, как повсюду на той стороне.

До старта ракеты оставалось девять часов. Лангнер, ничего не сказав, ушел. Пиркс расположился в кресле, потом пересел под лампу, попытался читать какие-то старые, потрепанные журналы, лежавшие на столике, но не смог усидеть и тоже вышел из комнаты. За поворотом коридор переходил в небольшой холл, где напротив телевизора, вмонтированного в стену, стояли кресла. Австралия передавала программу для Луны Главной – какие-то соревнования легкоатлетов. Пирксу не было никакого дела до этих соревнований, но он сидел и смотрел на экран, пока его не начало клонить ко сну. Он забыл о слабом притяжении и, вставая с кресла, взлетел на полметра. Все стало ему безразлично. Когда он сможет снять штатское тряпье? Кто выдаст ему скафандр? Где можно получить инструкции? И вообще, что все это значит?

Он, может, и пошел бы куда-нибудь допытываться, даже скандалить, но его компаньон, этот самый доктор Лангнер, по-видимому, находит их положение совершенно нормальным – так не лучше ли держать язык за зубами? Передача закончилась. Пиркс выключил телевизор и вернулся в номер. Не так он представлял себе пребывание на Луне! Пиркс принял душ. Сквозь тонкую стенку были слышны разговоры в соседнем номере. Конечно, это знакомые по ресторану туристы, которых Луна доводит до блаженного исступления. Он сменил сорочку – нужно было чем-нибудь заниматься, – а когда улегся на койку, вернулся Лангнер. С четырьмя новыми книгами.

Пиркса дрожь пробрала. Он начал понимать, что Лангнер – фанатик науки, нечто вроде второго издания профессора Меринуса.

Астрофизик разложил на столе новые спектрограммы и, разглядывая их в лупу с величайшей сосредоточенностью, с какой Пиркс не рассматривал даже фотографии своей любимой актрисы, вдруг спросил, сколько Пирксу лет.

– Сто одиннадцать, – сказал Пиркс, а когда тот поднял голову, добавил: – По двоичной системе.

Лангнер впервые улыбнулся и стал похож на человека. У него были белые крепкие зубы.

– Русские пришлют за нами ракету, – сказал он. – Полетим к ним.

– На станцию «Циолковский»?

– Да.

Станция находилась на той стороне. Значит, еще одна пересадка. Пиркс раздумывал, как они проделают оставшуюся тысячу километров. Наверно, не в сухопутном экипаже, а в ракете? Однако он ни о чем не спросил. Не хотелось выдавать свое невежество. Лангнер, кажется, говорил еще что-то, но Пиркс уже заснул, так и не раздевшись. Проснулся он внезапно: Лангнер, склонившись над койкой, тронул его за плечо.

– Пора, – только и сказал он.

Пиркс сел. Похоже было, что Лангнер все время читал да писал: стопка бумаг с расчетами выросла. В первую минуту Пиркс подумал, что Лангнер говорит об ужине, но речь шла о ракете. Пиркс навьючил на себя набитый рюкзак, а лангнеровский был еще больше и тяжелый, будто камнями набитый; потом выяснилось, что, кроме сорочек, мыла да зубной щетки, там были только книги.

Уже без таможенного досмотра, без всякой проверки они поднялись на верхний этаж, где их ждала лунная ракета, некогда серебристая, а теперь, скорее, серая, пузатая, на трех растопыренных, коленчато-изогнутых двадцатиметровых ногах. Не аэродинамическая, поскольку на Луне нет атмосферы. На таких Пиркс еще не летал. К ним должен был присоединиться какой-то астрохимик, но он опоздал. Стартовали вовремя; полетели они вдвоем.

Отсутствие атмосферы на Луне порождало множество хлопот: невозможно было пользоваться ни самолетами, ни вертолетами – ничем, кроме ракет. Даже машинами на воздушной подушке, такими удобными для передвижения по пересеченной местности: им пришлось бы тащить на себе весь запас воздуха. Ракета движется быстро, но не везде может сесть: ракета не любит ни гор, ни скалы.

Пузатое трехногое насекомое загудело, загремело и пошло свечой вверх. Кабина была всего раза в два больше гостиничной комнатухи. В стенах – иллюминаторы, в своде – круглое окно, рубка пилота расположена не наверху, а внизу, чуть ли не между выхлопными дюзами, чтобы пилот как следует видел, куда садиться. Пиркс ощущал себя чем-то вроде посылки, отправленной куда-то, неизвестно толком, куда и зачем, неизвестно, для чего... Вечная история.

Они вышли на эллиптическую орбиту. Кабина и длинные ноги ракеты приняли наклонное положение. Луна проплывала под ними, огромная, выпуклая, – казалось, на нее никогда не ступала нога человека. Есть такая зона в пространстве между Землей и Луной, откуда величина обоих тел кажется примерно одинаковой. Пиркс хорошо запомнил впечатление от первого полета. Земля, голубоватая, в дымке, с размытыми очертаниями континентов, казалась менее реальной, чем каменная Луна с четко проступающим скалистым рельефом – ее неподвижная тяжесть была почти осязаемой.

Они летели над Морем Облаков, кратер Буллиальд остался уже позади, на юго-востоке виднелся Тихо в ореоле своих блестящих лучей, пересекших полюс и протянувшихся на ту сторону; на большой высоте, как обычно, возникало трудно определимое представление о высшей точности, по законам которой все это создавалось. Залитый солнечным светом Тихо был как бы центром конструкции: белесыми своими «руками» он охватывал и прорезал Море Влажности и Море Облаков, а северный его луч, самый большой, исчезал за горизонтом, в направлении к Морю Ясности. Когда они, обогнув с запада цирк Клавий, начали снижаться над полюсом и полетели по той стороне над Морем Мечты, обманчивое впечатление правильности по мере снижения терялось, будто гладкая, темная поверхность «морья» лишь теперь обнажала неров-

ности и расселины. На северо-востоке засверкали зубцы кратера Берне. Они теряли высоту; вблизи Луна представляла перед ними в своем настоящем виде: плоскогорья, равнины, впадины кратеров и кольцеобразных горных цепей – все было в одинаковой степени изрыто воронками – следами космической бомбардировки. Языки лавы пересекали кольца каменных обломков, переплетались с ними, будто тех, кто вел этот титанический обстрел, все еще не удовлетворяли произведенные разрушения. Не успел Пиркс разглядеть массив Циолковского, как ракету подтолкнули ненадолго включенные двигатели, она приняла вертикальное положение, и Пиркс видел теперь лишь океан темноты, поглотивший все западное полушарие, а за линией терминатора возвышалась, сверкая макушкой, вершина Лобачевского. Звезды в верхнем окне ракеты замерли неподвижно. Спускались они, как в лифте, и это несколько напоминало вхождение в атмосферу; ракета погружалась в столб сгущавшегося под кормой огня от собственных двигателей, и газы завывали, обтекая выпуклости наружной брони. Автоматически откинулись спинки кресел, через верхний иллюминатор Пиркс видел все те же звезды – они теперь стремительно летели вниз, ощущалось мягкое, но довольно упорное сопротивление гремящих двигателей, которые давили на ракету снизу. Вдруг двигатели загрохотали во всю мощь. «Ага, становимся на огонь!» – подумал Пиркс, чтобы не забыть, что он как-никак настоящий астронавт, хотя еще и без диплома.

Удар. Что-то задрезбужало, бахнуло, будто огромный молот ударил по камням. Кабина мягко скользнула вниз, вернулась вверх, вниз и опять вверх; так она довольно долго качалась на яростно булькающих амортизаторах, пока три двадцатиметровые, судорожно растопыренные ноги не впились как следует в груды скальных обломков. Наконец пилот погасил раскачку кабины, несколько повысив давление в маслопроводе; послышалось легкое шипение, и кабина повисла неподвижно.

Пилот вылез к ним через люк в середине пола и открыл стенной шкаф, в котором – наконец-то! – оказались скафандры.

Пиркс несколько воспрянул духом, однако ненадолго. В шкафу было четыре скафандра: один для пилота, а кроме того, большой, средний и маленький. Пилот моментально влез в свой скафандр, только шлем не надел и ждал спутников. Лангнер тоже управился быстро. Один Пиркс, красный, вспотевший и злой, не знал, что делать. Скафандр среднего размера был ему мал, большой – чересчур велик. В среднем он упирался головой в доньшко шлема, а в большом болтался, как кокосовое ядро в высохшей скорлупе. Конечно, ему давали добрые советы. Пилот заметил, что просторный скафандр всегда лучше тесного, и посоветовал заполнить пустые места бельем из рюкзака. Он даже предлагал одолжить свое одеяло. Но Пирксу мысль напихать что-то в скафандр представлялась кошунственной, вся его душа астронавта вставала от этого на дыбы. Завернуться в какие-то тряпки?!

Он надел скафандр поменьше. Спутники ничего не сказали. Пилот открыл отверстие шлюзовой камеры, и они вошли туда; пилот повернул винтовое колесо и открыл выходной люк.

Не будь рядом Лангнера, Пиркс сразу прыгнул бы и, возможно, ухитрился бы при первом же шаге вывихнуть ногу: до поверхности было метров двадцать, и если учесть вес скафандра, то даже при здешнем малом притяжении это было все равно что прыгнуть со второго этажа на рассыпанную груду камней.

Пилот спустил за борт складную лестницу, и они сошли по ней на Луну.

И тут никто их не встречал цветами и не было триумфальных арок. Кругом – ни души. На расстоянии менее километра возвышался бронированный купол станции «Циолковский», освещенный косыми лучами жуткого лунного солнца. За станцией виднелась вырубленная в скалах небольшая посадочная площадка, но она была занята: на ней в два ряда стояли транспортные ракеты; они были куда больше той, на которой прилетели Пиркс и Лангнер.

Их ракета, чуть-чуть скособочившись, покоилась на треноге; камни под ее дюзами почернели, опаленные выхлопным огнем. К западу местность была почти плоской, если можно

назвать плоской безбрежную каменную россыпь, из которой там и сям торчали обломки величиной с городской дом. К востоку равнина поднималась – сначала отлого, а потом вереницей почти вертикальных уступов переходила в главный массив Циолковского; его стена, обманчиво близкая, лежала в тени и была черна как уголь. Градусов на десять выше хребта пылало солнце; оно так слепило, что в ту сторону невозможно было смотреть. Пиркс тотчас опустил дымчатый фильтр над стеклом шлема, но это мало помогло – разве что не пришлось щурить глаза.

Осторожно ступая по неустойчивым глыбам, они двинулись к станции. Свою ракету они сразу потеряли из виду, так как пришлось пересечь неглубокую котловину. Станция господствовала над этой котловиной и над всей округой; ее здание на три четверти углублялось в монолитную каменную стену, которая походила на взорванную крепость, хранившую в памяти мезозойские времена. Сходство остро срезанных углов с оборонительными башнями крепости было поразительно, но лишь издалека: чем ближе они подходили, тем заметнее «башни» теряли правильность формы, расплывались, а черные полосы, бегущие по ним, оказывались глубокими трещинами. По лунным понятиям местность тут была относительно ровная, и двигались они быстро. Каждый шаг вздымал облачко пыли, этой знаменитой лунной пыли, которая подымалась выше пояса, окутывала людей молочно-белым облаком и никак не оседала. Шли они поэтому не гуськом, а в ряд, и когда у самой станции Пиркс оглянулся, то увидел весь пройденный путь: его отмечали три толстые змеистые линии, три извилистые косы пыли, более светлой, чем любая земная.

Пиркс знал о ней много любопытного. Первые покорители Луны были поражены этим явлением: насчет пыли они знали, но ведь даже самая мелкая пыль должна была немедленно оседать в безвоздушном пространстве. А лунная пыль почему-то не оседала. И, что особенно интересно, только днем, под солнцем. Оказалось, электрические явления здесь протекают не так, как на Земле. Там существуют атмосферные разряды, молнии, громы, огни святого Эльма. На Луне, конечно, этого нет. Но камни, бомбардируемые корпускулярным излучением, заряжаются тем же зарядом, что и покрывающая их пыль. А поскольку одноименные заряды отталкиваются, то поднятая пыль из-за электростатического эффекта не садится иногда по целому часу. Когда на Солнце много пятен, Луна «пылит» больше. Во время спада солнечной активности – меньше. Это явление исчезает лишь через несколько часов после наступления ночи, здешней ужасной ночи, которую можно выдержать только в специальных двухслойных скафандрах, сконструированных по принципу термоса и тяжелых, даже здесь чертовски тяжелых.

Эти ученые размышления Пиркса прервались, когда они подошли к главному входу станции. Приняли их радушно. Увидев научного руководителя станции профессора Ганшина, Пиркс несколько растерялся. Он был весьма доволен своим высоким ростом, так как полагал, что это в какой-то мере скрадывает его толстощековую физиономию. Но Ганшин смотрел на Пиркса сверху вниз – не в переносном, а в прямом смысле слова. А его коллега, физик Пнин, был еще выше – пожалуй, метра два.

Было там еще трое русских, а может, и больше, но они не показывались: наверно, несли вахту. На верхнем этаже разместились астрономическая обсерватория и радиостанция. Наклонный туннель, вырубленный в скале и забетонированный, вел в отдельное помещение, над куполом которого неустанно вращались огромные решетки радарных установок; через иллюминаторы просматривалось на самой вершине хребта нечто вроде ослепительно серебрястой, симметрично сплетенной паутины – это был главный радиотелескоп, самый крупный на Луне. К нему добирались за полчаса по канатной подвесной дороге.

Потом выяснилось, что станция куда больше, чем кажется вначале. В ее подземельях в огромных резервуарах хранились запасы воды, воздуха и продуктов. В скальную расщелину возле одного из зданий станции были встроены совершенно незаметные из котловины преобразователи лучистой энергии Солнца в электричество. А еще имелось совершенно изумительное сооружение – огромная гидропонная оранжерея под куполом из кварца, армированного

сталью; кроме множества цветов и больших резервуаров с какими-то водорослями, поставлявшими витамины и белки, в самой середине росла банановая пальма. Пиркс и Лангнер съели по банану, выращенному на Луне. Пнин, посмеиваясь, объяснил, что бананы не входят в ежедневный рацион сотрудников станции и предназначены главным образом для гостей.

Лангнер, немного разбивавшийся в лунном строительстве, начал расспрашивать о конструкции кварцевого купола, который поразил его больше, чем бананы; это была действительно уникальная постройка. Поскольку ее окружало безвоздушное пространство, купол должен был выдерживать постоянное давление в девять тонн на квадратный метр, что при размерах оранжереи давало внушительную сумму – две тысячи восемьсот тонн. Именно с такой силой давил во всех направлениях заключенный здесь воздух, пытаясь взорвать изнутри кварцевую оболочку. Конструкторы, вынужденные отказаться от железобетона, погрузили в кварц сварные ребра, которые всю мощь давления, без малого три миллиона килограммов, передавали вверх на диск, изготовленный из иридия; снаружи этот диск удерживался прочными стальными тросами, глубоко закоренными в окружающие базальтовые скалы. Так что это был единственный в своем роде «кварцевый воздушный шар на привязи».

Из оранжереи они направились прямо в столовую. На станции как раз наступило время обеда. Для Пиркса это был уже третий обед: первый он съел в ракете, второй – на Луне Главной. Похоже было, что на Луне только обедают.

Столовая, она же кают-компания, оказалась небольшой; стены были обшиты деревом – не панелями, а сосновыми брусками. Даже смолой пахло. После ослепительных лунных пейзажей подчеркнуто «земная» обстановка была особенно приятна. Впрочем, профессор Ганшин признался, что лишь верхний, тонкий слой стен сделали из дерева – чтобы меньше тосковать по Земле.

Ни за обедом, ни после не говорилось о станции «Менделеев», о происшествии, о несчастных канадцах, о предстоящем отлете – будто Пиркс и Лангнер приехали погостить и бог знает сколько здесь пробудут.

Русские держались так, словно им нечем было заниматься, кроме беседы с гостями: расспрашивали о земных новостях, интересовались делами на Луне Главной; в порыве откровенности Пиркс признался в стихийной неприязни к лунным туристам и их манерам – похоже, его слушали с одобрением. Лишь спустя некоторое время гости заметили, что то один, то другой из хозяев покидает компанию, а потом вновь возвращается. Выяснилось, что они ходят в обсерваторию – на Солнце появился удивительно красивый протуберанец. Стоило произнести это слово, как для Лангнера перестало существовать все остальное. Свойственное ученым самозабвение овладело всеми сидевшими за столом. Принесли фотографии, потом продемонстрировали фильм, отснятый через коронограф. Протуберанец был и впрямь исключительный: он протянулся на три четверти миллиона километров и напоминал допотопное чудовище с огнедышащей пастью.

Когда зажгли свет, Ганшин, Пнин, третий русский астроном и Лангнер начали переговариваться; глаза у них блестели, они были глухи ко всему постороннему. Кто-то вспомнил о прерванном обеде; вернулись в столовую, но и тут, отодвинув в сторону тарелки, все принялись что-то подсчитывать на бумажных салфетках. Наконец Пнин сжалился над Пирксом, для которого эти споры были китайской грамотой, и увел его в свою комнату, маленькую, но привлекательную, – из ее широкого окна открывался вид на восточную вершину хребта Циолковского. Солнце, низкое, зияющее как врата ада, бросало в хаос скальных нагромождений другой хаос – теней, которые чернотой своей поглощали контуры предметов, словно за каждой гранью освещенного камня открывалась дьявольская пропасть, ведущая к самому центру Луны. Каменные вершины, наклонные башни, шпили, обелиски будто растворялись в пустоте, а потом выскакивали из чернильной тьмы, словно окаменевшие языки пламени. Взгляд терялся среди нагромождений совершенно несовместимых форм и находил облегчение лишь в круг-

лых черных ямах, напоминавших глазницы: это были воронки маленьких кратеров, до краев наполненные тенью.

Пейзаж был единственным в своем роде. Пиркс уже бывал на Луне, о чем раз шесть упомянул в беседе, но не в такую пору, за девять часов до захода солнца. Они долго сидели у окна. Пнин называл Пиркса коллегой, а тот не знал, как ему отвечать, и мудрил с грамматикой изо всех сил. У русского была фантастическая коллекция фотоснимков, сделанных во время горных восхождений: он, Ганшин и еще один их товарищ, который ненадолго улетел на Землю, в свободное время занимались альпинизмом.

Кое-кто пытался ввести в обиход слово «лунизм», но термин не прижился, тем более что существуют Лунные Альпы.

Пиркс, который ходил в горы еще до того, как стал курсантом, обрадовался, что встретил своего брата альпиниста, и начал расспрашивать Пнина, чем отличается лунная техника восхождения от земной.

– Коллега, надо помнить об одном, – отвечал Пнин, – только об одном. Делайте все, «как дома», пока возможно. Льда здесь нет – разве что в очень глубоких расщелинах, да и там попадается чрезвычайно редко; снега, разумеется, тоже, так что вроде тут очень легко, тем более что можно упасть с высоты тридцати метров и ничего с тобой не случится, но об этом лучше не думать.

– Почему? – очень удивился Пиркс.

– Потому что здесь нет воздуха, – объяснил астрофизик. – И сколько бы вы ни ходили, все равно не научитесь правильно определять расстояние. Тут и дальномер не очень-то поможет, да и кто ходит с дальномером? Взойдешь на вершину, глянешь в пропасть – и кажется тебе, что в ней пятьдесят метров. А в ней, может, действительно пятьдесят, а может, триста или все пятьсот. Случилось мне однажды... Впрочем, вы знаете, как это происходит. Стоит человеку раз внушить себе, что можно сорваться, так он обязательно рано или поздно упадет. На Земле голову разобьешь – заживет со временем, а здесь один хороший удар по шлему, стекло треснет – и все. Держитесь, как в земных горах. Что позволяете себе там, то и здесь можно. Кроме прыжков через расщелины. Поищите сначала камешек, швырните его на ту сторону и проследите за полетом. По правде говоря, я, положа руку на сердце, не советую вообще прыгать. Как обычно бывает: прыгнешь раз-другой на двадцать метров, так тебе уж и пропасти не страшны, и горы по колено – тогда жди несчастья. Горноспасательной службы здесь нет... так что сами понимаете...

Пиркс начал расспрашивать о станции «Менделеев». Почему она построена почти на вершине, а не внизу? Трудная ли там дорога? Говорят, приходится карабкаться?

– Карабкаться почти не приходится, но путь довольно опасный – прошла каменная лавина из-под Солнечных Ворот и снесла дорогу... Что касается расположения станции – мне об этом неловко говорить. Особенно сейчас, после такого несчастья... Но вы, наверно, читали о нем, коллега?...

Пиркс, ужасно сконфузившись, промямлил, что как раз в то время у него была экзаменационная сессия. Пнин усмехнулся, но тотчас стал серьезным.

– Так вот... Луна – международное владение, но каждое государство имеет здесь зону научных исследований – нам досталось это полушарие. Когда выяснилось, что радиационные пояса препятствуют прохождению космических лучей на том полушарии, которое обращено к Земле, англичане попросили разрешения построить станцию на нашей стороне. Мы не возражали. В это время мы сами вели подготовку к строительству на хребте Менделеева и предложили англичанам этот район, с тем что они возьмут завезенные нами строительные материалы, а рассчитываться будем потом. Англичане согласились, а затем передали все канадцам, поскольку Канада входит в Британское содружество. Для нас это значения не имело.

Поскольку мы уже произвели предварительную разведку района, один из наших ученых, профессор Анимцев, хорошо знающий местные условия, стал консультантом канадских проектировщиков. И вдруг мы узнали, что англичане по-прежнему принимают участие в этом деле. Они прислали Шэннера, и тот заявил, что на дне кратера могут возникнуть потоки вторичной радиации, которые будут искажать результаты исследований. Наши специалисты считали, что это невозможно, но решали все англичане: ведь это их станция. Они постановили перенести станцию наверх.

Конечно, стоимость строительства возросла ужасающе, и всю разницу покрывали канадцы. Но дело не в этом. Мы деньги в чужом кармане не считаем. Они выбрали место для станции, начали проектировать дорогу. Анимцев сообщал: «Англичане предложили перебраться через две пропасти мосты из железобетона, но канадцы возражают, потому что стоимость из-за этого возрастает чуть ли не вдвое; они хотят вгрызться в хребет Менделеева и направленными взрывами пробить два скальных выступа. Я им не советую: это может нарушить равновесие кристаллического базальтового основания. Они не слушают. Что делать?» Что же мы могли сделать? Они ведь не дети. У нас опыт селенологических исследований побогаче, но, раз они не хотят прислушаться к совету, мы не будем навязываться. Анимцев записал особое мнение, и на этом все кончилось. Начали взрывать скалу. Так первая бессмыслица – неправильный выбор места – повлекла за собой вторую. А результаты, к сожалению, не заставили себя долго ждать. Англичане построили три противолавинные стены, сдали станцию в эксплуатацию, по дороге пошли гусеничные транспортеры – пожалуйста, полная удача. Станция проработала три месяца, когда у основания каменного навеса, под Солнечными Воротами, ниже большой зубурины на западной грани хребта, показались трещины...

Пнин встал, вынул из шкафа несколько больших снимков и показал Пирксу.

– Вот в этом месте. Здесь лежит, вернее лежала, полуторакилометровая плита, местами нависавшая над пропастью. Дорога пролегла примерно на одной трети высоты, по этой красной линии. Канадцы встревожились. Анимцев – он все еще находился там – объяснил им: разница между дневной и ночной температурами составляет триста градусов, трещины будут расширяться, и тут ничего не поделаешь. Разве подопреешь чем-нибудь плиту в полтора километра?! Путь нужно немедленно перекрыть, а к станции, раз уж она построена, провести подвесную канатную дорогу. Они же вызывают эксперта за экспертом из Англии, из Канады, и разыгрывается форменная комедия: экспертов, которые говорят то же, что наш Анимцев, немедленно отправляют домой. Остаются только те, которые пытаются как-то управиться с трещинами. Начинают пломбировать трещины цементом. Применяют глубокое нагнетание раствора, подкосы, цементируют и цементируют, а конца не видно: что зацементировано днем, лопается в первую же ночь. Уже бегут по расселинам небольшие лавины, но их задерживают каменные стены. Возводят систему клиньев, чтобы рассеивать более крупные лавины. Анимцев втолковывает, что дело не в лавинах: вся плита может рухнуть! Я просто смотреть на него не мог, когда он к нам приезжал. Он ведь из кожи вон лез: видел надвигающуюся беду, но ничего не мог поделать.

Скажу вам беспристрастно: у англичан есть прекрасные специалисты, но тут дело не в специальных селенологических проблемах, а в престиже: построили дорогу и не могут отступить. Анимцев в который уж раз заявил протест и уехал. Потом дошло до нас известие, что начались споры и трения между англичанами и канадцами – все из-за плиты, из-за этого краешка так называемого Орлиного Крыла. Канадцы хотели взорвать ее – пусть разрушит дорогу, но зато можно будет проложить новый, безопасный путь. Англичане возражали. Впрочем, это была утопия. Анимцев подсчитал, что для взрыва понадобится водородный заряд в шесть мегатонн, а конвенция ООН запрещает применять радиоактивные материалы в качестве взрывчатых веществ. Так они спорили и ссорились, пока плита не рухнула... Англичане писали потом, что во всем виноваты канадцы, отвергшие первоначальный проект – виадук из железобетона.

Пнин с минуту смотрел на другой снимок, изображавший зазубрину хребта почти в двойном увеличении; черными точками было обозначено место обвала, который обрушился на дорогу и уничтожил ее вместе со всеми укреплениями.

– В результате станция временами недоступна. Днем туда можно легко добраться – несколько небольших переходов по гребням, но, как я уже говорил, дорога весьма опасна. Зато ночью пройти туда практически невозможно. У нас тут Земли нет, сами знаете...

Пиркс понял, о чем говорит русский: на этой стороне долгие лунные ночи не освещает огромный фонарь Земли.

– А инфракрасные здесь не помогут? – спросил он.

Пнин усмехнулся.

– Инфракрасные очки? Какой в них толк, коллега, если через час после захода солнца поверхность камней остывает до ста шестидесяти градусов ниже нуля... Теоретически можно идти с радароскопом, но вы пробовали когда-нибудь ходить в горы с таким снаряжением?

Пиркс признался, что не пробовал.

– И не советую. Это самый сложный способ самоубийства. Радар хорош на равнине, но не в горах...

В комнату вошли Лангнер и Ганшин: пора было отправляться. До станции «Менделеев» – полчаса в ракете, еще два часа отнимет пеший путь, а через семь часов зайдет солнце. Семь часов – запас немалый. Тут выяснилось, что с ними полетит Пнин. Пиркс и Лангнер объясняли, что это не нужно, но хозяева и слушать не хотели.

В последнюю минуту Ганшин спросил, не хотят ли они передать что-нибудь на Землю – теперь случай представится не скоро. Правда, между станциями «Менделеев» и «Циолковский» налажена радиосвязь, но через семь часов они пересекут терминатор и возникнут сильные помехи.

Пиркс подумал, что недурно было бы послать сестре Маттерса привет с той стороны, но не отважился на это. Они поблагодарили и пошли вниз, но опять-таки выяснилось, что русские проводят их до ракеты. Тут Пиркс не выдержал и пожаловался на свой скафандр. Ему подобрали другой, а прежний остался в шлюзовой камере станции «Циолковский».

Русский скафандр отличался устройством от тех, с которыми был знаком Пиркс. Шлем имел не два фильтра, а три: один предохранял от солнца в зените, другой – от низкого солнца, а третий, темно-оранжевый, – от пыли. По-иному располагались воздушные клапаны, очень забавное устройство имелось в ботинках: можно накачать подошвы воздухом – и ходи как на подушках. Камней вообще не чувствуешь, а внешний слой подошвы идеально прилегает даже к самой неровной поверхности. Это была «высокогорная» модель. Кроме того, скафандр был наполовину серебряный, наполовину черный. Повернешься черной стороной к солнцу – начинаешь потеть, повернешься серебряной – по телу пробегает приятная прохлада. Пирксу это показалось не слишком удачной выдумкой: ведь не всегда можно повернуться к солнцу как захочешь. Задом наперед идти, что ли?

Русские ученые расхохотались. Они показали переключатель на груди: он перемещал цвета. Можно было сделать скафандр черным спереди, а серебряным сзади, и наоборот. Интересен был и способ перемещения цветов. Узкое пространство между прозрачной внешней оболочкой из твердого пластика и собственно корпусом скафандра заполнялось двумя разными видами красителей или, скорее, полужидких веществ, приготовленных на алюминии и на угле. Перемещались они просто под давлением кислорода, поступавшего из аппарата для дыхания.

Пора было идти к ракете. В первый раз Пиркс вошел в шлюзовую камеру станции с солнечной стороны и был так ослеплен, что ничего не видел. Теперь он обратил внимание, что камера сконструирована особым образом: ее наружная стена двигалась вверх и вниз, как поршень. Пнин объяснил, что благодаря этому можно одновременно впускать или выпускать сколько угодно людей и не расходовать воздух попусту. Пиркс ощутил нечто вроде зависти,

потому что камеры Института были почтеннейшими ящиками, устаревшими по меньшей мере на пять лет; а пять лет технического прогресса – это целая эпоха.

Солнце как будто вовсе не снизилось. Странно было шагать в надувных башмаках – словно и не касаешься почвы, но Пиркс освоился с этим, прежде чем дошел до ракеты.

Профессор Ганшин придвинул свой шлем к шлему Пиркса и прокричал несколько прощальных слов, потом они пожали друг другу руки в тяжелых перчатках, и вслед за пилотом отлетающие влезли внутрь ракеты, которая чуть осела под увеличившейся тяжестью.

Пилот подождал, пока провожающие отойдут на безопасное расстояние, и запустил двигатели. В скафандре угрюмый грохот нарастающей тяги звучал, как за толстой стеной. Нагрузка возросла, но они даже не почувствовали, как ракета оторвалась от площадки. Только звезды заколебались в верхних иллюминаторах, а гористая пустыня в нижних провалилась и исчезла.

Они летели теперь совсем низко и поэтому ничего не видели, только пилот наблюдал за проплывавшим внизу призрачным ландшафтом. Ракета висела почти вертикально, как вертолет. Нарастание скорости угадывалось по усилившемуся грохоту двигателей и легкой вибрации всего корпуса.

– Внимание, снижаемся! – послышалось в шлемофоне. Пиркс не понял, говорит это пилот по бортовому радио или Пнин. Откинулись спинки кресел. Пиркс глубоко вздохнул, он стал легким – таким легким, что того гляди полетит; он инстинктивно ухватился за подлокотники. Пилот резко затормозил, дюзы запылали, завывли, языки пламени с невыносимым шумом устремились вверх, вдоль обшивки корабля, перегрузка возросла, опять упала, и наконец до ушей Пиркса донесся двойной сухой стук – они сели. А дальше случилось нечто неожиданное. Ракета, которая уже начала свои странные колебания и качалась вверх-вниз, будто подражая мерным приседаниям длинноногих насекомых, вдруг накренилась и под нарастающий грохот камней стала заметно сползать с места.

«Катастрофа!» – мелькнуло в голове у Пиркса. Он не испугался, но непроизвольно напряг все мышцы. Его попутчики лежали неподвижно. Двигатели молчали. Пиркс отлично понимал пилота: корабль, кренясь и колеблясь, сползает вниз вместе с каменной осыпью, и если включить двигатели, то при одной опущенной ноге они, не успев взлететь, либо опрокинутся, либо ударятся о скалы.

Скрежет и грохот каменных глыб, катящихся под стальными лапами ракеты, все слабел и наконец утих. Еще несколько струек гравия звонко пробарабанили по металлу, еще какой-то обломок подался вглубь под нажимом шарнирной ноги – и кабина медленно осела с креном градусов в десять.

Пилот выбрался из своего колодца слегка сконфуженный и начал объяснять, что изменился рельеф местности: видимо, по северному склону прошла новая лавина. Он сел на осыпь под самой стеной, чтобы доставить их поближе к цели.

Пнин ответил, что это не слишком-то удачный способ сокращать дорогу: каменная осыпь – не космодром, и без необходимости рисковать не следует. На этом короткий диалог кончился, пилот пропустил пассажиров в шлюзовую камеру, и они по лесенке спустились на осыпь.

Лангнер и Пиркс пошли с Пниным, а пилот остался в ракете – дожидаться возвращения русского.

Пиркс считал, что хорошо знает Луну. Однако он ошибался. Район станции «Циолковский» был просто прогулочной площадкой по сравнению с местом, где они оказались сейчас. Ракета, накренившись на раздвинутых до предела ногах, ушедших в каменную осыпь, стояла всего в трехстах шагах от границы тени главного массива хребта Менделеева. Плающее в черном небе солнечное жерло почти коснулось зубцов горной цепи, и казалось, зубцы плавятся, но это был обман зрения. Однако отвесные стены, возникшие из тьмы в километре-двух, не были иллюзией. К изрезанной глубокими рытвинами равнине – дну кратера – сбегали из раселин немыслимо белые треугольники осыпей; места свежих обвалов легко распознавались по

размытым очертаниям камней, окутанных медленно оседающей пылью. Потрескавшуюся лаву на дне кратера тоже покрывал слой светлой пыли; вся Луна была припудрена микроскопическими частицами метеоров – мертвого дождя, миллионы лет падавшего на нее со звезд. По обе стороны тропы – она в сущности была нагромождением глыб и обломков, столь же диким, как все вокруг, и называлась так лишь потому, что была обозначена вцементированными в камень алюминиевыми вехами, каждая из которых увенчивалась чем-то вроде рубинового шарика, – по обе стороны этого пути, нацеленного вверх по осыпи, стояли наполовину залитые светом, наполовину черные, как галактическая ночь, стены, с которыми не могли сравниться даже громады Гималаев.

Слабое лунное притяжение позволяло камням на века застывать в формах, будто рожденных в кошмарном сне. Даже привыкшие к виду пропастей люди рано или поздно поражались этому при восхождении к вершинам. Впечатление нереальности, фантастичности окружающего ландшафта усиливалось тем, что белые глыбы пемзы от пинка ногой взлетали вверх, как пузыри, а тяжеленный обломок базальта, брошенный вниз по склону, летел неестественно медленно, долго и падал беззвучно, будто во сне.

Когда они поднялись на сотню-другую шагов, цвет скал изменился. Реки розоватого порфира с двух сторон окаймляли расселину, в которой шли Пнин, Лангнер и Пиркс. Глыбы громоздились местами в несколько этажей, сцепившись заостренными краями, будто ждали легкого прикосновения, чтобы ринуться вниз неудержимой лавиной.

Пнин вел их через этот лес окаменевших взрывов, шагая не очень быстро, но безошибочно. Иногда камень, на который он ставил свою ногу в огромном башмаке скафандра, шатался. Тогда Пнин замирал на мгновение и либо шел дальше, либо обходил это место, по известным лишь ему приметам угадывая, выдержит камень тяжесть человека или нет. К тому же звук, так много открывающий альпинисту, здесь не существовал. Одна из базальтовых глыб оторвалась без видимых причин и покатила вниз – замедленно, словно во сне, потом увлекла за собой массу других камней, которые яростными скачками мчались все быстрее, и наконец белая как молоко пыль скрыла дальнейший путь лавины. Это было совсем как в бреду: огромные глыбы сталкивались совершенно беззвучно, и даже подрагивание почвы не ощущалось сквозь надувные подошвы. За крутым поворотом Пиркс увидел след лавины, а сама она уже казалась волнистым, спокойно стелющимся облаком. С невольным беспокойством он начал искать взглядом ракету, но она была в безопасности, стояла на прежнем месте, километрах в двух отсюда, и Пиркс видел ее блестящее брюшко и три черточки-ножки. Будто странное лунное насекомое присело на старой осыпи, которая раньше казалась Пирксу крутой, а отсюда выглядела плоской, как стол.

Когда они приблизились к полосе тени, Пнин ускорил шаг. Пиркс так увлекся зрелищем дикой и грозной природы, что ему просто некогда было взглянуть на Лангнера. Только сейчас он заметил, что маленький астрофизик ступает уверенно и совсем не спотыкается.

Пришлось прыгать через четырехметровую расщелину. Пиркс вложил в прыжок слишком много сил; он взмыл вверх и, бесцельно перебирая ногами, опустился в добрых восьми метрах за противоположным краем пропасти. Такой лунный прыжок мог обогатить человека опытом, не имевшим ничего общего с паясничанием туристов в гостинице на Луне.

Они вошли в тень. Пока они находились сравнительно недалеко от залитых солнцем скал, отблески света смягчали тьму, играли на выпуклостях скафандров. Но вскоре мрак настолько сгустился, что путники потеряли друг друга из виду. В тени была ночь. Сквозь все антитермические слои скафандра Пиркс ощутил ее ледяной холод; он не добирался до тела, не жег кожу, но будто напоминал о своем молчаливом присутствии: части бронированного скафандра заметно подрагивали, охладившись на двести с лишним градусов. Когда глаза привыкли к темноте, Пиркс заметил, что красные шары на верхушках алюминиевых мачт довольно ярко светятся; бусинки этого рубинового ожерелья уходили вверх и исчезали в свете солнца – там рас-

трескавшийся горный хребет устремлялся в долину, создавая три гигантских крутых уступа, громоздившихся друг на друга; их разделяли узкие горизонтальные выходы горных пластов, образуя нечто вроде острых карнизов. Пирксу показалось, что исчезающая вдали шеренга мачт ведет к одной из этих каменных полок, но он подумал, что это, пожалуй, невозможно. У самого верха сквозь гребень, словно расколотый ударом молнии, прорывался почти горизонтальный сноп солнечного света. Он напоминал возникший в глухом молчании взрыв, брызнувший раскаленной белизной на скальные выступы и расщелины.

– Вон там станция, – донесся через шлемофон близкий голос Пнина. Русский остановился на границе ночи и дня, мороза и зноя, показывая рукой куда-то вверх, но Пиркс не мог различить ничего, кроме чернеющих обрывов, не посветлевших даже под солнцем.

– Видите Орла?... Так мы называли этот хребет. Это голова, вон клюв, а это крыло!..

Пиркс видел только нагромождение света и теней. Над восточной, искрящейся гранью хребта торчала наклонная вершина; из-за отсутствия воздушной дымки, размывающей очертания, она казалась совсем близкой. И вдруг Пиркс увидел всего Орла. Крыло – это и была та стена, к которой они направлялись; выше, на фоне звезд, выделялась голова птицы, наклонная вершина была клювом.

Пиркс посмотрел на часы. Прошло сорок минут. Значит, остается идти по меньшей мере еще столько же.

Перед очередной полосой тени Пнин остановился, чтобы переключить свой климатизатор. Пиркс воспользовался этим и спросил, куда ведет дорога.

– Туда. – Пнин показал рукой вниз.

Пиркс видел лишь пропасть, а на дне ее – конус осыпи, из которой торчали огромные обломки скал.

– Оттуда откололась плита, – объяснил Пнин, указывая теперь на просвет в гребне. – Это Солнечные Ворота. Сейсмографы на «Циолковском» зарегистрировали сотрясение почвы; по нашим подсчетам, рухнуло около полумиллиона тонн базальта...

– Позвольте, – перебил его ошеломленный Пиркс. – А как же теперь доставляют наверх грузы?

– Сами увидите, когда придем, – ответил Пнин и зашагал вперед.

Пиркс последовал за ним, пытаясь на ходу решить загадку, но ничего не придумал. Неужели они таскают на спине каждый литр воды, каждый баллон кислорода? Нет, это невозможно.

Теперь они шли быстрее. Над пропастью торчала последняя алюминиевая мачта. Темнота снова окутала их, и пришлось зажечь фонарики на шлемах; белые пятна света мерцали, перескакивали с одного каменного выступа на другой. Теперь они шли по карнизу, который иногда сужался до ширины двух ладоней. Они шли, как по канату, по совершенно плоской полке; ее шершавая поверхность служила хорошей опорой. Правда, хватило бы одного неверного шага, легкого головокружения.

«Почему бы нам не пойти в связке?» – подумал Пиркс, и в эту минуту световое пятно впереди замерло: Пнин остановился.

– Веревка, – сказал он.

Пнин подал конец веревки Пирксу, а тот, пропустив ее через специальный карабин, бросил дальше, Лангнеру. Пока они не двигались, Пиркс мог, прислонившись спиной к скале, посмотреть вниз.

Воронка кратера лежала перед ним как на ладони, черные лавовые ущелья казались сеточкой трещин, приземистый центральный конус отбрасывал длинную тень.

Где была ракета? Пиркс не мог ее обнаружить. Где дорога? Эти извилины, помеченные рядами алюминиевых мачт? Они тоже исчезли. Виднелось лишь пространство каменного цирка в ослепительно ярком блеске и в полосах черной тьмы, тянущихся от одной груды камней

к другой; светлая каменная пыль, присыпавшая скалы, подчеркивала рельеф местности с гротескными группами кратеров, все уменьшавшихся; в одном лишь районе хребта Менделеева были, наверное, сотни кратеров разного диаметра – от полукилометровых до еле заметных; все они были идеально круглые, с пологим наружным скатом и более крутым внутренним, в центре у них располагалась горка либо небольшой конус, на худой конец – нечто наподобие пупка; самые маленькие были точной копией средних, средние ничем не отличались от больших, и все это находилось внутри огромного каменного кольца диаметром тридцать километров.

Соседство хаоса и точности раздражало человеческий разум; в этом созидании и разрушении форм по единому образцу математическое совершенство сочеталось с полнейшей анархией смерти. Пиркс посмотрел вверх, потом назад: сквозь Солнечные Ворота по-прежнему хлестали потоки белого огня.

Через несколько сотен шагов, за узкой расщелиной, скала отступила; они все еще шли в тени, но стало светлее от лучей, отражаемых вертикально торчащей каменной палицей, которая выростала из мрака чуть ли не на два километра. Они перебрались через каменистую осыпь, и впереди открылся довольно пологий, ярко освещенный склон. Пиркс начинал ощущать странное одеревенение – не мускулов, а разума, наверное, оттого, что внимание было перенапряжено: ведь на него обрушилось все сразу – и Луна с ее дикими горами, и ледяная ночь вперемежку с приливами неподвижного зноя, и это великое всепоглощающее молчание, среди которого человеческий голос, время от времени звучащий в шлеме, кажется таким же неестественным и неуместным, как попытка донести на вершину Маттергорна золотую рыбку в аквариуме.

Пнин свернул за последний пик, отбрасывавший тень, и весь вспыхнул, будто облитый огнем. Тот же огонь брызнул в глаза Пирксу, прежде чем он сообразил, что это – солнце, что они выбрались на верхний, уцелевший участок дороги.

Теперь они быстро шагали рядом, опустив на шлемах сразу по два противосолнечных фильтра.

– Сейчас придем, – сказал Пнин.

По такой дороге, проделанной в скале управляемыми взрывами, действительно могли ездить машины. Она вела под навесом Орлиного Крыла на самую вершину кратера; там было нечто вроде седловины с естественно образовавшимся каменным котлом. Этот котел и помог наладить снабжение станции после катастрофы. Грузовая ракета привозила припасы, и специальное устройство, предварительно пристрелявшись по котлу, выстреливало контейнеры с грузом. Несколько контейнеров обычно раскалывалось, но большинство выдерживало и выстрел, и удар о скалу, потому что их бронированные корпуса отличались исключительной прочностью. Раньше, когда не было еще ни Луны Главной, ни вообще каких-либо станций, доставлять припасы экспедициям, углублявшимся в район Центрального Залива, можно было, лишь сбросив контейнер с ракеты; а поскольку парашюты были совершенно бесполезны, приходилось так конструировать эти дюралевые или стальные ящики, чтобы они выдержали самый сильный удар. Их сбрасывали словно бомбы, а участники экспедиции потом их собирали – иной раз для этого приходилось обыскивать квадратный километр пространства. Теперь эти контейнеры сновагодились.

За седловиной дорога шла под самым гребнем к северной вершине Орлиной Головы; метров на триста ниже сверкал бронированный колпак станции. Со стороны склона станцию окружало полукольцо глыб: они катились в пропасть и задержались, встретив на пути стальной купол. Несколько глыб лежало на бетонной площадке у входа в станцию.

– Да неужели нельзя было найти места получше? – вырвалось у Пиркса.

Пнин, который уже поставил ногу на первую ступеньку лестницы, приостановился.

– Вы говорите совсем как Анимцев, – сказал он.

Пнин ушел за четыре часа до захода солнца. Но, собственно, он ушел в ночь: почти вся дорога, которую ему предстояло пройти, была уже окутана непроглядной тьмой... Лангнер, знавший Луну, сказал Пирксу, что, когда они шли, не было еще по-настоящему холодно – камни лишь начинали остывать. Мороз как следует прихватит примерно через час после наступления темноты.

С Пниным договорились, что он даст знать, когда доберется до ракеты. Действительно, через час двадцать минут они услышали его голос по радио. Разговор был короткий, нельзя было терять ни секунды, тем более что стартовать приходилось в трудных условиях: ракета стояла не вертикально, ее ноги довольно глубоко ушли в каменную осыпь и действовали, как якоря с балластом. Пиркс и Лангнер, отодвинув металлический ставень окна, видели этот старт, но, конечно, не самое начало – место стоянки заслоняли выступы главного хребта. Вдруг темноту, густую и бесформенную, прошила огненная линия, а снизу взвилось рыжее зарево – это был свет выхлопных огней, отраженный взметнувшейся пылью. Огненное копье уходило все выше и выше, ракета совсем не была видна, только эта раскаленная струна, все более тонкая, рвущаяся, распадающаяся на волокна, – нормальная пульсация двигателя, работающего на полной мощности. Пиркс и Лангнер запрокинули головы: огненная линия, отмечающая путь ракеты, проходила уже среди звезд; потом она плавно отклонилась от вертикали и красивой дугой ушла за горизонт.

Они остались вдвоем в абсолютной темноте, так как нарочно погасили все огни, чтобы лучше видеть старт. Задвинули бронированный ставень, включили свет и поглядели друг на друга. Лангнер слегка усмехнулся, ссутулившись, подошел к столу, где лежал его рюкзак, и начал доставать книги. Пиркс стоял, прислонившись к вогнутой стене. В голове у него все перемешалось: холодные подземелья Луны Главной, узкие гостиничные коридоры, лифты, туристы, подпрыгивающие до потолка и обменивающиеся кусками оплавленной пемзы, полет на станцию «Циолковский», рослые русские исследователи, серебряная паутинка радиотелескопа, еще один полет и, наконец, эта дьявольская дорога сквозь каменный холод и зной, с пропастями, глядящими прямо в стекло шлема. Он не мог поверить, что так много уместилось в какие-нибудь несколько часов: время гигантски растянулось, охватило все эти картины, поглотило их, а теперь они возвращались, будто борясь за первенство. Пиркс на мгновение сомкнул пылающие, сухие глаза и снова открыл.

Лангнер по какой-то своей системе расставлял книги на полке. Пирксу показалось, что он понял этого человека. Спокойные движения его рук, выстраивающих книги в ровный ряд, не свидетельствовали об оцепенении или равнодушии. Лангнера не угнетал этот мертвый мир, потому что он ему служил: прибыл он на станцию по доброй воле, по дому не грустил, дом для него – спектрограммы, результаты вычислений и то место, где эти вычисления производились; он всюду мог чувствовать себя как дома, ибо был поглощен ненасытной жадой знаний; у него была цель жизни. Никогда бы Пиркс не сознался ему в своих романтических мечтах о великом подвиге! Он, наверное, даже не усмехнулся бы, как минуту назад, а выслушал бы и вернулся к своей работе. Пиркс на мгновение позавидовал его уверенности. Но вместе с тем он чувствовал, что Лангнер чужой, что им не о чем разговаривать, а ведь предстояло вместе пережить надвигающуюся ночь, и день, и еще одну ночь...

Пиркс обвел взглядом кабину, будто впервые увидел ее. Покрытые пластиком вогнутые стены. Закрытое броневым клапаном окно. Потолочные, вделанные в пластик лампы. Несколько цветных репродукций между полками со специальной литературой; узенькая табличка в рамке, на ней в два столбца написаны фамилии всех, кто жил здесь. По углам порожние кислородные баллоны, консервные банки, наполненные разноцветными кусочками минералов. Легкие металлические стулья с нейлоновыми сиденьями. Небольшой рабочий стол, над ним лампа, укрепленная на шарнире. Сквозь приоткрытые двери видна аппаратура радиостанции.

Лангнер наводил порядок в шкафу, набитом негативами. Пиркс вышел в прихожую; слева была кухонька, прямо – выход в шлюзовую камеру, справа – две крошечные комнаты. Он открыл свою. Кроме койки, складного стула, выдвижного столика и полочки, там ничего не было. Потолок с одной стороны, над койкой, был скошен, как в мансарде, но не просто, а дугообразно, соответственно кривизне наружной брони.

Пиркс вернулся в прихожую. Дверь шлюзовой камеры была скруглена на углах, края ее покрывал толстый слой герметизирующего пластика. Пиркс посмотрел на спицевое колесо и лампочку, которая загоралась, когда наружный люк открывался и в камере устанавливался вакуум. Сейчас лампочка не горела. Пиркс открыл дверь. Автоматически вспыхнули две лампы, осветив узкое помещение с голыми металлическими стенами и вертикальной лесенкой посередине – лесенка упиралась в выходной люк в потолке. Под нижней ступенькой лесенки виднелся слегка затертый шагами меловой контур. Здесь нашли Сэвиджа: он лежал на боку, скорчившись, и его не сразу смогли поднять – кровь, залившая ему глаза и лицо, примерзла к шероховатым плитам. Пиркс поглядел на белесоватый абрис, еще напоминающий человеческий силуэт, потом попятился и, заперев герметическую дверь, поднял глаза к потолку: сверху доносились шаги. Это Лангнер полез вверх по приставной лесенке в противоположном конце коридора и возился в обсерватории. Просунув голову в круглый люк в полу обсерватории, Пиркс увидел зачехленный телескоп, похожий на маленькую пушку, камеры астрографов и два довольно больших аппарата: это были камера Вильсона и другая, масляная, с устройством для фотографирования следов частиц.

Станция была предназначена для исследования космических лучей, и пластинки, которые применяются для этой цели, валялись повсюду; их оранжевые пакеты лежали между книгами, под полками, в ящиках столов, у кроватей, даже в кухоньке. И это все? Собственно, все, если не считать больших резервуаров с водой и кислородом, размещенных под полом, упрятанных в лунный грунт, в камень хребта Менделеева.

Над каждой дверью висел круглый индикатор, регистрирующий концентрацию углекислого газа в помещении. Над ним виднелось ситечко климатизатора. Установка работала бесшумно. Она всасывала воздух, очищала от углекислого газа, добавляла необходимое количество кислорода, увлажняла или осушала и опять нагнетала во все помещения станции. Пиркс был рад каждому звуку, долетавшему из обсерватории; когда Лангнер не шевелился, тишина так разрасталась, что можно было расслышать ток собственной крови, совсем как в экспериментальном бассейне, в «сумасшедшей ванне», но из бассейна можно было вылезти в любую минуту...

Лангнер спустился вниз и приготовил ужин бесшумно и умело; когда Пиркс вошел в кухоньку, все было уже готово. Они ели, обмениваясь дежурными фразами: «Передайте мне соль». – «Хлеб еще есть в банке?» – «Завтра придется открыть новую». – «Кофе или чаю?»

Только и всего. Пирксу сейчас немногословность была по душе. Что они, собственно, едят? Третий обед за день? Или четвертый? А может, это уже завтрак следующих суток? Лангнер сказал, что должен проявить отснятые пластинки. Он ушел вверх. Пирксу нечем было заняться. Он вдруг понял все. Его прислали сюда, чтобы Лангнер не был в одиночестве. Пиркс ведь не разбирается ни в астрофизике, ни в космических лучах. Разве станет Лангнер обучать его обращению с астрографом! Вышел он на первое место, психологи заверили, что такой человек не рехнется, поручились за него. Теперь придется просидеть в этом горшке две недели ночи, а потом две недели дня, неизвестно чего ожидая, неизвестно на что глядя...

Это Задание, эта Миссия, которая несколько часов назад казалась ему невероятным счастьем, теперь предстала перед ним в подлинном облике – как бесформенная пустота. От чего должен он охранять Лангнера и самого себя? Каких следов искать? И где? Может, он считал, что откроет такое, чего не заметили лучшие специалисты, входившие в состав комиссии люди, годами изучавшие Луну? Каким же идиотом он был!

Пиркс сидел у стола. Надо было вымыть посуду. И завернуть кран, потому что утекала по капле вода, бесценная вода, которую привозили в виде замороженных глыб и забрасывали по дуге в два с половиной километра в каменный котел у подножия станции.

Но он не двигался. Даже не пошевелил рукой, безвольно лежавшей на краю стола. В голове были жар и пустота, безмолвие и тьма, со всех сторон обступившие стальную скорлупу станции. Он протер глаза, они горели, будто их засыпало песком. С трудом встал, словно весил вдвое больше, чем на Земле. Отнес грязную посуду к раковине, с шумом бросил на дно, под струйку теплой воды. И, моя тарелки, соскребая с них застывшие остатки жира, Пиркс усмехнулся, вспомнив свои мечты, которые развеялись еще где-то на дороге к хребту Менделеева; они были теперь такими смешными и чуждыми, такими давними, что он даже не стыдился их.

С Лангнером можно было прожить хоть день, хоть год – это ничего не меняло. Работал он усердно, но размеренно. Никогда не торопился. Не имел никаких дурных привычек, никаких странностей и чудачеств. Если живешь с кем-нибудь в такой тесноте, любой пустяк начинает раздражать: что твой компаньон долго торчит под душем, что отказывается открыть банку со шпинатом, поскольку не любит шпината, что ему бывает весело, что он вдруг перестает бриться и обрастает жуткой колючей щетиной, либо, порезавшись при бритье, потом битый час разглядывает себя в зеркале и корчит рожи, будто он тут один. Лангнер был не такой. Он ел все, хотя и без особого удовольствия. Никогда не капризничал: нужно мыть посуду – моет. Не распространялся подолгу о себе и своих научных трудах. Спросишь о чем-нибудь – ответит. Пиркса он не сторонился. Но и не навязывался ему. Именно эта безличность и могла бы раздражать Пиркса. Потому что первое здешнее впечатление – когда физик, расставлявший книги на полке, показался ему олицетворением скромного героизма, даже не героизма, а достойного зависти, стоически мужественного отношения к науке, – это впечатление исчезло, и навязанный Пирксу компаньон казался ему бесцветным до тошноты. Но Лангнер все же не вызывал у Пиркса ни тоски, ни раздражения. Потому что у Пиркса оказалась – по крайней мере поначалу – масса дел. И дела эти были захватывающие. Теперь, когда Пиркс знал и станцию, и ее окрестности, он снова принялся изучать документы комиссии.

Катастрофа произошла через четыре месяца после ввода станции в строй. Она наступила не на рассвете и не в сумерки, как того можно было ожидать, а почти в самый лунный полдень. Три четверти нависшей плиты Орлиного Крыла рухнули – без каких-либо знаков, предвещавших катастрофу. Катастрофа произошла на глазах у четырех человек: личный состав станции был тогда временно удвоен, и все как раз стояли снаружи, ожидая колонну транспортеров с припасами.

Расследование показало, что проникновение в глубь главной опоры Орла действительно нарушило ее кристаллическую структуру и механическую устойчивость всей системы. Англичане сваливали ответственность на канадцев, канадцы – на англичан; лояльность партнеров по Британскому содружеству проявилась лишь в том, что они дружно умалчивали о предостережениях профессора Анимцева. Но как бы ни обстояло дело, результаты были трагическими. Четверо людей, стоявших у станции, менее чем в километре по прямой линии от места катастрофы, видели, как раскалывается надвое ослепительно сверкающая скала, как разваливается на куски система противолавинных клиньев и стен, как вся эта масса мчащихся глыб сносит дорогу вместе с подпирающим ее скальным основанием и падает в долину, которая на тридцать часов превратилась в море слегка клубящейся белой пыли; разлив этой пыли, гонимой бешеным натиском лавины, через несколько минут уже достиг противоположного склона кратера. В губительной зоне обвала оказались два транспортера. Того, что замыкал колонну, вообще не удалось найти. Его обломки были погребены под десятиметровой толщей камней. Водитель второго транспортера пытался спастись. Он проскочил поток лавины и выбрался на верхний, уцелевший участок дороги, но огромная глыба, перемахнув через сохранившийся оста-

ток противолавинной стены, сбросила машину в трехсотметровую пропасть. Водитель успел открыть люк и упал в поток мелких камней. Он один пережил своих товарищей, но лишь на несколько часов, которые стали сущим адом для остальных. Этот человек, канадец французского происхождения по фамилии Роже, не потерял сознания – или пришел в себя сразу после катастрофы – и из глубины белой тучи, закрывшей дно кратера, звал на помощь. Приемник в радиоаппаратуре его скафандра был поврежден, но передатчик действовал. Найти Роже было невозможно. Запеленговать его передатчик никак не удавалось из-за многократного преломления волн, отражаемых глыбами, а глыбы были величиной с большой дом; спасатели двигались по этому лабиринту, залитому молочной пылью, как по руинам города. Радар был бесполезен из-за обилия сернистого железа в осыпавшейся породе. Через час, когда из-под Солнечных Ворот ринулась вторая лавина, розыски пришлось прекратить. Вторая лавина была небольшой, однако она могла предвещать новые обвалы. И они ждали, а голос Роже все еще был слышен, и особенно четко наверху, на станции: каменная воронка кратера действовала как нацеленный вверх рупор. Через три часа прибыли русские со станции «Циолковский» и двинулись в пылевое облако на гусеничных транспортерах; машины становились дыбом и того гляди могли опрокинуться на сыпучем склоне: из-за слабого притяжения угол падения каменных осыпей на Луне круче, чем на Земле. Цепочки спасателей прошли туда, где не могли пройти гусеничные машины, и трижды прочесали зыбкую поверхность осыпи. Один из спасателей упал в расщелину; только немедленная отправка на станцию «Циолковский» и быстрые действия врача помогли ему выжить. Но и тогда люди не ушли из белой тучи, потому что они слышали постепенно слабеющий голос Роже.

Через пять часов он умолк. Но Роже был еще жив. Об этом знали все. В скафандре, помимо обычной аппаратуры радиотелефонной связи, есть миниатюрный автоматический передатчик, соединенный с кислородным прибором. Электромагнитные волны передают каждый вдох и выдох на станцию, где он регистрируется специальным устройством вроде «магического глаза»: зеленый светящийся «мотылек» то расправляет «крылья», то складывает. Это фосфоресцирующее мигание подтверждало, что потерявший сознание, умирающий Роже еще дышит; пульсация все замедлялась; никто не мог уйти из помещения радиостанции, столпившиеся здесь люди бессильно ждали смерти Роже.

Роже дышал еще два часа. Потом зеленый огонек в «магическом глазе» замерцал, сжался и замер. Лишь через тридцать часов отыскивали изуродованный, окаменевший труп канадца и похоронили его в помятом скафандре, как в металлическом гробу.

Потом проложили новую дорогу, точнее, ту горную тропу, по которой Пиркс пришел на станцию. Канадцы хотели ликвидировать станцию, но их упрямые английские коллеги разрешили проблему доставки припасов оригинальным способом, который впервые был предложен на Земле при штурме Эвереста. Тогда его отклонили как нереальный. Реальным он оказался лишь на Луне.

Эхо катастрофы прокатилось по всей Земле в многочисленных, порой совершенно противоречивых версиях. Наконец шум утих. Трагедия стала очередной главой в летописи борьбы с лунными пустынями. На станции посменно дежурили астрофизики. Так прошло шесть лунных дней и ночей. А когда уже казалось, что на этой недавно так много испытывавшей станции не произойдет больше ничего сенсационного, «Менделеев» вдруг не отозвался на позывные, поданные на рассвете радистами «Циолковского». И опять туда направилась команда с «Циолковского» – спасти людей или, вернее, выяснить, чем объясняется молчание станции. Их ракета опустилась у края большой осыпи, неподалеку от вершины хребта.

До купола станции они добрались, когда почти весь кратер был еще окутан непроглядной тьмой. Только под самой вершиной искрился в горизонтальных лучах стальной колпак станции. Входной люк был открыт настежь. Под ним, у основания лесенки, лежал Сэвидж – в такой позе, будто он соскользнул со ступенек. Смерть наступила от удушья: бронестекло его шлема

треснуло. Позже на внутренней стороне его рукавиц обнаружили еле заметные следы каменной пыли, будто он возвращался после горного восхождения. Но следы могли иметь давнее происхождение. Второго канадца, Шалье, нашли только после тщательного осмотра близлежащих расщелин и откосов. Спасатели, спустившись на трехсотметровых тросах, извлекли его тело со дна пропасти под Солнечными Воротами. Труп лежал в нескольких десятках метров от того места, где погиб и был похоронен Роже.

Попытки сейчас же восстановить картину случившегося казались безнадежными. Никто не мог выдвинуть правдоподобную гипотезу. К месту происшествия прибыла смешанная англо-канадская комиссия.

Часы Шалье остановились в двенадцать, но неизвестно было, в полдень они разбились или в полночь. Часы Сэвиджа остановились в два. Внимательный осмотр – расследование велось с величайшей тщательностью – показал, что пружина часов раскрутилась до конца. Значит, часы Сэвиджа, по всей вероятности, не остановились в момент его смерти, а шли еще некоторое время.

В помещении станции был обычный порядок. В станционном журнале, куда заносились все существенные факты, не было ничего, что могло бы пролить луч света на происшедшее. Пиркс изучил журнал страницу за страницей. Записи были лаконичны: в таком-то часу произведены астрономические измерения, экспонировано столько-то пластинок, в такой-то обстановке проведены следующие наблюдения. Среди этих стереотипных заметок ни одна не имела хотя бы косвенной связи с тем, что произошло в последнюю для Сэвиджа и Шалье лунную ночь.

Все свидетельствовало о том, что смерть захватила работников станции врасплох. Нашли открытую книгу, на полях которой Шалье делал пометки; она лежала под включенной лампой, прижатая другой книгой, чтобы страницы не закрывались. Рядом была трубка, она упала на бок, и выпавший уголек слегка опалил пластиковое покрытие стола. К тому же Сэвидж готовил тогда ужин. В кухонке остались открытые банки консервов, в миске белела разведенная на молоке каша для омлета, дверца холодильника была открыта, а на белом столике стояли две тарелки, два прибора и лежал нарезанный зачерствевший хлеб...

Стало быть, один из них оторвался от чтения и отложил дымящуюся трубку, как это делают, когда хотят ненадолго отлучиться из комнаты. А другой бросил готовить ужин, оставив сковородку с расплавленным жиром, – даже не захлопнул дверцы холодильника. Они надели скафандры и вышли в ночь. Одновременно? Или один за другим? Зачем? Куда?

Они пробыли на станции уже две недели. Превосходно знали окружающую местность. Да и ночь была на исходе. Через десять – пятнадцать часов должно было взойти солнце. Почему они не дождались восхода, если оба – или один из них – решили спуститься на дно кратера? О том, что таково было, по-видимому, намерение Шалье, свидетельствовало место, где нашли его труп. Он, как и Сэвидж, знал, что забираться на площадку под Солнечными Воротами, где дорога неожиданно обрывается, – сумасшествие. Пологий спуск становился здесь все круче, будто приглашая спуститься вниз, но через несколько десятков шагов уже зияла пропасть, образованная обвалом. Новая дорога огибала это место, а потом шла вдоль линии алюминиевых вех. Это знал каждый, кто хоть раз побывал на станции. И вдруг один из постоянных сотрудников пошел именно туда, начал спускаться по плитам, ведущим к пропасти. С какой целью? Чтобы совершить самоубийство? Но разве бывает так, чтобы самоубийца оторвался от увлекательного чтения, оставив раскрытую книгу, отложил дымящуюся трубку и пошел навстречу смерти?

А Сэвидж? При каких обстоятельствах треснуло стекло в его шлеме? Когда он только выходил из дома или когда вернулся? Или он собрался искать Шалье, который все не возвращался? Но почему он не пошел вместе с ним? А если пошел, то как мог позволить ему спуститься к обрыву?

На все эти вопросы не было ответов...

Единственным предметом, оказавшимся явно не на своем месте, была пачка пластинок, предназначенных для регистрации космических лучей. Она лежала в кухне на белом столике, рядом с пустыми чистыми тарелками.

Комиссия пришла к следующим выводам.

В тот день дежурил Шалье. Углубившись в чтение, он вдруг спохватился, что время приближается к одиннадцати. В этот час он должен был заменить экспонированные пластинки новыми. Пластинки экспонировались вне станции. На сотню шагов выше по склону горы был вырублен в скале неглубокий колодец. Стены его выложили свинцом, чтобы на фотопластинки падали только вертикальные лучи, как требовали условия исследований. Итак, Шалье встал, отложил книгу и трубку, взял пачку новых пластинок, надел скафандр, вышел через шлюзовую камеру, направился к колодцу, спустился по ступенькам, вделанным в стену, сменил пластинки и, взяв экспонированные, отправился назад.

На обратном пути он заблудился. Кислородный аппарат у него не был испорчен; значит, разум его помутился не от аноксии – кислородного голодания. Так по крайней мере предположили после осмотра разбитого скафандра.

Члены комиссии пришли к убеждению, что сознание Шалье внезапно помрачилось – иначе бы он не сбился с дороги. Слишком хорошо он ее знал. Может, он неожиданно заболел, упал в обморок, может, у него закружилась голова и он потерял ориентировку? Во всяком случае, он шел, думая, что возвращается на станцию, а на самом деле двигался прямо к пропасти, которая поджидала его в каких-нибудь ста метрах.

Сэвидж, видя, что Шалье долго не возвращается, забеспокоился, бросил стряпню и попытался установить с ним радиосвязь. Передатчик был настроен на ультракороткий диапазон местной связи. Конечно, его могли включить и раньше, если бы кто-нибудь из дежурных пытался, несмотря на помехи, установить связь со станцией «Циолковский». Но, во-первых, русские не слышали никаких радиосигналов, пусть даже искаженных до полной непонятности. А во-вторых, это предположение казалось малоправдоподобным еще и потому, что и Сэвидж, и Шалье прекрасно понимали бессмысленность такой попытки в период самых сильных радиопомех, перед рассветом... Когда связаться с Шалье не удалось – его уже не было в живых, – Сэвидж надел скафандр и выбежал в темноту искать товарища.

Возможно, Сэвидж был так взволнован молчанием Шалье, его необъяснимым, внезапным исчезновением, что сбился с пути; но скорее, он, пытаясь систематически прочесать окрестности станции, напрасно и чрезмерно рисковал. Одно ясно: во время головокружных поисков Сэвидж упал и разбил стекло шлема. У него хватило сил, зажав ладонью трещину, добежать до станции и взобраться ко входному люку, но, прежде чем он задраил люк и впустил в камеру воздух, остаток кислорода улетучился из скафандра. Сэвидж на последней ступеньке лесенки упал в обморок и через несколько секунд умер.

Такое истолкование трагедии не убедило Пиркса. Он тщательно ознакомился с характеристиками обоих канадцев. Особое внимание уделил Шалье, ибо тот, по-видимому, оказался невольным виновником гибели и своей, и своего товарища. Шалье было тридцать пять лет. Он, известный астрофизик и опытный альпинист, отличался отменным здоровьем, никогда не болел, никогда не испытывал головокружений. До этого он работал на «земном» полушарии Луны, где стал одним из основателей Клуба акробатической гимнастики, необычного спорта, лучшие приверженцы которого могли с одного прыжка сделать десять сальто подряд и уверенно опуститься на полусогнутые ноги или выдержать на своих плечах пирамиду из двадцати пяти спортсменов! Неужели такой человек без всякой причины вдруг ослабеет или потеряет ориентировку и не сумеет пройти по отлогому склону последние сто шагов до станции, а свернет под прямым углом в ложном направлении, да еще перелезет в темноте через груды глыб, громоздящуюся позади станции именно в этом месте?

И была еще одна деталь, которая, по мнению Пиркса – и не только Пиркса, – прямо противоречила версии, записанной в официальном протоколе. На станции сохранялся порядок. Но одну вещь нашли не на месте – пачку фотопластинок на кухонном столе. Похоже было, что Шалье действительно вышел сменить пластинки. Что он сменил их. Что вовсе не пошел прямо к пропасти, не карабкался через каменный вал, а преспокойно вернулся на станцию. Об этом свидетельствовали пластинки. Шалье положил их на кухонный стол. Почему именно туда? И где был в это время Сэвидж? Комиссия решила, что экспонированные пластинки, обнаруженные в кухне, принадлежат к предыдущей, утренней партии и что один из ученых случайно положил их на стол. Однако возле труппа Шалье не нашли никаких пластинок. Комиссия решила, что пачка пластинок могла выпасть из кармана скафандра или из рук Шалье при падении в пропасть и исчезнуть в одной из бесчисленных щелей среди каменной осыпи.

Пирксу казалось, что тут явно подгоняют факты под заранее принятую гипотезу.

Он спрятал протоколы в ящик. Ему больше незачем было заглядывать в них. Он знал их наизусть. Он сказал себе – даже не выразил этой мысли словесно, ибо был непоколебимо в этом уверен, – что разгадка тайны скрыта не в психике обоих канадцев. Не было никакого обморока, заболевания, помрачения сознания – причина трагедии иная. Ее нужно искать либо на самой станции, либо в ее окрестностях.

Пиркс начал со станции. Он не искал следов – хотел лишь подробно изучить детали оборудования. Спешить ему не приходилось, времени было достаточно.

Прежде всего он исследовал шлюзовую камеру. Меловой контур еще виднелся у основания лесенки. Пиркс начал с внутренней двери. Как обычно в малых камерах подобного типа, устройство позволяло открывать либо внутреннюю дверь, либо крышку верхнего люка. При открытом люке дверь не открывалась. Это исключало несчастные случаи, например если один открывает крышку, а другой в это время – дверь. Правда, дверь открывалась внутрь и давление воздуха все равно захлопнуло бы ее с силой почти в восемнадцать тонн, но между краем двери и рамой могла попасть рука, какой-нибудь твердый предмет или инструмент – тогда произошла бы молниеносная утечка воздуха в пустоту.

С крышкой входного люка дело обстояло еще сложнее – тем более что за ее положением следил центральный контрольный аппарат в помещении радиостанции. Когда крышку открывали, на пульте этого прибора загорался красный сигнал. В то же мгновение автоматически включался зеленый сигнал – стеклянный глазок в никелированной оправе, расположенный в центре застекленного экрана локатора. Когда «мотылек» в глазке мерно помахивал «крыльями», это значило, что находящийся вне станции человек дышит нормально; кроме того, по расчерченному на сегменты экрану локатора вращалась светящаяся полоска, показывая, где этот человек находится. Она двигалась по экрану соответственно оборотам радарной антенны на куполе и позволяла наблюдать окрестности станции в виде фосфорически мерцающих очертаний. Вслед за лучиком, бегущим по кругу, как стрелка часов, на экране появлялось специфическое свечение, возникающее при отражении радиоволн от любых материальных объектов; человек, облаченный в металлический скафандр, вызывал на экране особенно яркое свечение. Наблюдая за изумрудным продолговатым пятнышком, можно было уловить его движение – оно перемещалось на менее ярком фоне – и таким образом определить, куда и с какой скоростью идет человек. Верхняя часть экрана отражала местность у северной вершины, где находился колодец для экспонирования пластинок, а нижняя – юг, то есть зону, в период ночи запретную, – дорогу к пропасти.

Механизмы «дышащего мотылька» и радиолокатора действовали независимо друг от друга. Глазок питался от датчика, соединенного с кислородными клапанами скафандра и работавшего на частотах, близких к инфракрасным, а луч локатора работал на полусантиметровых радиоволнах.

Аппаратура располагала одним локатором и одним глазком, ибо по инструкции лишь один человек мог находиться вне станции, а другой внутри станции должен был наблюдать за его состоянием; в случае необходимости он, конечно, спешил на помощь товарищу.

На практике при такой краткой и безопасной отлучке, как для смены фотопластинок в колодце, оставшийся на станции мог открыть настежь двери кухни и радиостанции и поглядывать на приборы, не прерывая стряпни. Можно было поддерживать радиотелефонную связь, за исключением предрассветных часов, – приближение терминатора, границы света и тени, сопровождалось такой бурей тресков, что разговаривать было практически невозможно.

Пиркс добросовестно изучил действие сигналов. Когда поднимали крышку люка, зеленый «мотылек» светлел, но оставался неподвижным, а его «крылышки» были намертво сжаты до толщины нити – отсутствовали внешние сигналы, которые их расправляли. Луч локатора мерно кружил по экрану, и неподвижные очертания скалистых окрестностей возникали словно окаменевшие призраки. Он нигде не усиливал свечения и тем самым подтверждал показания «мотылька», что в радиусе его действия вне станции нет ни одного скафандра.

Разумеется, Пиркс наблюдал за поведением аппаратуры и когда Лангнер выходил сменить пластинки.

Красная лампочка вспыхивала и почти немедленно гасла, потому что Лангнер закрывал крышку люка снаружи. Зеленый «мотылек» начинал мерно пульсировать. Через несколько минут пульсация немного ускорялась: Лангнер довольно быстро поднимался по склону, и его дыхание, естественно, учащалось. Яркий отблеск скафандра сохранялся на экране значительно дольше, чем контуры скал, гаснувшие, как только удалялся луч. Потом «мотылек» внезапно сжимался и замирал, а экран пустел, и свечение скафандра гасло. Это происходило, когда Лангнер спускался в колодец, свинцовые стены которого вставали на пути потока сигналов. Одновременно на главном пульте вспыхивала пурпурная надпись «Тревога», а картина на экране локатора менялась. Антенна локатора, продолжая вращаться, уменьшала угол наклона, поочередно прощупывая все более дальние участки местности. Приборы ведь «не знали», что произошло: человек вдруг исчезал из поля их электромагнитной власти. Через три-четыре минуты «мотылек» снова расправлял «крылья», локатор обнаруживал исчезнувшего, и оба не связанных между собой прибора отмечали появление человека. Лангнер, выбравшись из колодца, возвращался на станцию. Сигнал «Тревога» продолжал, однако, гореть – его нужно было выключить. Впрочем, через сто двадцать минут это сделал бы выключатель с часовым механизмом, поставленный, чтобы зря не расходовалась электроэнергия. Ночью она поступала только из аккумуляторов, а днем их снова заряжало солнце.

Изучив действие этих приборов, Пиркс решил, что они не отличаются особой сложностью. Лангнер в его эксперименты не вмешивался. Он считал, что канадцы погибли при обстоятельствах, изложенных в протоколах комиссии; кроме того, он считал, что несчастные случаи вообще неизбежны.

– Пластинки? – ответил он на доводы Пиркса. – Никакого значения эти пластинки не имеют! Когда расстроишься, еще и не такое делаешь. Логика покидает нас гораздо раньше, чем жизнь. И человек начинает совершать бессмысленные поступки...

Пиркс решил больше с ним не спорить.

Кончалась вторая неделя лунной ночи. После всех исследований Пиркс знал не больше, чем в самом начале. Может, и вправду этой трагедии суждено навсегда остаться неразгаданной? Может, это одно из происшествий, встречающихся раз на миллион, когда невозможно восстановить картину случившегося?

Пиркс постепенно втянулся в сотрудничество с Лангнером. Надо было в конце концов что-то делать, заполнить чем-нибудь долгие часы. Он научился обращаться с большим астрографом – значит это все же была обычная предвыпускная практика, потом стал по очереди с

Лангнером ходить к колодцу, чтобы оставить там на несколько часов очередную партию фотопластинок.

Долгожданный рассвет приближался. Истосковавшись по новостям, Пиркс долго возился с радиоаппаратурой, но извлек лишь ураган треска и свиста, предвещающий близкий восход солнца. Потом был завтрак; после завтрака они проявляли пластинки. Над одной из них астрофизик долго корпел, так как обнаружил великолепный след мезонного распада; он даже подзвал Пиркса к микроскопу, но тот был равнодушен к красотам ядерных превращений. Потом обедали, потом Лангнер повозился часок с астрографами и провел визуальные наблюдения звездного неба. Время приближалось к ужину, Лангнер был уже на кухне, когда Пиркс – была его очередь менять пластинки – сказал, что выходит наружу. Лангнер, погруженный в изучение сложного рецепта на коробке с яичным порошком, пробурчал, чтобы он поторопился: омлет будет готов через десять минут.

Пиркс, уже в скафандре, держа в руке пачку пластинок, проверил, хорошо ли прилегает шлем к вороту, распахнул настежь двери кухни и радиостанции, вошел в камеру, захлопнул за собой герметическую дверь, откинул верхнюю крышку и выбрался наружу.

Его окутала та же тьма, что и в межзвездном пространстве. Земному мраку с ней не сравниться, атмосфера всегда немного светится от слабого возбужденного излучения кислорода. Пиркс видел звезды и лишь по тому, как прерывались узоры знакомых созвездий, понимал, что вокруг громоздятся скалы. Он включил рефлектор на шлеме и, шагая за бледным, мерно подрагивавшим кружком света, добрался до колодца. Перебросил ноги в тяжелых башмаках через борт колодца (к здешней легкости привыкают быстро, куда труднее опять привыкнуть к нормальному притяжению на Земле), нащупал первую ступеньку, спустился вниз и занялся пластинками. Когда он присел на корточки и наклонился над подставками, рефлектор замигал и погас. Пиркс шевельнулся, хлопнул по шлему рукой – свет появился снова. Значит, лампочка цела, только контакт не в порядке. Он начал собирать экспонированные пластинки – рефлектор мигнул раз-другой и опять погас. Пиркс сидел несколько секунд в кромешной тьме, не зная, что предпринять. Обратная дорога не страшила его – он знал ее наизусть, к тому же на куполе станции светились два огонька, зеленый и голубой. Но, идя на ощупь, он рисковал разбить пластинки. Он еще раз хватил кулаком по шлему – лампочка загорелась. Пиркс быстро записал температуру, вложил экспонированные пластинки в кассеты; когда он начал укладывать кассеты в футляр, проклятый рефлектор снова погас. Пришлось отложить кассеты, чтобы еще несколько раз стукнуть по шлему и восстановить контакт. Пиркс заметил, что, пока он стоит выпрямившись, лампочка горит, а стоит нагнуться, как она гаснет. Пришлось продолжать работу в неестественной позе. Наконец свет погас окончательно, и никакие удары не помогали. Но сейчас не могло быть и речи о возвращении на станцию – вокруг лежали кассеты. Пиркс прислонился к нижней ступеньке, отвинтил крышку рефлектора, всадил ртутную лампочку поглубже в патрон и снова надел крышку. Теперь свет горел, но, как назло, заело резьбу. Пиркс пробовал и так, и сяк, наконец, разозлившись, сунул стеклянную крышку в карман, быстро собрал кассеты, разложил новые пластинки и полез вверх. До края колодца оставалось всего с полметра, когда Пирксу показалось, что к белому свету его рефлектора примешался какой-то другой, колеблющийся и угасающий; он посмотрел вверх, но увидел лишь звезды над краем колодца.

«Почудилось мне», – решил Пиркс.

Он выбрался наверх, и его охватило какое-то непонятное беспокойство. Он не шел, а бежал большими скачками, хотя лунные прыжки вопреки мнению многих ничуть не ускоряют движения – прыжки длинные, но зато летишь в шесть раз медленнее, чем на Земле. Он был уже у станции и положил руку на перила, когда снова увидел, как что-то блеснуло, будто на юге выстрелили из ракетницы. Он не увидел самой ракеты – все заслонял купол станции, только призрачно блеснули нависшие скалы: они вынырнули на секунду из черноты и снова исчезли.

Пиркс молниеносно, как обезьяна, взобрался на купол. Кругом была тьма. Будь у него ракетница, он выстрелил бы. Он включил свое радио. Треск. Ужасный треск.

Вдруг он подумал, что валяет дурака. Какая ракета? Это наверняка метеор. Метеоры не светятся в атмосфере, потому что ее нет на Луне, но вспыхивают, когда с космической скоростью врезаются в скалы.

Пиркс быстро спустился в камеру, дождался, пока стрелки показали необходимое давление – 0,8 килограмма на квадратный сантиметр, открыл дверь и, стаскивая на ходу шлем, вбежал в прихожую.

– Лангнер! – крикнул он.

Молчание. Не снимая скафандра, Пиркс вбежал в кухню. Обвел ее взглядом. Кухня была пуста! На столе – тарелки, приготовленные к ужину, в кастрюльке – размешанная для омлета каша, сковородка рядом с уже включенной горелкой.

– Лангнер! – заорал Пиркс и, швырнув пластинки, бросился в помещение радиостанции. Там тоже было пусто. Неизвестно, откуда появилась у него уверенность, что не стоит подниматься в обсерваторию, что Лангнера на станции нет. Значит, эти вспышки все же были ракетами? Лангнер стрелял? Он вышел наружу? Зачем? И идет по направлению к пропасти!

Вдруг он увидел Лангнера. Зеленый глазок мигал: Лангнер дышал. А бегавший по окружности лучик радара выхватывал из мглы маленький яркий огонек – в самой нижней части экрана! Лангнер шел к обрыву...

– Лангнер! Стой! Стой! Слышишь? Стой! – кричал Пиркс в микрофон, не отрывая глаз от экрана.

Репродуктор тарахтел. Треск помех – больше ничего. Зеленые «крылышки» махали, но не так, как при нормальном дыхании: они двигались медленно, неуверенно, порой надолго замирали, будто кислородный аппарат Лангнера перестал работать. А резкий блеск на радаре был очень далеко, он сверкал в самом низу экрана; по координатной сетке, расчертившей стекло, было видно: это за полтора километра по прямой, значит, уже среди огромных вздыбившихся скал под Солнечными Воротами. И больше он не двигался. При каждом обороте бегущего луча он вспыхивал в том же самом месте. Лангнер упал? Лежит там – без сознания?

Пиркс выскочил в коридор. Надо в шлюзовую камеру, наружу! Он кинулся к герметической двери. Но, когда он пробежал мимо кухни, что-то бросилось ему в глаза, черное, на белой скатерти. Фотопластинки, которые он принес и машинально бросил здесь, испуганный отсутствием Лангнера... Это словно парализовало Пиркса. Он стоял у дверей камеры, держа в руках шлем, и не двигался с места.

«Все так же, как тогда. Все так же, – думал он. – Он готовил ужин и вдруг вышел. Сейчас я выйду за ним и... и оба мы не вернемся. Через несколько часов «Циолковский» начнет вызывать нас по радио. Ответа не будет...»

«Сумасшедший, иди! – кричало что-то в нем. – Чего ты ждешь? Он лежит там! Может, его захватила лавина, она сорвалась с вершины, ты не слышал, ведь здесь ничего не слышно, он еще жив, он не движется, но жив, он дышит, торопись...»

Однако Пиркс не двигался. Вдруг он круто повернулся, бросился в помещение радиостанции и внимательно присмотрелся к индикаторам. Никаких перемен: через каждые четыре-пять секунд – медленный взмах крылышек «мотылька», подрагивающий, неуверенный. И блеск в радаре – на краю пропасти...

Пиркс проверил угол наклона антенны: он был минимальным. Антенна уже не контролировала территорию, прилегающую к станции, – она посылая импульсы на максимальное расстояние. Пиркс вплотную приблизил лицо к глазку. И тогда он заметил нечто странное. Зеленый «мотылек» не только складывал и расправлял «крылышки», но в то же время мерно подрагивал, будто на слабый дыхательный ритм накладывался другой, гораздо более быстрый. Судороги агонии? Конвульсии? Там умирал человек, а он с полуоткрытым ртом жадно всмат-

ривался в движения катодного огонька, все те же – одно замедленное, другое – с быстрым ритмом. Вдруг, толком не понимая, почему он это делает, Пиркс схватил кабель антенны и вырвал из гнезда. Случилось нечто поразительное: индикатор с отключенной антенной, оторванный от внешних импульсов, не замер: «крылышки» продолжали трепетать...

Все в том же непонятном оцепенении Пиркс бросился к пульта и увеличил угол наклона радарной антенны. Далекая искорка, застывшая под Солнечными Воротами, начала двигаться к рамке экрана. Радар выхватывал из мрака все более близкие участки местности – и вдруг на экране появилась новая вспышка, более яркая и сильная. Второй скафандр!

Это наверняка был человек. Он двигался. Медленно, мерно спускался вниз, сворачивал то влево, то вправо, видимо обходя какие-то препятствия; он направлялся к Солнечным Воротам, к той, другой, далекой искорке – к другому человеку?

У Пиркса глаза на лоб полезли. На экране действительно светились две искры: близкая – движущаяся и далекая – неподвижная. На станции было только два человека – Лангнер и он, Пиркс. Аппаратура показывала, что их трое. Третьего быть не могло. Значит, аппаратура лгала.

Он не успел до конца продумать все это, как был уже в камере – с ракетницей и патронами. Еще через минуту он стоял на куполе и палил сигнальными ракетами, целясь в одном направлении – вниз, в сторону Солнечных Ворот. Пиркс едва успевал выбрасывать горячие гильзы. Тяжелая рукоятка ракетницы прыгала в руке. Он ничего не слышал, только ощущал легкую отдачу после нажатия спускового крючка, потом расцветали полосы света, алмазная зелень, и пурпурное пламя, брызжущее красными каплями, и фонтаны сапфировых звезд... Он все стрелял и стрелял. Наконец внизу, в нескончаемом мраке, вспыхнул ответный огонек, и оранжевая звезда, взорвавшись над головой у Пиркса, осветила его и осыпала, словно в награду, дождем пламенных страусовых перьев. И вторая – дождем шафранного золота...

Он стрелял. И тот стрелял, возвращаясь: вспышки выстрелов все сближались. Наконец в свете одной из вспышек Пиркс увидел призрачный силуэт Лангнера. Он внезапно ослабел, его тело покрылось испариной. Даже голова. Он был мокрый, будто из воды вылез. Не выпуская ракетницы, Пиркс уселся; ноги стали ватными. Он свесил их в открытый люк и, тяжело дыша, ждал Лангнера, который был уже рядом.

Это случилось так. Когда Пиркс ушел, Лангнер, хлопоча в кухне, не следил за приборами. Он посмотрел на них лишь через несколько минут. Точно неизвестно, через сколько именно. Во всяком случае, это, по-видимому, случилось, когда Пиркс возился с гаснущим фонариком. Когда он исчез из поля зрения радара, автомат начал уменьшать угол наклона антенны, и это продолжалось, пока кружащийся лучик не коснулся подножия Солнечных Ворот. Лангнер увидел сверкающую искру и принял за отражение скафандра, тем более что ее неподвижность объясняли показания «магического глаза»; человек (Лангнер, конечно, подумал, что это Пиркс) дышал так, будто потерял сознание и задыхался. Лангнер тотчас надел скафандр и бросился на помощь.

В действительности искорка на радаре фиксировала ближайшую из шеренги алюминиевых мачт – ту, что стоит над самой пропастью. Лангнер, может, и разобрался бы в своей ошибке, если бы не показания глазка, которые, казалось, дополняли и подтверждали показания радара.

Газеты потом писали, что глазком и радаром ведала электронная аппаратура вроде электронного мозга, а в нем во время гибели Роже зафиксировался дыхательный ритм умирающего канадца; когда возникла аналогичная ситуация, электронный мозг воспроизвел этот ритм. И что это – нечто вроде условного рефлекса, вызванного определенной последовательностью электрических импульсов. На самом деле все обстояло гораздо проще. На станции не было электронного мозга, а только обычное автоматическое управление, не имевшее никакой «памяти». «Неправильный ритм дыхания» возникал потому, что был пробит маленький конденсатор; неисправность давала о себе знать лишь при открытом или незавинченном верхнем

входном люке. Напряжение перескакивало с одного контура на другой, и на сетке «магического глаза» возникало «биение». Оно лишь на первый взгляд напоминало дыхание при агонии, ибо, присмотревшись, можно было без труда заметить неестественное дрожание зеленых крылышек.

Лангнер шел к пропасти, где, как он думал, находится Пиркс, и освещал себе путь рефлектором, а в особенно темных местах – ракетами. Два ракетных выстрела и заметил Пиркс, возвращаясь на станцию. Через четыре-пять минут Пиркс в свою очередь стал призывать Лангнера выстрелами из ракетницы – и на этом приключение окончилось.

С Шалье и Сэвиджем было иначе. Сэвидж тоже, возможно, сказал Шалье: «Возвращайся поскорей», как это сказал Пирксу Лангнер. А может, Шалье спешил потому, что зачитался и вышел позже обычного? Во всяком случае, он не завинтил люк. Этого было недостаточно, чтобы погрешность аппаратуры привела к пагубным последствиям; потребовалось еще одно, случайное сочетание факторов: что-то, по-видимому, задержало Шалье в колодце до тех пор, пока антенна, поднимаясь при каждом обороте на несколько градусов, не нашла наконец алюминиевую мачту над пропастью.

Что задержало Шалье? Неизвестно. Почти наверняка не поломка рефлектора: такое случается слишком редко. Но из-за чего-то он запоздал с возвращением, а тем временем появилась на экране роковая искорка, которую Сэвидж, как впоследствии и Лангнер, принял за свечение скафандра. Опоздание составило не менее тринадцати минут: позднее это подтвердилось контрольными опытами.

Сэвидж пошел к пропасти, чтобы искать Шалье. А Шалье, вернувшись, застал станцию пустой, увидел то же, что и Пиркс, и в свою очередь пошел разыскивать Сэвиджа. Возможно, Сэвидж, добравшись до Солнечных Ворот, с опозданием понял, что на экране отражалась только металлическая трубка, вбитая в каменную осыпь, но на обратном пути оступился и разбил стекло на шлеме. Может, он и не разобрался в механизме этого явления, а просто во время тщетных поисков, не найдя Шалье, забрел на какую-то скалу и упал. Всех подробностей выяснить не удалось. Так или иначе, оба канадца погибли.

Катастрофа могла произойти только перед рассветом. Потому что, если бы не помехи в радиосвязи, оставшийся внутри станции мог разговаривать с вышедшим наружу, даже находясь в кухне. Затем все могло произойти, лишь когда выходивший очень торопился и не завинтил крышку люка. Лишь в этом случае проявлялась неисправность аппаратуры. Да и вообще, если человек торопится, он может опоздать именно потому, что хочет поскорее вернуться. Он может уронить пластинки, разбить что-нибудь – мало ли что случается в спешке. Радарное отражение не отличается особой четкостью: на расстоянии тысячи девятисот метров металлическую веху легко принять за скафандр. При стечении этих обстоятельств катастрофа была возможна и даже вполне вероятна. Для полноты картины добавим, что оставшийся внутри должен был находиться в кухне либо где угодно, но только не в помещении радиостанции, иначе он видел бы, что его товарищ пошел по правильному пути, и не принял бы потом искорку на южной части экрана за скафандр.

Труп Шалье, разумеется, не случайно нашли так близко от места, где погиб Роже. Он упал в пропасть, на краю которой стояла алюминиевая веха. Веху поставили там, чтобы предостеречь людей. А Шалье шел к ней, думая, что идет к Сэвиджу.

Физический механизм явления банально прост. Нужна лишь определенная последовательность случаев и такие факторы, как радиопомехи и незавинченная крышка люка шлюзовой камеры.

Возможно, более достоин внимания механизм психологический. Когда аппаратура, лишённая внешних импульсов, колебанием внутренних напряжений пускала в ход «мотылька», а на экране появлялось ложное изображение скафандра, человек, подходивший к прибору, воспринимал эту картину как реальную. Сначала Сэвидж думал, что видит у про-

пасти Шалье, потом Шалье не сомневался, что там находится Сэвидж. То же самое произошло впоследствии с Пирксом и Лангнером. Каждый из них прекрасно знал подробности катастрофы, в которой погиб Роже, и как особенно трагическую деталь помнил его долгую агонию, которую «магический глаз» до конца аккуратно передавал на станцию.

Так что если, как заметил кто-то, и можно говорить об «условном рефлексе», то он проявился не у приборов, а у самих людей. Они подсознательно пришли к убеждению, что трагедия Роже непонятным образом повторилась, избрав на этот раз жертвой одного из них.

– Теперь, когда мы все знаем, – сказал Тауров, кибернетик с «Циолковского», – объясните нам, коллега Пиркс, как вы сумели разобраться в обстановке? Несмотря на то что, как вы сами говорите, не понимали механизма этого явления...

– Не знаю, – ответил Пиркс. В глаза ему била белизна залитых солнцем вершин. Их зубья торчали в густой черноте неба, как кости, вываренные добела. – Пожалуй, дело в пластинках. Я посмотрел на них и понял, что швырнул их точно так же, как Шалье. Может, я все-таки ушел бы, да вот еще одно... С пластинками – это в конце концов могло быть случайное стечение обстоятельств... Но у нас на ужин был омлет, как и у них в тот последний вечер. Я подумал, что слишком много этих совпадений и что дело тут не в чистой случайности. Так что... омлет... думаю, это он нас спас...

– Люк остался открытым действительно из-за того, что жарился омлет, ради которого вы так торопились: значит, рассуждали вы совершенно правильно, но это вас не спасло бы, если б вы полностью доверяли аппаратуре, – сказал Тауров. – С одной стороны, мы должны ей доверять. Без электронных устройств мы и шагу не ступили бы на Луне. Но... за доверие иногда приходится расплачиваться.

– Это правда, – отозвался Лангнер, вставая. – Я хочу сказать вам, коллеги, что больше всего понравилось мне в поведении моего товарища. Что касается меня, то с этой головокружительной прогулки я вернулся, не нагуляв аппетита. Но он, – Лангнер положил руку на плечо Пиркса, – после всего происшедшего поджарил омлет и съел до последнего кусочка. Вот этим он меня удивил! Хотя я и раньше знал, что это человек сообразительный, честный, можно сказать, добропорядочный...

– Какой, какой?! – переспросил Пиркс.

Патруль³

На дне коробочки стоял домик под красной крышей с крохотными черепичками. Он был похож на малину – даже лизнуть хотелось. Если коробочку потрясти, из окружавших домик кустов выкатывались, словно розовые жемчужинки, три поросенка. И тотчас же из норы под лесом – лес был лишь нарисован на внутренней стенке коробочки, но будто живой – выбежал черный волк и, шелкая при малейшем движении зубастой, красной изнутри пастью, мчался к пороссятам, чтобы их проглотить. Должно быть, внутри у него был магнетик. Требовалась немалая ловкость, чтобы этому помешать. Постукивая по дну коробочки ногтем мизинца, надо было завести поросят в домик, через дверку, которая не всегда к тому же распахивалась. Вещица не больше пудреницы – а можно скоротать с ней полжизни. Но теперь, в невесомости, она была бесполезна. Пилот Пиркс не без грусти поглядывал на рычаги ускорителей. Одно небольшое движение – и тяга двигателей, даже самая слабая, устранил невесомость, и, вместо того чтобы без толку таращиться в черную пустоту, он занялся бы судьбой поросят.

К сожалению, регламент не предусматривал включения атомного реактора ради спасения трех розовых поросят. Больше того: лишние маневры в пространстве категорически запрещались. Как будто это было бы лишним маневром!

Пиркс медленно спрятал коробочку в карман. Пилоты брали с собой куда более странные вещи, особенно в дальние патрульные рейсы – такие, как этот. Раньше начальство Базы сквозь пальцы смотрело на пустую трату урана ради запуска в небеса, вместе с пилотами, всяких курьезных вещей, вроде заводных птичек, клюющих рассыпанные по столу крошки, механических шершней, гоняющихся за механическими осаами, китайских головоломок из никеля и слоновой кости, – и никто уже не помнил, что заразил Базу этим безумием маленький Аарменс: отправляясь в патруль, он просто отбирал игрушки у своего шестилетнего сына.

Такая идиллия продолжалась довольно долго, почти год, – пока ракеты не начали пропадать без вести.

Впрочем, в те спокойные времена пилоты не жаловали патрульные рейсы, а зачисление в группу, прочесывающую пустоту, считалось знаком личной немилости со стороны Шефа. Пиркса назначение в патрульную группу вовсе не удивило; это как корь – раньше ли, позже ли, каждый должен через это пройти.

Но потом не вернулся Томас, большой, грузный Томас, который носил ботинки сорок пятого размера, обожал розыгрыши и воспитывал пуделей – самых умных в мире, конечно. Даже в карманах его комбинезона можно было найти шкурку от колбасы и кусочки сахара, а Шеф подозревал, что порой он тайком проносит в ракету пуделя, – хотя Томас божился, что ничего такого ему и в голову не приходило. Возможно. Этого никто уже не узнает, потому что однажды в июле, вечером, Томас взлетел, взяв с собой два термоса с кофе – он всегда очень много пил, – а третий оставив в кают-компании Базы, чтобы, вернувшись, выпить такого кофе, какой он любил – смешанный с гущей и сваренный с сахаром. Термос ждал его очень долго. На третий день в семь утра истек срок «допустимого опоздания», и имя Томаса записали мелом на доску в навигационной рубке. Такого у них еще не случалось – лишь самые старшие пилоты помнили время, когда аварии были делом обычным, и даже любили рассказывать товарищам помоложе леденящие кровь истории о тех временах, когда метеоритная тревога объявлялась с упреждением в пятнадцать секунд – как раз вовремя, чтобы успеть попрощаться с семьей. По радио, разумеется. Но это и в самом деле было давным-давно. Доска в навигационной всегда пустовала и, собственно, оставалась там лишь в силу инерции.

³ Patrol, 1959. © Перевод. К. Душенко, 1993

В девять вечера было еще довольно светло. Все дежурные пилоты вышли из радиорубки и стояли, задрав головы к небу, на газонах, окружавших огромную бетонированную посадочную площадку. Шеф вернулся из города вечером, снял с катушек все ленты с записями сигналов автоматического передатчика Томаса и поднялся в остекленную башню обсерватории, маленький купол которой вращался как обезумевший, зыряка во все стороны черными раковинами радаров.

Томас полетел на маленьком АМУ, и, хотя, как утешал их сержант из группы заправщиков, атомного топлива на АМУ хватило бы, чтобы облететь половину Млечного Пути, все смотрели на него как на полного идиота, а кто-то даже смачно его обругал, ведь кислорода у Томаса было всего на пять суток, да еще восьмичасовой неприкосновенный запас. Четыре дня кряду восемьдесят пилотов Станции, не считая множества прочих – всего почти пять тысяч ракет, – прочесывали сектор, в котором пропал Томас. И не нашли ничего, будто он растворился в пространстве.

Вторым был Уилмер. Его, правду сказать, мало кто любил; собственно, для этого не было ни одного серьезного повода – зато множество мелких. В разговоре он никому не давал закончить – непременно старался вставить словцо. По-дурацки смеялся, совершенно некстати, и чем больше этим раздражал окружающих, тем смеялся громче. Когда ему не хотелось утруждать себя точной посадкой, он садился прямо на траву, выжигая ее до самых корней, на метр в глубину. Но стоило кому-нибудь залететь в его сектор на четверть миллипарсека, как он немедленно подавал рапорт, – даже если это был его товарищ по Базе. Были и другие причины, уже совершенно пустячные, о которых и говорить-то неловко, – он, например, вытирался чужими полотенцами, чтобы подольше не пачкать собственное, – но, когда он не вернулся на Базу, все вдруг обнаружили, что Уилмер – отличный парень и надежный товарищ. Снова безумствовал радар, пилоты летали без смены и вне расписания, радисты из службы прослушивания не уходили домой и спали на смену у стены, на лавке, – даже обед им приносили наверх; Шеф, уехавший было в отпуск, вернулся спецрейсом, пилоты прочесывали сектор четверо суток, а настроение у всех было такое, что за не согнутый, как положено, шплинт в какой-нибудь гайке готовы были шею свернуть механику; приехали две комиссии экспертов, АМУ-116, как две капли воды похожий на ракету Уилмера, разобрали буквально до винтика, как часы, – без малейшего результата.

Правда, в секторе было тысяча шестьсот триллионов кубических километров, но он считался спокойным – ни случайных метеоритов, ни постоянных метеоритных потоков; даже орбиты старых, уже сто лет не появлявшихся комет не пересекали его, а известно, что такая комета иногда рассыпается на кусочки где-нибудь рядом с Юпитером, в «мельнице» его возмущений, и потом мало-помалу сорит на старой орбите осколками распавшегося ядра. Но в этом секторе не было решительно ничего – ни один спутник, ни один астероид не залетали сюда, не говоря уж о целом их поясе; и как раз потому, что пустота была в нем такая «чистая», пилоты не любили тут патрулировать.

Тем не менее Уилмер был уже вторым пилотом, исчезнувшим здесь, а его регистрационная лента – разумеется, десятикратно прокрученная, сфотографированная, скопированная и пересланная в Институт – сообщила ровно столько же, сколько лента Томаса, то есть ничего. Какое-то время сигналы приходили, а потом перестали. Автоматический передатчик высылал их довольно редко – раз в час. После Томаса осталось одиннадцать, после Уилмера – четырнадцать таких сигналов. И это все.

После второго исчезновения начальство развило бурную деятельность. Сперва проверили все ракеты – атомные реакторы, газораспределение, каждый винтик; за поцарапанное стекло корабельных часов можно было остаться без отпуска. Потом заменили часовые механизмы всех передатчиков, словно это они были виноваты! Теперь контрольные сигналы передавались каждые восемнадцать минут. В этом не было еще ничего плохого, напротив; плохо

было то, что на взлетной площадке стояли теперь два офицера самого высокого ранга и безжалостно отбирали все без изъятия – клюющих и поющих птичек, бабочек, карманные игры, – целая груда конфискованных мелочей вскоре выросла в кабинете Шефа. Злые языки говорили даже, что дверь кабинета так часто заперта потому, что, дескать, он сам во все это играет.

Только в свете этих событий можно по-настоящему оценить незаурядное искусство пилота Пиркса, который несмотря ни на что сумел пронести на борт своего АМУ домик с тремя поросятами. Правда, радости от этого было мало – разве только моральное удовлетворение.

Патрульный полет тянулся уже девятый час. Тянулся – это самое подходящее слово. Пилот Пиркс сидел в своем кресле, опутанный ремнями, как мумия, только руки и ноги оставались свободны, – и с апатией поглядывал на экраны. Шесть недель они летали парами, соблюдая дистанцию в триста километров, но потом База вернулась к прежней тактике: сектор был пуст, абсолютно пуст, и даже одной патрульной ракеты было для него чересчур много; но нельзя же оставлять «дыру» на звездных картах, так что полеты, теперь уже одиночные, продолжались. Пиркс стартовал восемнадцатым, считая с отмены парных полетов.

За неимением лучших занятий он размышлял о том, что же все-таки случилось с Томасом и Уилмером. На Базе о них теперь почти и не вспоминали, но в патрульном рейсе человек достаточно одинок, чтобы позволить себе даже самые бесплодные размышления. Пиркс летал уже почти три года (два года четыре месяца, если быть совершенно точным) и считал себя старым волком. Космическая скука прямо-таки изводила его, хотя он вовсе не был склонен к позерству.

Патрульный полет сравнивали, не без оснований, с ожиданием в приемной дантиста – с той только разницей, что дантист не приходил. Звезды, понятно, не двигались. Земли не было видно совсем, или, если уж очень повезет, она появлялась на экране в виде крохотного обрезка посиневшего ногтя, да и то лишь в первые два часа полета, а потом становилась звездой, похожей на остальные, только постепенно перемещавшейся. На Солнце, как известно, смотреть вообще нельзя. В этих условиях китайские головоломки и карманные игры становились делом первостепенной важности. Однако обязанностью пилота было висеть в коконе из предохранительных ремней, следить за обычными экранами и экраном радара, время от времени докладывать Базе, что ничего не случилось, проверять индикаторы холостого хода реактора; иногда – но это уж крайне редко – из патрулируемого сектора приходила просьба о помощи или даже сигнал SOS, и тогда надо было гнать во весь дух; но такая удача выпадала не чаще одного-двух раз в год.

Если во все это хорошенько вдуматься, станет ясно, что даже самые невероятные мысли и фантазии пилотов, прямо-таки преступные с точки зрения Земли и обычных пассажиров ракет, были в высшей степени человеческими. Когда вокруг тебя полтора триллиона кубических километров пустоты, в которой не найдешь даже щепотки папиросного пепла, желание, чтобы хоть что-нибудь произошло, пусть даже это будет ужасная катастрофа, превращается в настоящую манию. За свои сто семьдесят два патрульных рейса пилот Пиркс прошел через разные стадии: делался сонным, мрачнел, чувствовал себя стариком, впадал в чудачества, был близок к мысли о каком-нибудь, отнюдь не тихом умопомешательстве и, наконец, начал, почти как в курсантские годы, выдумывать всякие истории, нередко настолько замысловатые, что для их завершения не хватало и целого рейса. И все-таки продолжал скучать.

Забираясь в лабиринт своих одиноких раздумий, Пиркс хорошо понимал, что ничего он, конечно, не выдумает и тайна исчезновения двух его товарищей останется неразгаданной: разве не бились над ней, который уж месяц, лучшие эксперты Базы и Института – известно, с каким результатом! Конечно, лучше было бы пустить в ход волка и трех поросят: занятие, быть может, столь же бесплодное, но более невинное, это уж точно. Однако двигатели молчали, и включать их не было ни малейшего повода, ракета мчалась по отрезку невероятно вытянутого эллипса, так что поросятам приходилось ждать лучшей поры.

Итак: что же случилось с Томасом и Уилмером?

Профан, мыслящий прозаически, начал бы с предположения, что их ракеты с чем-то столкнулись, скажем, с метеоритом или скоплением космической пыли, с остатками кометного ядра или хотя бы с обломком старой ракеты. Однако вероятность такого события просто ничтожна – куда легче наткнуться на крупный бриллиант, лежащий посреди оживленной улицы.

Со скуки – только со скуки – Пиркс начал подбрасывать Вычислителю цифры, составлять уравнения, подсчитывать вероятность столкновений, – пока не получилась такая цифра, что Вычислителю пришлось срезать восемнадцать последних знаков, чтобы она поместилась в его окошках.

Впрочем, пустота была и *вправду* пуста. Ни остатков старых комет, ни скоплений космической пыли – ничего. Корпус старой ракеты, конечно, мог сюда залететь – чисто теоретически, как и в любую другую точку космоса, – через невообразимо большое количество лет. Но Томас и Уилмер заметили бы его издалека, самое малое за 250 километров, а если бы он выскочил прямо из-за Солнца, метеоритный радар поднял бы тревогу не меньше чем за тридцать секунд до столкновения; а если бы пилот прозевал сигнал тревоги – скажем, задремав, – то маневр расхождения был бы выполнен автоматически. Допустим даже, что автомат отказал; такое чудо могло случиться раз – но не дважды на протяжении считанных дней. Вот такие примерно гипотезы предложил бы профан, которому невдомек, что пилота подстерегает уйма опасностей посерьезнее встречи с метеоритом или трухлявым кометным ядром. Ракета, даже такая маленькая, как АМУ, состоит почти из ста четырнадцати тысяч жизненно важных деталей – жизненно важных, то есть таких, выход которых из строя ведет к катастрофе. Потому что менее важных деталей в ней миллион с лишним. Но если такая беда и случится, ракета после смерти пилота не разлетится бесследно и никуда не исчезнет, – по старому присловию пилотов, в пустоте ничего не пропадает, и, если ты оставил там портсигар, достаточно рассчитать элементы его траектории, а потом явиться на то же место в надлежащее время, и портсигар с астрономической точностью, секунда в секунду, влетит тебе прямо в руки. В пространстве каждое тело бесконечно кружит по своей орбите, и корпуса ракет, потерпевших аварию, почти всегда рано или поздно отыскиваются. Большие Вычислители Института вычертили свыше сорока миллионов орбит, по которым могли двигаться ракеты пропавших пилотов, и все они были проверены, то есть прозондированы узконаправленными лучами самых мощных радарных систем, какими располагает Земля. С известным уже результатом.

Это не значит, конечно, что прозондировали всю Солнечную систему. В ее безмерности ракета невообразимо мала – гораздо меньше, чем атом по сравнению с земным шаром; но искали повсюду, где ракеты могли находиться, при условии, что пилоты не покинули свои сектора с максимальной скоростью. Но с чего бы им убегать из своих секторов? Ведь они не получали никаких сигналов, никаких вызовов, и случиться с ними ничего не могло – это было доказано.

Получалось, что Уилмер и Томас вместе со своими ракетами испарились, как капли воды, упавшие на раскаленную плиту, – или же, что...

Профан с воображением, в отличие от прозаического профана, объяснил бы таинственное исчезновение происками таящихся в пространстве чужезвездных существ, столь же высококоразвитых, сколь и злокозненных.

Но астронавтика развивалась не первый год, и в этих существ уже мало кто верил, раз во всем исследованном космосе их не нашли. Число анекдотов о «существах», пожалуй, превысило количество кубических километров в Солнечной системе, и за исключением зеленых новичков, которые пока что летали лишь в кресле, подвешенном к потолку лабораторного зала, никто не дал бы за их существование даже клочка старой бумаги. Возможно, жители отдаленных звезд существуют – но только очень уж отдаленных.

Несколько примитивных моллюскообразных, несколько видов лишайников, бактерий, водорослей, инфузорий, неизвестных на Земле, – вот, собственно, весь улов экспедиций за долгие годы. Впрочем, допустим даже, что эти создания существуют, – неужели им больше нечего делать, кроме как подстергать крохотные патрульные корабли в невероятно, безнадежно пустом уголке пространства? Да и как они ухитрились бы подкрасться к ним незамеченными?

Вопросов, превращавших эту гипотезу в сплошную, гигантскую несообразность, было много, так много, что игра окончательно теряла смысл. И хотя на девятом часу полета Пиркс не остановился бы перед самыми замысловатыми допущениями, все же ввиду этих непреложных, отрезвляющих истин ему приходилось совершать насилие над собой, чтобы хоть на минуту поверить в демонических пришельцев со звезд.

Несмотря на невесомость, он уставал сидеть в одном положении и время от времени менял наклон кресла, к которому был пристегнут; потом поочередно посматривал направо и налево, причем, как ни странно, вовсе не видел трехсот одиннадцати индикаторов, контрольных лампочек, пульсирующих экранов и циферблатов, – ведь мы не вглядываемся в черты лица, знакомого так хорошо и так давно, что вовсе не нужно изучать изгиб его рта, рисунок бровей или расположение морщинок на лбу, чтобы знать, что оно выражает. Циферблаты и контрольные лампочки сливались для Пиркса в единое целое, которое говорило ему, что все в порядке. Глядя же прямо перед собой, он видел оба передних звездных экрана, а между ними – свое собственное лицо, окаймленное утолщенным по сторонам, закрывающим часть лба и подбородка, желтым шлемом.

Между звездными экранами располагалось зеркало, не слишком большое и размещенное так, что пилот видел в нем только себя – и ничего больше. Неизвестно было, почему и зачем оно там. То есть, конечно, это было известно, но мудреные доводы в пользу такого решения мало кого убеждали. Придумали их психологи. Мол, как ни странно это звучит, но человек, особенно если он долго находится в одиночестве, временами теряет контроль над своим сознанием и своими эмоциями и ни с того ни с сего может впасть в гипнотическое оцепенение, даже сон без сновидений, с открытыми глазами, и не всегда способен очнуться вовремя. А некоторые оказываются во власти неизвестно откуда взявшихся галлюцинаций, маниакальных страхов или внезапного возбуждения, и, дескать, лучшее средство против всего этого – контроль за собственным лицом. Правда, целыми сутками видеть собственную физиономию, словно впечатанную в стену, и волей-неволей следить за всеми ее ужимками – занятие не слишком приятное. Об этом мало кто знает, кроме пилотов патрульных ракет. Начинается все невинно: ты состроишь какую-нибудь гримасу, чуть скривишься или улыбнешься собственному отражению, а потом уже идут одна за другой гримасы все более дикие; так всегда бывает, когда ситуация столь неестественная затягивается дольше, чем в силах выдержать человек.

К счастью, Пиркса, в отличие от некоторых его товарищей, собственное лицо заботило мало. Понятно, никто этого не проверял – да и как проверишь? – но, по слухам, иные в приступе скуки или какого-то уж совершенно немислимого отупения вытворяли такое, о чем тяжело рассказывать, – к примеру, плевали в собственное отражение, а потом, устыдившись, были вынуждены делать строжайше запрещенные вещи – отстегивать ремни, вставать и в невесомости идти, вернее плыть, к зеркалу, чтобы успеть его очистить перед посадкой. Утверждали даже, будто Вюрц, который врезался на тридцать три метра в глубь бетонной плиты, слишком поздно спохватился, что надо вытереть зеркало, и занялся этим, когда корабль уже входил в атмосферу.

Пилот Пиркс никогда ничего такого не делал и, что важнее, не ощущал ни малейшей охоты плюнуть в зеркало, – а борьба с этим искушением кое-кого, говорят, доводила чуть ли не до помешательства; смеяться над этим мог лишь тот, кто ни разу не патрулировал в одиночку. Пиркс всегда, даже если его изводила жесточайшая скука, умел отыскать для себя нечто устой-

чивое и на этот стержень наматывал все остальные, сбивчивые и неясные мысли и чувства, словно запутанную, бесконечную нить.

Циферблат – самый обычный, часовой – показывал одиннадцать ночи. Через тринадцать минут ракете предстояло достигнуть самой удаленной от Солнца точки своей орбиты. Пиркс несколько раз кашлянул, проверяя микрофон, зачем-то предложил Вычислителю извлечь корень четвертой степени из 8 769 983 410 567 396, даже не посмотрел на результат, который Вычислитель выдал с величайшей поспешностью, перемалывая в своих окошечках цифирки и нервно их перетряхивая, словно от этого результата зависело бог знает что; подумал, что после посадки сперва выбросит через люк перчатки – просто так, потом закурит и пойдет в столовую, где сразу закажет что-нибудь жареное, острое, с красным перцем и еще кружку пива – он любил пиво, – и тут он увидел светлое пятнышко.

Он смотрел на левый передний экран вроде бы невидящим взглядом и всеми мыслями был уже в столовой, он даже чувствовал запах хорошо поджаренной картошки – ее готовили специально для него, – и все же, едва этот светлячок всплыл в середину экрана, он весь так напрягся, что взлетел бы под потолок, если бы не ремни.

Экран – имевший около метра в диаметре – выглядел как черный колодец. Почти точно в центре светилась Ро Змееносца, Млечный Путь двойной полосой рассекало темное, тянувшееся почти до самого края зияние пустоты, а по обе стороны от него искрился рассыпанный порошок звезд. В эту неподвижную картину размеренно всплыла светлая точка, маленькая, но гораздо более заметная, чем любая звезда. Не то чтобы она светила особенно ярко – нет, Пиркс заметил ее сразу потому, что она двигалась.

В пространстве встречаются движущиеся светлые точки. Это позиционные огни ракет. Обычно они выключены, и зажигают их лишь по радиовызову, для опознания. Позиционные огни у ракет разные – у пассажирских одни, у грузовых другие; свои огни у быстрых баллистических, у патрульных, у ракет космической службы, заправщиков и так далее. Расположение и цвет огней совершенно различны, не бывает огней одного только цвета – белого. Белого цвета нет, чтобы всегда можно было отличить ракету от звезд. Ведь если одна ракета летит точно вслед другой, ее пилоту белый позиционный огонь покажется неподвижным, и он будет введен в заблуждение. А этого следует избегать.

Но светлячок, лениво всплывший в экран, был совершенно белым – Пиркс почувствовал, что глаза у него мало-помалу лезут на лоб. Он даже не моргал, так боялся потерять его из виду. И только почувствовав жжение в глазах, моргнул, но все осталось как было. Белая точка спокойно перемещалась по экрану, до противоположного края ей оставалось всего сантиметров пятнадцать. Еще минута – и она уйдет за экран.

Руки пилота Пиркса сами, без помощи зрения, отыскивали нужные рукоятки. Реактор, работавший на холостом ходу, мгновенно пробудился, и ракету швырнуло вперед. Пиркса вдавило в губчатое кресло, звезды в экранах сдвинулись с мест. Млечный Путь стекал наискось вниз, словно был и вправду из молока, зато светлячок замер: нос ракеты шел точно за ним, был нацелен на него, как нос гончей – на затаившуюся в кустах куропатку. Вот что значит сноровка!

Весь маневр не занял и десяти секунд.

За все это время Пиркс еще ничего не успел подумать, и лишь теперь его осенила мысль, что это, должно быть, галлюцинация – такого ведь не бывает. Эта мысль делала ему честь. Обычно люди слишком доверяют собственным чувствам и, встретив на улице умершего знакомого, скорее готовы поверить в его воскресение, чем в то, что сами они повредились в уме.

Пилот Пиркс сунул руку в кармашек, устроенный в обшивке кресла, достал оттуда флакончик, вставил в обе ноздри выходявшие из горлышка стеклянные трубочки и потянул носом, так что слезы выступили на глазах. Психран, говорят, прерывал даже каталептическое состояние йогов и явление ангелов Господних. Однако светлячок по-прежнему плыл в середине левого экрана. Сделав, что полагалось, Пиркс сунул флакончик на прежнее место, слегка сма-

неврировал рулями и, убедившись, что идет за светлячком сходящимся курсом, взглянул на радар, чтобы оценить расстояние до движущегося объекта.

И это было вторым потрясением: экран метеорадара был пуст; поисковый луч яркой, фосфоресцирующей полоской кружил и кружил по экрану, не регистрируя никакого свечения – решительно никакого.

Пилот Пиркс, разумеется, не подумал, будто перед ним дух в светящемся ореоле. В духов он вообще не верил, хотя, бывало, рассказывал о них знакомым женского пола, но к спиритизму это отношения не имело.

Пиркс просто решил, что то, за чем он летит, не является природным космическим телом: такие тела *всегда* отражают пучок радарных лучей. Только искусственные тела, снабженные особым покрытием, которое поглощает, гасит и рассеивает сантиметровое излучение, не дают радиоэха.

Пилот Пиркс откашлялся и размеренно произнес, чувствуя, как мышцы гортани мягко нажимают на ларингофон:

– АМУ-111 Патрульной Службы вызывает объект, летящий в секторе тысяча сто два запятая два, приблизительным курсом на сектор тысяча четыреста четыре, с одним белым позиционным огнем. Сообщите свои позывные. Сообщите свои позывные. Прием.

И стал ждать, что будет дальше.

Проходили секунды, минуты – ответа не было. Зато пилот Пиркс заметил, что светлячок бледнеет, – а значит, удаляется от него. Радарный дальномер был бесполезен, но на крайний случай оставался оптический. Пиркс выдвинул ногу далеко вперед и нажал на педаль. Дальномер съехал сверху – он походил на бинокль. Левой рукой Пиркс приставил его к глазам и стал наводить на резкость.

Пятнышко он поймал почти сразу – и разглядел еще кое-что. В объективе оно выросло до размеров горошины, видимой метров с пяти, то есть, учитывая масштаб расстояний, было просто громадным. Вдобавок по его круглой, но словно бы несколько сплюснутой поверхности медленно проплывали – справа налево – еле заметные потемнения, будто кто-то водил толстым черным волосом перед самым объективом. Потемнения были мглистые, неотчетливые, но направление их движения не менялось – только справа налево.

Пиркс принялся крутить регулятор фокусировки, однако пятнышко упорно не желало попадать точно в фокус; тогда при помощи второй призмы, специально для этого предназначенной, он рассек изображение надвое и начал сдвигать разъединенные половинки; когда же это ему удалось, взглянул на шкалу – и остолбенел в третий раз.

Светящийся объект летел в четырех километрах от него!

Как если бы кто-то, выжимая полную скорость на гоночной машине, очутился в пяти миллиметрах от другой машины – четырехкилометровое сближение в пространстве столь же опасно и недопустимо.

Пирксу оставалось сделать уже немного. Датчик наружной термопары он нацелил на светлячок, ручкой дистанционного управления перемещал визир до тех пор, пока тот не совпал с молочно светящейся точкой, и краешком глаза уловил результат: 24 градуса по Кельвину. Стало быть, светлячок имел температуру окружающего пространства – всего на 24 градуса выше абсолютного нуля.

Теперь он, собственно, был совершенно уверен, что это пятнышко не может ни существовать, ни светиться, ни тем более двигаться; но так как оно по-прежнему плыло перед самым его носом, Пиркс продолжал лететь за ним вслед. Светлячок тускнел все заметнее и все быстрее. Минуту спустя Пиркс убедился, что до него уже сто километров, – и прибавил скорость.

И тут случилось, пожалуй, самое удивительное.

Сначала светлячок позволял себя догонять – до него было 80, 70, 50, 30 километров, – а потом снова ушел вперед. Пиркс увеличил скорость до 75 километров в секунду. Светлячок –

до 76. Пиркс снова прибавил тягу – но теперь уже всерьез. Он дал половинную мощность дюз, и ракету швырнуло вперед. Тройная перегрузка вдавила его в подушки кресла. АМУ обладал небольшой массой покоя и разогнался в темпе гоночного автомобиля. Через минуту он давал уже 140.

Светлячок – 140,5.

Пилот Пиркс почувствовал, что ему становится жарко. Он дал полную мощность. АМУ-111 весь запел, как натянутая струна. Указатель скорости ракеты относительно неподвижных звезд быстро полз вверх: 155-168-177-190-200.

При двухстах Пиркс посмотрел в дальномер – выдающееся достижение, достойное десятиборца, ведь ускорение доходило до 4g.

Светлячок все отчетливее приближался, рос – сперва он был в двух десятках, потом в десяти, наконец, в шести километрах; минута, и вот он уже в трех. Теперь он был много крупнее – словно горошина, видимая на расстоянии вытянутой руки. Мглистые потемнения проплывали по его диску. По яркости он не уступал звездам второй величины, но это был именно диск, а не точка.

АМУ-111 выкладывался до конца. Пиркс им гордился. В маленькой кабине ничто не дрогнуло даже при скачке на полную мощность – вибрации ни следа. Тяга шла точно по оси, шлифовка дюз идеальная, реактор тянул как зверь.

Светлячок приближался – но теперь очень медленно. Он уже был в двух километрах, когда Пиркс принялся лихорадочно размышлять.

Уж очень странно все это выглядело. Светлячок не принадлежал никакому земному кораблю. Космические пираты? Просто смешно. Их нет и в помине, да и что им делать в секторе, который еще более пуст, чем старая бочка? Светлячок двигался очень быстро, свободно менял скорость, разогнался и тормозил одинаково резко. Когда хотел – убегал от ракеты, а теперь понемногу позволял себя догонять. И это не нравилось Пирксу больше всего. Именно так ведет себя... приманка. Скажем, червяк перед носом у рыбы.

И конечно, сразу же мелькнула мысль о крючке.

«Ну, погоди у меня», – подумал Пиркс и внезапно так тормознул, будто перед ним выскочил по меньшей мере астероид, хотя радар был по-прежнему пуст, а на экранах ничего не менялось. Он инстинктивно втянул голову в плечи и плотно прижал подбородок к груди, чувствуя, как автомат стремительно наполняет комбинезон дополнительной порцией сжатого кислорода, чтобы ослабить шок торможения, – и все же на какое-то время его сознание помутилось.

Стрелка гравиметра прыгнула на минус 7, завибрировала и медленно сползла на минус 4. АМУ-111 сразу сбросил почти треть скорости – он делал теперь 145 километров в секунду.

А где светлячок? Уж не пропал ли? – встревожился Пиркс. Нет, вот он. Но далековато. По оптическому дальномеру – в 240 километрах. АМУ пролетал больше за две секунды. Значит, сразу же после его маневра светлячок резко сбавил скорость!

Вот тогда-то – позже он сам удивлялся, что только тогда, – ему пришло в голову, что это, должно быть, и есть то загадочное *нечто*, которое встретили Томас и Уилмер.

До этой минуты он вообще не думал об опасности. А теперь вдруг его охватил страх. Впрочем, совсем ненадолго. Конечно, такого просто не может быть – ну а *если* это все-таки огни чужого, инопланетного корабля? Пятнышко явно к нему приближалось, снижало скорость, теперь оно было уже в 60-50-30 километрах, он сам чуть прибавил и поразился тому, как моментально оно выросло, – оно висело у него на носу, в двух километрах, было опять совсем рядом!

Еще в одном кармашке кресла лежал бинокль – ночной, двадцатичетырехкратный; использовали его очень редко: если, скажем, радар отказал, а надо подойти к планетному спутнику с теневой стороны. Но теперь бинокль очень помог. При таком увеличении он видел пятнышко все равно что в неполных ста метрах: это был небольшой диск, меньше, чем видимая

с Земли Луна, белый как молоко, но молоко разбавленное. По диску проплывали вертикальные полосы потемнений. Когда пятнышко напозало на звезды, те исчезали не сразу, а чуть погодя, словно самый краешек диска был несколько более разрежен и прозрачен, чем середина.

Но вокруг молочного пятнышка ничто не заслоняло звезд. При таком увеличении он разглядел бы ракету величиной со шкаф. Но там ничего не было. Никакой ракеты. Это не был чей-то позиционный или выхлопной огонь. Наверняка нет.

Просто – обособленный, белый, летающий светлячок.

Можно было с ума сойти.

Ему страшно захотелось выстрелить в молочное пятнышко. Это не так уже просто – на АМУ-111 нет никакого оружия. Уставом не предусмотрено его применение. В кабине имелось лишь два объекта, пригодных для выстреливания: он сам и шар-зонд. Патрульные ракеты устроены так, что пилот может катапультироваться в герметической капсуле с помощью ленточного выбрасывателя. Делается это лишь в крайнем случае, и, конечно, катапультировавшись, обратно вернуться уже нельзя. Значит, оставался шар-зонд. Это очень простое устройство – резиновый тонкостенный баллон, пустой, свернутый так плотно, что похож на копье, с алюминиевым покрытием, чтобы лучше был виден. Не всегда можно доверять показаниям аэродинамометра, и если надо узнать, вошел ли корабль в атмосферу и нет ли разреженного газа прямо по курсу, то пилот выстреливает зонд, а тот, надувшись автоматически, мчится, чуть обгоняя ракету. Он виден как светлое пятнышко даже в пяти-шести километрах. Попадая в газовую среду, пусть очень разреженную, шар от трения разогревается и лопаается; значит, пора начинать торможение.

Пиркс попытался нацелить нос ракеты точно в маленький мглистый диск. Вместо радара он воспользовался оптическим визиром. Попасть в столь малый предмет почти с двухкилометровой дистанции необычайно трудно. Он все же попробовал – но оказалось, что светлячок не желает становиться мишенью. Едва лишь Пиркс, осторожно маневрируя рулевыми дюзами, начал перемещать нос АМУ, как маленький диск спокойно уходил чуть в сторону и снова мчался впереди – в центре левого звездного экрана. Диск выполнил этот маневр четырежды, всякий раз немного быстрее, словно все лучше разбирался в намерениях Пиркса. Он не желал, чтобы нос АМУ был нацелен точно в него, и летел с незначительным боковым отклонением.

Это было невероятно. Чтобы с расстояния в два километра заметить микроскопическое движение носа ракеты, надо располагать каким-то гигантским телескопом – которого не было и следа. Тем не менее диск выполнял маневр уклонения с опозданием максимум в полсекунды.

Его тревога росла. Он уже сделал все возможное, чтобы опознать этот необыкновенный летающий объект, но не продвинулся ни на шаг. И, сидя неподвижно, с руками, постепенно немеющими на рукоятках, вдруг подумал: то же самое, должно быть, случилось и с теми. Они увидели светлячок; пытались узнать его позывные, приняв его за какой-то корабль; не дождавшись ответа, погнались за ним, набирая скорость; должно быть, тоже разглядывали его в бинокль и заметили пробегающие по диску полосы, – возможно, даже стреляли по нему зондами, а потом... сделали что-то такое, из-за чего уже не вернулись.

При мысли, как близок он сам к тому, чтобы повторить их участь, его охватил даже не страх, а отчаяние. Точь-в-точь как в кошмарном сне – кто он, Пиркс или Уилмер? – а может, Томас? Потому что тогда все было, как и теперь, в этом он больше не сомневался. Он сидел точно в ступоре, совершенно уверенный, что спасения нет. И, что самое страшное, даже не мог представить себе, какая именно опасность ему угрожает – в совершенно пустом пространстве...

Пустом?

Да, сектор был пуст, но ведь он гнался за светлячком больше часа, достигая 230 километров в секунду! Вероятно – нет, даже наверное, – он уже на самой границе сектора, а то и за ней. Что там дальше? Следующий сектор – 1009, еще полтора триллиона километров пустоты.

Пустота, на миллионы километров кругом одна пустота – а в двух километрах перед носом ракеты пританцовывало белое пятнышко.

Что могли сделать теперь – именно теперь – Уилмер и Томас? Да, Уилмер и Томас. Потому что он – он должен сделать что-то совершенно другое. Иначе он не вернется.

Он еще раз нажал на тормоз. Стрелка вибрировала. Скорость снижалась. 30, 22, 13, 5 километров в секунду. Вот уже только 0,9. Наконец лишь несколько сотен метров в секунду – стрелка легонько подрагивала возле нуля. С точки зрения устава он остановился. В пустоте всегда имеешь какую-то скорость – относительно чего-нибудь. Стоять, как столб, врытый в землю, невозможно.

Светлячок уменьшался. Уходил все дальше и дальше – все тускнел и тускнел, – потом перестал уменьшаться. И начал расти – увеличивался опять, пока не остановился, как и он. В двух километрах от носа ракеты.

Чего не сделали бы Уилмер и Томас? Чего они *наверняка* бы не сделали? Они не стали бы убежать от какого-то маленького, паршивого, дурацкого светлячка, от глупого молочного пятнышка!

Он не хотел разворачиваться: развернувшись, он потерял бы из виду пятнышко, оставил бы его за кормой, а то, что там происходит, видеть труднее – нужно выворачивать голову к боковому экрану. Впрочем, он не хотел оставлять его за кормой. Он хотел видеть его как следует и непрерывно. И поэтому дал задний ход, используя тормозные дюзы для ускорения. Пилот должен это уметь – это относится к простейшему пилотажу. Ускорение: минус lg , минус 1,6, минус 2... Ракета шла не так идеально, как на обычной тяге. Нос немного рыскал на курсе – все же тормозные дюзы предназначены для замедления, а не для разгона.

Пятнышко как будто заколебалось. Еще несколько секунд оно шло на убыль, закрыло собой Альфу Эридана, сползло с нее, потанцевывало между маленькими безымянными звездами – и, наконец, потянулось за Пирксом.

Оно не желало от него отвязаться.

«Спокойно, только спокойно, – сказал он себе. – В конце концов, что оно может мне сделать? Подумаешь – маленькое, светящееся дерьмо. Мне-то что до всего этого? Мое дело патрулировать сектор. Да пошло оно к чертовой матери».

Говоря себе это, он, конечно, ни на миг не отрывался от пятнышка. С той минуты, как он его заметил, прошло почти два часа. Временами глаза начинало жечь, и они немного слезились. Он таранил их изо всех сил и по-прежнему летел задним ходом. Пятясь, особенно быстро не полетишь. Тормозные дюзы не рассчитаны на непрерывное действие. Он летел на восьми километрах в секунду и обливался потом.

Что-то было не так с его шеей – словно кожу на горле щипчиками оттягивали вниз, к грудной клетке... и сухость во рту. Он не обращал на это внимания, у него были дела поважнее, чем пересохший рот и оттянутая кожа на шее. Несколько раз он впадал в какое-то странное состояние – не чувствовал собственных рук. Ноги он чувствовал. Правая выжимала тормозную педаль.

Не отрывая глаз от светлячка, попробовал пошевелить руками. Пятнышко подходило как будто ближе – до него оставалось 1,9, даже 1,8 километра. Выходит, догоняло его?

Он попробовал поднять руку – и не смог. Вторую... – даже не то что не смог, он просто не чувствовал рук, словно их не было вовсе. Попытался взглянуть на них – шея не слушалась. Она была жесткой, твердой, как дерево.

Его охватила паника. Почему он до сих пор не сделал того, что было его неукоснительным долгом? Почему, заметив пятнышко, не вызвал немедленно Базу и не доложил о нем?

Потому что стыдился. Уилмер и Томас, наверное, тоже. Можно представить себе, какой хохот поднялся бы в радиорубке. Светлячок! Белый светлячок, который сперва удирает от

ракеты, а потом за ней гонится! Вот уж действительно! Да ты ущипни себя и проснись, ответили бы ему.

Теперь ему было все равно. Он еще раз взглянул на экран и сказал:

– АМУ-111 Патрульной Службы вызывает Базу...

То есть хотел сказать. Но не смог. Вместо голоса – какое-то невнятное бормотание. Он напряг все силы – изо рта вырвался рев. Тогда-то – только тогда – его взгляд соскользнул с экрана и упал на зеркало. Перед ним, в кресле пилота, в круглом желтом шлеме сидело чудовище.

У чудовища были огромные, набрякшие, выпученные глаза, полные смертельного ужаса, лягушачий рот, растянутый и как будто разорванный по уголкам – между губами болтался темный язык. Вместо шеи – какие-то струны, непрерывно дрожавшие, нижняя челюсть утопала в них; и это страшилище с серым, стремительно распухшим лицом ревел.

Он пытался закрыть глаза – и не мог. Хотел опять посмотреть на экран – не мог. Чудовище, прикованное к креслу, содрогалось все яростнее, словно пробуя разорвать ремни. Пиркс смотрел на него, и это было все, что он мог еще сделать. Сам он не чувствовал ничего, никаких конвульсий. Чувствовал только, что задыхается – не может вдохнуть.

Где-то совсем рядом он слышал нестерпимый скрежет зубов. Он уже окончательно перестал быть Пирксом, ничего не помнил, не было у него ни тела, ни рук – только нога, выжимавшая тормоз. Да еще зрение, мутневшее все сильнее. Перед глазами роились маленькие белые пятнышки. Он пошевелил ногой. Нога тоже подрагивала. Он поднял ее. Чудовище в зеркале было пепельно-серым – пена стекала с губ. Глаза совершенно вылезли из орбит. Оно билось в конвульсиях.

Тогда он сделал последнее, что еще мог. Выбросил ногу вверх и что было сил ударил себя коленом в лицо. Ужасная, сверлящая боль в разбитых губах, кровь брызнула на подбородок, он ослеп.

– А-а-а-а... – стонал он. – А-а-а-а...

Это был его голос.

Боль куда-то пропала, он опять ничего не чувствовал. Что это? Где он? Его не было нигде. Не было ничего...

Он долбил, уродовал коленом лицо, визжа как помешанный, – но рев прекратился. Он услышал свой собственный, рыдающий, захлебывающийся кровью крик.

У него уже были руки. Они были как деревянные и при малейшем движении болели так нестерпимо, точно полопались все сухожилия, – но он мог ими двигать. На ощупь, онемевшими пальцами, начал отстегивать ремни. Ухватился за подлокотники. Встал. Ноги тряслись, все тело словно было разбито молотом. Цепляясь за тросик, протянутый наискось через кабину, подошел к зеркалу. Обеими руками оперся о раму.

В зеркале стоял пилот Пиркс.

Он уже не был серым – лицо было все в крови, с разбитым, распухшим носом. Кровь текла из рассеченных губ. Щеки были фиолетово-синие, набрякшие, под глазами – черные мешки, на шее, под кожей, все еще что-то подрагивало, но слабей и слабей, – и это был он, Пиркс. Он долго вытирал кровь с подбородка, сплевывал, откашливался, делал глубокие вдохи, слабый, как ребенок.

Он отступил на шаг. Взглянул на экран. Корабль по-прежнему летел задним ходом – уже без тяги. Лишь по инерции. Белый маленький диск плыл за ним, в двух километрах от носа ракеты.

Держась за тросик, он подошел к креслу. Думать он вообще не мог. Руки начали трястись лишь теперь, но это было следствие шока, – это он знал, этого он не боялся. Что-то изменилось возле самого кресла...

Крышка кассеты автоматического передатчика была вдавлена внутрь. Он толкнул ее – крышка упала. Внутри – настоящее крошево. Как это случилось? Должно быть, он сам ударил ногой по кассете. Когда?

Он сел в кресло, включил рулевые дюзы, вошел в поворот.

Маленький белый диск дрогнул, поплыл по экрану, дошел до самого края – и, вместо того чтобы исчезнуть, отскочил как мячик! Вернулся в центр!

– Ну, гнида! – крикнул он с ненавистью и омерзением.

И из-за этой дряни он сам чуть было не перешел на «стационарную орбиту»! Ведь если при повороте светлячок не уходит за край экрана, значит, его вообще нет, – значит, его порождает экран. Ведь экран – не окно, в ракете нет никаких окон. Есть телевизионное устройство; там, снаружи, под бронезащитой, находятся объективы, а в самой ракете – аппаратура, преобразующая электрические импульсы в изображение на катодном экране. Выходит, испортилась? Таким странным образом? А у Томаса с Уилмером – тоже? Как это было возможно? И... что с ними стало потом?

Но сейчас у него были другие заботы. Он включил аварийный передатчик.

– АМУ-111 Патрульной Службы вызывает Базу. АМУ-111 Патрульной Службы вызывает Базу. Нахожусь на границе секторов 1009 и 1010, экваториальная зона, обнаружил аварию, возвращаюсь...

Когда шесть часов спустя Пиркс приземлился, начались дотошные исследования, занявшие целый месяц. Сперва специалисты взялись за телевизионную аппаратуру. Аппаратура была новая, усовершенствованная – на всех АМУ Патрульной Службы стояла такая. Установили ее год назад, и работала она превосходно. Ни одной неисправности за все это время.

После долгих мучений электронщики наконец установили механизм возникновения светлячка. Через несколько тысяч часов полета вакуум в катодных трубках нарушался: на внутренней поверхности трубки накапливался блуждающий заряд, и на экране возникало молочное пятнышко. Заряд перемещался, подчиняясь довольно сложным закономерностям. Когда ракета рывком набирала скорость, он расплзался вширь, словно распластаваясь на внутреннем стекле экрана, и казалось, будто пятнышко приближается. При включении заднего хода заряд уплывал в глубь трубки, а затем, если ускорение не менялось, постепенно возвращался в середину экрана. Он мог перемещаться по экрану в любом направлении, но охотней всего концентрировался в центре – если ракета шла по стационарной орбите, без тяги. И так далее, и так далее, – исследования заряда затягивались, а его динамика описывалась уже шестизатными формулами. Оказалось также, что более сильные световые импульсы (в пределах трубки – электрические) рассеивают заряд. Он накапливался, только если интенсивность импульсов, принимаемых трубкой, крайне слаба – как это бывает в космической пустоте, вдали от Солнца. Стоило солнечному лучу лишь раз скользнуть по экрану, и заряд на целые часы рассеивался.

К таким примерно выводам пришли электронщики – получилась целая книга, напичканная математикой. Потом за дело взялись врачи, психологи, светила в области астроневрозов и астропсихозов. И после продолжавшихся не одну неделю исследований установили, что блуждающий заряд пульсировал (невооруженному глазу это представлялось мелкими потемнениями, проплывающими по светлomu диску). Частота пульсаций, слишком коротких, чтобы глаз мог воспринимать каждую из них в отдельности, накладывалась на тэта-ритм головного мозга и раскачивала колебания потенциалов коры, – пока не наступал внезапный припадок, схожий с эпилептическим. Этому способствовал полный внешний покой, отсутствие каких-либо раздражителей, кроме световых, и длительное, упорное всматривание в мерцающее пятнышко.

Специалисты, которые все это открыли, конечно, прославились. Каждый электронщик знает сегодня эффект Ледье – Харпера – возникновение блуждающих зарядов в высоком вакууме катодной трубки; а каждый астробиолог – атаксическо-кататоническо-клонический синдром Нугтельхеймера. Особа Пиркса осталась неведомой миру науки. И только очень внима-

тельные читатели некоторых вечерних газет узнали из набранных петитом заметок, что лишь благодаря ему судьба Томаса и Уилмера, которые, разогнав до предела свои корабли в погоне за светлячком, затерялись в беспредельности космоса, больше ни одному пилоту не угрожает.

Так слава обошла Пиркса стороной, но он этим вовсе не огорчился. И даже искусственный зуб, вместо выбитого коленом, вставил за собственный счет.

Альбатрос⁴

Обед состоял из шести блюд – не считая закусок. Тележки с вином бесшумно двигались по стеклянным дорожкам. Высоко вверху над каждым столом горела лампа. Черепаховый суп подавали при лимонном свете. Рыбу – при бело-голубоватом. Цыплят залил румянец с мягким оттенком серого шелка. За черным кофе, к счастью, не сделалось темно – Пиркс был готов к самому худшему. Его утомил этот обед, и он пообещал себе, что отныне будет есть только на нижней палубе, в баре. Царившая здесь торжественность была не по нем. Все время думать о локтях. Вдобавок – наряды! В середине зала было углубление, края поднимались – он напоминал гигантскую золотисто-кремовую тарелку, наполненную самыми яркими тартинками на свете. Немнущиеся полупрозрачные платья шуршали за спиной Пиркса. Время здесь проводили великолепно. Наигрывала музыка. Сновали кельнеры – настоящие кельнеры, каждый выглядел как дирижер филармонии. «Трансгалактик» гарантирует: никаких автоматов – интимность, тактичность, искренняя человеческая благожелательность – весь обслуживающий персонал живой. Virtuозы своего дела.

Пиркс пил кофе, курил сигарету и старался найти какой-либо уголок зала, на котором можно было бы остановить взгляд. Спокойный уголок, чтобы отдохнуть. Ему нравилась соседка. На ее декольте чернел плоский шершавый камешек. Не какой-нибудь хризопраз или халцедон. Ничего земного, видно, с Марса: камешек, вероятно, стоил целое состояние – он походил на осколок булыжника. Женщинам нельзя быть такими богатыми.

Пиркс не возмущался. Не удивлялся. Он наблюдал. Постепенно у него возникло желание размяться. Не пройти ли на прогулочную палубу?

Он встал, слегка поклонился и вышел. Проходя между гранеными колоннами, облицованными зеркальной массой, Пиркс увидел собственное отражение – из-под галстука торчала пуговица. Кто еще носит такие галстуки?

Он поправил воротничок уже в коридоре. Вошел в лифт. Поднялся на верхнюю палубу, предназначенную для обозрения. Лифт бесшумно открылся. Здесь не было ни души. Пиркс обрадовался этому. Часть вогнутого потолка над палубой, уставленной шезлонгами, выглядела, словно гигантское черное окно, распахнутое навстречу звездам. Шезлонги с горами пледов были пусты. В одном из крайних лежал кто-то, укрывшись с головой, – чудаковатый старикан, который приходил в салон спустя час после окончания обеда и ел один в пустом зале, закрывая лицо салфеткой всякий раз, когда чувствовал на себе чей-нибудь взгляд.

Пиркс лег. Невидимые жерла климатизаторов направляли на галерею палубы порывистые потоки ветра; казалось, дует прямо из темных глубин неба. Конструкторы, услугами которых пользовался «Трансгалактик», разбирались в деле. Шезлонги были удобные – пожалуй, удобнее, чем кресло пилота, хотя оно и было сконструировано на основе точнейших математических расчетов. Пиркс начал зябнуть. Для этого и нужны пледы. Он укрылся ими, словно нырнул в гору пуха.

Кто-то подымался сюда. По лестнице, не в лифте. Соседка по столику. Сколько ей лет? На ней было совсем другое платье. А может, это вообще другая женщина? Она легла на третьем от него шезлонге. Раскрыла книгу. Ветер шелестел страницами. Пиркс смотрел теперь прямо перед собой. Отлично был виден Южный Крест. Отрезанный оконной рамой, светился клочок Малого Облака Магеллана – светлое пятнышко на черном фоне. Он подумал, что полет будет продолжаться семь дней. За это время может многое случиться. Он умышленно пошевелился. Толстая, сложенная вчетверо бумага закрипела во внутреннем нагрудном кармане. Ему легко жилось на свете – место второго навигатора уже ожидало его, он знал точный маршрут: с

⁴ Albatros, 1959. © Перевод. Т. Агапкина, 1995

Северной земли самолетом до Евразии и далее в Индию. Билеты составляли целую книжечку – ее можно было читать, каждый бланк другого цвета, двойной, отрезные талоны, золотые каемочки – все, что «Трансгалактик» давал пассажирам в руки, прямо истекало серебром или золотом. Дама в третьем шезлонге очень хороша собой. Наверное, это та самая. Следует что-то сказать – или лучше хранить молчание? Ведь он уже как будто представился ей. Это настоящее проклятие иметь такую короткую фамилию – не успеешь рта открыть, чтобы назвать себя, а она уже кончилась. «Пиркс» звучит совсем как «икс». Хуже всего бывает во время телефонных разговоров. Сказать что-нибудь? Но что?

Им снова овладели мучительные сомнения. На Марсе он представлял себе это путешествие совсем иначе. Владельцы ракет с Земли оплатили ему перелет – у них, кажется, были какие-то дела с «Трансгалактиком», во всяком случае, это не было с их стороны красивым жестом. Хоть он и налетал уже почти три миллиарда, ему никогда еще не приходилось бывать на чем-либо, напоминающем «Титан». Зафрахтованные торговые корабли выглядят совсем иначе! Сто восемьдесят тысяч тонн массы покоя, четыре основных реактора, скорость движения 65 километров в секунду, тысяча двести пассажиров только в одноместных и двухместных каютах с ваннами, номера люкс, гарантированная, исключая старт и посадку, постоянная гравитация, высший комфорт, безаварийность, сорок два человека экипажа и двести шестьдесят обслуживающего персонала. Керамит, сталь, золото, палладий, хром, никель, иридий, пластмассы, каррарский мрамор, дуб, красное дерево, серебро, хрусталь. Два бассейна. Четыре кинозала. Восемнадцать станций прямой связи с Землей – в любое время к услугам пассажиров. Концертный зал. Шесть главных палуб – четыре для обозрения Вселенной, автоматические лифты, возможность заказать билет в ракетах всей системы на год вперед. Бары. Залы для игр. Универсальный магазин, квартал ремесленников – точная копия какого-то земного переулочка в старой части города, с винным погребком, газовыми фонарями, луной, глухой стеной и кошками, которые прогуливаются по ней. Оранжерея. И черт его знает что еще. Надо путешествовать месяц, чтобы обойти все это хотя бы один раз.

Соседка продолжала читать. Стоит ли женщинам красить волосы в такой цвет? У нормального человека он вызывает... Но этой, этой такой цвет почти к лицу. Пиркс подумал, что, если бы он держал в руке горящую сигарету, нужные слова сразу бы нашлись. Полез в карман.

Портсигар – у него никогда не было портсигара, этот он получил в подарок от Бомана, на память, и носил в знак дружбы – стал чуть тяжелее. Самую малость. Но в этом он был уверен. Ускорение увеличилось?

Пиркс прислушался. Вон что.

Двигатели работали с большей мощностью. Обычный пассажир совсем бы этого не услышал – машинное отделение «Титана» было отделено от пассажирской части четырьмя изоляционными перегородками.

Пиркс выбрал бледную звездочку в самом углу окна и не сводил с нее глаз. Если они просто увеличивают скорость – звездочка не двинется с места. Но если она дрогнет...

Звездочка дрогнула. Медленно – слишком медленно – поплыла в сторону.

«Поворот в большой оси», – подумал он.

«Титан» летел «космическим туннелем», не встречая на своем пути ни пыли, ни метеоритов, ничего, кроме пустоты. Впереди, на расстоянии тысячи девятисот километров от него мчался лодман «Титана», задачей которого было обеспечивать свободный путь для гиганта. Для чего? На всякий случай, хотя путь и так был свободен. Ракеты точно придерживались расписания движения, «Трансгалактику» был гарантирован полет без помех по указанному отрезку параболы на основе соглашения, заключенного Объединением астронавигационных компаний. Никто не мог занять его трассу. Метеоритные сводки поступали теперь за шесть часов – с той поры, когда тысячи автоматических зондов патрулировали секторы за орбитой Урана, ракетам перестала практически грозить какая-нибудь опасность извне. Пояс – орбита

миллиарда метеоритов между Землей и Марсом – имел собственную патрульную службу, к тому же ракетные трассы проходили вне плоскости эклиптики, в которой вращается вокруг Солнца грохочущий метеоритный пояс. Прогресс – даже с того времени, когда Пиркс летал на патрульной ракете, – был огромный.

У «Титана» не было ни малейшей необходимости лавировать – препятствий не существовало. И все же корабль делал разворот. Теперь Пирксу даже не надо было смотреть на звездное небо – он чувствовал это всем телом. Зная скорость корабля, его массу и быстроту перемещения звезд, он мог при желании высчитать кривизну траектории.

«Что-то случилось, – подумал Пиркс. – Но что?»

Пассажирам ничего не сообщали. Скрывают что-нибудь? Зачем? Пиркс очень слабо разбирался в порядках на пассажирских кораблях класса «люкс». Зато знал, что может случиться в машинном отделении, в рулевой рубке... Это не такое уж большое хозяйство. В случае аварии корабль сохранил бы прежнюю скорость – или уменьшил ее. Однако «Титан»...

Продолжалось это уже четыре минуты. Следовательно, ракета повернула почти на 45 градусов. Любопытно.

Звезды остановились.

Шли прямым курсом. Тяжесть портсигара, который Пиркс все еще держал в руке, возросла.

Шли прямым курсом и увеличивали скорость. Сразу все стало ясно. Секунду Пиркс сидел недвижимо, потом встал. Теперь он весил больше. Дама с серыми глазами взглянула на него.

– Случилось что-нибудь?

– Ничего особенного, сударыня.

– Но что-то изменилось. Вы не чувствуете?

– Пустяки. Немного увеличиваем скорость, – сказал он. Сейчас можно было начать обычный разговор. Он взглянул на нее. Цвет волос не препятствие. Она была очень хороша собой.

Он пошел вперед. Ускорил шаги. Женщина, наверное, подумала, что он спятил. На стенах палубы пестрели разноцветные фрески. Через дверь с надписью «конец палубы – входа нет» он прошел в длинный, пустой, сверкающий металлом коридор. Замелькали ряды дверей с номерами. Он направился дальше. Ориентировался по слуху. Поднялся по ступенькам на полэтажа – и остановился у других дверей. Стальных. «Вход только для звездного персонала» – гласила табличка. Ого! Какие красивые названия придумал этот «Трансгалактик»!

Двери были без ручки, они открывались специальным ключом, которого у него не было. Он поднес палец к носу. Поразмыслил секунду. И выстукал по Морзе:

– Тап – тап – та-та-тап – тап – тап.

Ждал с минуту. Дверь отворилась. Хмурое, покрасневшее лицо показалось в щели.

– Чего вы хотите?

– Я пилот с «Патруля», – сказал он.

Двери открылись шире.

Он вошел. Здесь помещался резервный пульт управления – вдоль одной стены располагалась дублирующая система распределения ракетных двигателей, изменяющих направление. Напротив – экраны оптического контроля. Подле аппаратов стояло несколько кресел, все были пустые. Приземистый автомат контролировал мерцание ламп на пульте. На узком столике у стены стояли в кольцевых зажимах стаканы, опорожненные наполовину. В воздухе стоял аромат свежесваренного кофе и запах нагретых пластикатов, смешанный с едва уловимой примесью озона.

Вторая дверь была приоткрыта. Из-за нее доносился слабый писк умформера.

– SOS? – спросил Пиркс человека, который ему открыл. Это был довольно полный мужчина со слегка припухшей, словно от флюса, щекой. На волосах – след от наушников. Он был в сером на молниях полурасстегнутом мундире «Трансгалактика». Рубашка вылезла из брюк.

– Да.

Мужчина как будто колебался.

– Вы с «Патруля»? – сказал он.

– С базы. Летал два года на «Трансуране». Я навигатор. Моя фамилия Пиркс.

Мужчина подал ему руку.

– Миндель. Нуклеонник.

Не произнося больше ни слова, они прошли в другое помещение. Это была радиорубка прямой связи. Очень просторная. Человек десять окружали главный передатчик. Два радиотелеграфиста в наушниках что-то писали, тихонько жужжа стучали аппараты, под полом попискивало. Контрольные лампы горели на всех стенах. Радиорубка смахивала на междугороднюю телефонную станцию. Телеграфисты почти лежали на своих пюпитрах. На них были только рубашки и брюки. Лица лоснились от пота, один был бледен, другой, постарше, со шрамом на голове, выглядел так, будто ничего не случилось. Дуга наушников разделяла волосы, и шрам был хорошо виден. Два человека сидели чуть поодаль – Пиркс взглянул на них и узнал в одном командора.

Они были немного знакомы. Командор «Титана» – невысокий седоватый, с маленьким, ничего не говорящим лицом. Положив ногу на ногу, он, казалось, рассматривал носок собственного ботинка.

Пиркс бесшумно приблизился к людям, стоявшим подле телеграфистов, наклонился и стал читать, заглядывая через плечо того, со шрамом: «...шесть восемнадцать запятая три иду полным ходом дойду восемь ноль двенадцать точка Конец».

Телеграфист придвинул левой рукой бланк и продолжил запись.

«Луна Главная Альбатросу четыре Марс – Луна точка Имеете ли повреждения точка Отвечайте Морзе радифон не доходит точка Сколько часов можете держаться на аварийной тяге точка Пеленгованный дрейф ноль шесть запятая двадцать один точка Прием».

«Порыв два Марс – Луна Луне Главной точка Иду полным ходом к Альбатросу сектор 64 точка У меня перегрет реактор точка Несмотря на это иду дальше точка Нахожусь шесть нанопарсек от пункта запеленгованного SOS точка Конец».

Вдруг второй радиотелеграфист, тот, бледный, издал какой-то нечленораздельный звук – все стоящие склонились над ним. Человек, который впустил Пиркса, подал командору заполненные бланки. Второй телеграфист писал:

«Альбатрос четыре всем точка Лежу в дрейфе эллипса Т 341 сектор 65 точка Обшивка корпуса раскрывается дальше точка Кормовые перегородки плавятся точка Аварийная тяга реактора 0,3g точка Реактор выходит из-под контроля точка Главный простенок поврежден во многих местах точка Повреждение на палубе третьей ступени возрастает под действием аварийной тяги точка Течь раствора продолжается точка Пытаюсь цементировать точка Перевожу экипаж в носовой отсек точка Конец».

У радиотелеграфиста тряслись руки, когда он писал. Один из стоящих взял его за ворот рубахи, поднял, вытолкнул за дверь, сам вышел, через минуту возвратился и сел на его место.

– У него там брат, – пояснил он, ни к кому не обращаясь. Пиркс наклонился теперь над пожилым, который вдруг начал писать:

«Луна Главная Альбатросу четыре Марс – Луна точка Идут к вам Порыв из сектора 64 Титан из сектора 67 Баллистический восемь из сектора 44 Кобальт семь ноль два из сектора 94 точка Цементируйте течь простенка в скафандрах за щитами при давлении точка Сообщите аварийный дрейф на данное время точка...»

Человек, заменивший молодого телеграфиста, громко произнес: «Альбатрос!» – и все сгрудились возле него. Он писал: «Альбатрос четыре ко всем точка Аварийный дрейф не установлен точка Шпангоуты корпуса плаваются точка Теряю воздух точка Экипаж в скафандрах точка Машинное отделение под раствором щиты пробиты температура в рулевой рубке 63 первая пробоина зацементирована точка Раствор бурлит точка Заливает главный передатчик точка Буду держать связь только по радиэфону ждем вас точка Конец».

Пиркс хотел закурить – почти все курили, и видно было, как дым синими лентами уносится вверх, всасываемый вентиляционными отверстиями. Он искал по всем карманам сигареты и не мог найти. Кто-то – он не заметил кто – всунул ему в руку открытую пачку. Он закурил. Командор нарушил молчание:

– Коллега Минделль.

Тот закусил нижнюю губу.

– Полный ход.

Минделль, казалось, был озадачен, но молчал.

– Хотите предупредить? – спросил человек, сидящий рядом с командором.

– Да. Я сам. Дайте.

Он подтянул к себе микрофон, подвешенный на рычаге, и начал говорить:

– Титан Марс – Земля Альбатросу четыре. Идем к вам полным ходом. Находимся на границе вашего сектора. Будем через час. Пробуйте выйти через аварийный люк. Будем около вас через час. Идем полным ходом. Держитесь. Конец.

Он оттолкнул микрофон и встал. Минделль говорил по внутреннему телефону у противоположной стены:

– Ребята, через пять минут полный ход. Да-да, – отвечал он тому, кто находился у другого конца провода.

Командор вышел. Слышен был его голос в другой комнате:

– Внимание! Внимание! Пассажиры! Внимание! Внимание! Пассажиры! Передаем важное сообщение. Через четыре минуты наш корабль увеличит скорость. Мы получили сигнал SOS и спешим...

Кто-то закрыл дверь. Минделль коснулся плеча Пиркса.

– Держись за что-нибудь. Сейчас будет больше двух.

Пиркс кивнул головой. 2g для него ровным счетом ничего не значило, но он понимал, что сейчас не время хвастаться собственной выносливостью. Послушно взявшись за подлокотник кресла, на котором сидел пожилой телеграфист, он читал через его плечо:

«Альбатрос четыре Титану точка В течение часа не продержусь на палубе точка Аварийный люк зажат лопающимися шпангоутами точка Температура в рулевой рубке 81 точка Пар поступает в рубку точка Буду пытаться разрезать носовую броню и выйти точка Конец».

Минделль выхватил у него из-под руки исписанный бланк и побежал в другую комнату. Когда он открывал двери, пол слегка дрогнул, и все почувствовали, что их тела делаются вдруг очень тяжелыми.

Вошел командор, он ступал с видимым усилием. Сел на свое кресло. Кто-то подал ему подвесной микрофон. В руках он держал скомканную, последнюю радиограмму «Альбатроса». Командор расправил листок и долго смотрел на него.

– Титан Марс – Земля Альбатросу четыре, – произнес он наконец. – Мы будем около вас через пятьдесят минут. Подойдем курсом восемьдесят четыре запятая пятнадцать. Восемьдесят один запятая два. Покидайте корабль. Мы найдем вас. Найдем наверняка. Держитесь. Конец.

Человек в расстегнутом кителе, заменивший молодого связиста, вдруг вскочил и посмотрел на командора, который подошел к нему. Телеграфист снял с головы наушники, командор

надел их, а телеграфист принялся регулировать надсадно хрипящий репродуктор. Вмиг все оцепенели.

В кабине стояли люди, летавшие годами, но такого никто из них еще не слышивал. Тот, чей голос, смешанный с протяжным шумом, доносился из репродуктора, как бы отгороженный стеной огня, кричал:

– Альбатрос – всем – раствор – рулевая рубка – температура – невозможно – экипаж до конца – прощайте – проводка...

Голос оборвался, теперь был слышен только шум.

Репродуктор заскрипел. Было тяжело держаться на ногах – однако все стояли, сгорбившись, опираясь о металлические стены.

– Баллистический восемь Луне Главной, – отозвался сильный голос. – Иду к Альбатросу четыре. Открывайте мне путь через сектор 67, иду полным ходом, маневрировать при обходах не могу. Прием.

Молчание продолжалось несколько секунд.

– Луна Главная ко всем в секторах 66, 67, 68, 46, 47, 48 и 96. Объявляю секторы закрытыми. Все корабли, которые не идут полным ходом к Альбатросу четыре, должны тотчас застопорить, поставить реакторы на холостой ход и зажечь позиционные огни. Внимание, Порыв! Внимание, Титан Марс – Земля! Внимание, Баллистический восемь! Внимание, Кобальт семь ноль два! К вам обращается Луна Главная! Я открываю вам свободную дорогу к Альбатросу четыре. Всякое движение в секторах ведущего радиуса пункта SOS приостанавливается. Начинается торможение в нанопарсеке от пункта SOS. Следите за тем, чтобы погасить тормозные огни в оптическом радиусе Альбатроса, поскольку его экипаж уже мог покинуть палубу. Удачи. Конец.

Теперь отозвался «Порыв» по Морзе. Пиркс вслушивался в писк сигналов.

«Порыв Марс – Земля ко всем идущим на помощь Альбатросу четыре точка Я вошел в сектор Альбатроса через 18 минут буду около него точка У меня перегрет реактор охлаждение повреждено точка После спасательных работ будет необходимость во врачебной помощи точка Начинаю тормозить полным задним ходом точка Конец».

– Сумасшедший, – проговорил кто-то, и тогда все, стоявшие донныне как статуи, начали искать глазами того, кто это сказал. Раздалось короткое, гневное бормотание.

– «Порыв» будет первым, – заметил Миндель и взглянул на командора.

– Сам потребует помощи. Через сорок минут...

Он умолк. Репродуктор продолжал хрипеть, вдруг сквозь треск удалось расслышать:

– Порыв Марс – Земля ко всем идущим на помощь Альбатросу четыре. Нахожусь в оптическом радиусе Альбатроса. Альбатрос дрейфует приблизительно по эллипсу Т 348. Корма раскалена. Сигнальные огни отсутствуют. Альбатрос не отвечает на позывные. Останавливаюсь и приступаю к спасательным действиям. Конец.

В другой комнате отозвались зуммеры. Миндель и еще один мужчина вышли. У Пиркса от напряжения одеревенели все мышцы. Боже! Как ему хотелось оказаться там! Миндель возвратился.

– Что там? – спросил командор.

– Пассажиры интересуются, когда можно будет танцевать, – ответил Миндель. Пиркс даже не расслышал этих слов. Он смотрел в репродуктор.

– Скоро, – спокойно сказал командор. – Подключите оптическую. Подходим. Через несколько минут мы должны их увидеть. Коллега Миндель, дайте второе предупреждение – мы будем тормозить на форсаже.

– Есть, – ответил Миндель и вышел.

Репродуктор загудел, и раздался голос:

– Луна Главная Титану Марс – Земля, Кобальту семь ноль два! Внимание! Внимание! Внимание! Баллистический восемь заметил в центре сектора 65 объект в два раза ярче Сириуса. Порыв и Альбатрос не отвечают на позывные. Возможен взрыв реактора на Альбатросе. С точки зрения безопасности пассажиров призываю Титана Марс – Земля застопорить и немедленно отозваться. Баллистический восемь и Кобальт семь ноль два действуют дальше по собственному усмотрению. Повторяю: Титан Марс – Земля обязан...

Все не сводили глаз с командора.

– Коллега Миндель, – сказал он, – застопорим в нанопарсеке?

Миндель смотрел на циферблат своих часов.

– Нет, командор. Мы входим в оптическую зону. Потребовалось бы 6g.

– Тогда изменим курс.

– У нас будет по меньшей мере три, – сказал Миндель.

– Ничего не поделаешь.

Командор встал, подошел к микрофону и заговорил:

– Титан Марс – Земля Луне Главной. Не могу застопорить, у меня слишком большая скорость. Меняю курс обходным маневром на половинной мощности двигателей и выхожу курсом двести два из сектора 65 в сектор 66. Прошу открыть мне путь. Прием.

– Примите подтверждение, – обратился он к мужчине, который только что сидел подле него. Миндель кричал что-то по внутреннему телефону. Неустанно гудели зуммеры. На табло вспыхивали огоньки. Вдруг сделалось как будто темнее – это всего-навсего кровь отхлынула от глаз. Пиркс широко расставил ноги. Шло торможение при повороте. «Титан» едва заметно вибрировал, слышался протяжный рокот двигателей.

– Сесть! – крикнул командор. – Мне не нужны здесь герои! Сейчас три!

Все сели, вернее, повалились на пол. Он был покрыт толстым слоем пенопластика.

– Ого! Теперь там все переломается! – буркнул человек, сидящий рядом с Пирксом. Командор услышал это.

– Страховое общество заплатит, – ответил он из своего кресла. Кажется, было больше 3g – Пиркс не мог поднять руку к лицу. Наверное, все пассажиры лежали в каютах – но что делалось в кухнях, в столовых! Он представил себе оранжерею. Ведь этого ни одно дерево не выдержит. А внизу? Целые груды битого фарфора! Недурное зрелище!

Репродуктор отозвался:

– Баллистический восемь ко всем. Нахожусь в оптической зоне Альбатроса. Он – в туче. Корма раскалилась докрасна. Прекращаю торможение и высылаю в пространство отряды для поисков экипажа Альбатроса. Порыв не отвечает на позывные. Конец.

Ускорение уменьшалось. Кто-то показался в дверях и что-то крикнул. Можно было подыматься. Все двинулись к дверям. Пиркс вышел последним. Это была главная рулевая рубка. Экран, восемь на шестнадцать метров, занимал всю переднюю стену – вогнутый, огромный, как в каком-нибудь кинотеатре для гигантов. Все огни в рубке были погашены. В пространстве, на черном, усыпанном звездами фоне, ниже главной оси «Титана», в левом квадранте, тлела тонкая черточка, оканчивающаяся искрящимся вишневым угольком, похожим на огонек папиросы. Она была ядром бледного, слегка приплюснутого пузыря, от которого во все стороны расходились утончающиеся, похожие на колючки отростки. Сквозь это шаровидное облако все отчетливее пробивался свет наиболее ярких звезд. Вдруг все подались вперед – словно желая войти в экран. Совсем низко, в правом нижнем углу, сверкнула среди звезд белая точка – и принялась быстро мигать. Это был «Порыв».

«В реакторе Альбатроса началась неуправляемая цепная реакция точка Имею потери в людях точка Обожженные точка Прошу врачей точка Передатчик поврежден взрывом точка Течь реактора точка Готов катапультировать реакторы, если не остановлю течь точка», – расшифровал Пиркс мигающую точку.

«Альбатроса» уже не было видно. Среди звезд висело тяжелое янтарно-бело-бурое облако дыма, увенчанное взбитой гривой. Оно оседало, передвигаясь в нижний левый угол экрана. «Титан» двигался над ним, выходя новым курсом из сектора катастрофы.

В глубину затемненной рубки упала длинная полоса света из дверей радиорубки. Слышался голос «Баллистического»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.